

ISSN 0205-9592

Том 44, Номер 3

Май – Июнь 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://ras.jes.su/psy>

СОДЕРЖАНИЕ

Том 44, № 3, 2023

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования
Т. А. Нестик 5
- Динамика межличностных оценок при различной включенности в коммуникативную ситуацию
А. А. Демидов, К. И. Ананьева 18
- Стили привязанности в близких отношениях и их влияние на отношение к внешнему облику
В. А. Лабунская 26
-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности
А. С. Эльзесер, Т. В. Капустина, Р. В. Кадыров 36
-

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран.
Часть I. Введение в проблему
Н. В. Муращенко, В. В. Гриценко, М. Н. Ефременкова 49
-

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Развитие научной проблематики в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН: историко-психологическое исследование
Т. В. Дробышева 61
-

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

- Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть I. Библиометрический анализ
А. Л. Журавлев, А. А. Костригин 71
-

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Методологическая рефлексия жизнетворчества А. В. Брушлинского и становления субъектно-деятельностной парадигмы современной психологии (к 90-летию выдающегося ученого)
И. Н. Семенов 83
-

ДИСКУССИЯ

- Проблема понятийного пространства современной психологии
В. А. Мазилов, Ю. Н. Слепко 93
- К проблеме эволюции понятийного аппарата психологии: от прошлого к будущему
Н. В. Гришина, С. Н. Костромина 99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности: по итогам Международной научно-практической конференции <i>В. Ю. Хотинец, О. В. Кожевникова</i>	106
Седьмая международная научно-практическая конференция “Актуальные проблемы исследования массового сознания” <i>В. В. Константинов</i>	110

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Леониду Михайловичу Попову — 80 лет	115
Главному редактору “Психологического журнала” Анатолию Лактионовичу Журавлеву — 75 лет	117
Лидия Владимировна Матвеева	119
Варвара Ильинична Моросанова	121

* * *

Курек Николай Сергеевич	123
-------------------------	-----

CONTENTS

Vol. 44, No. 3, 2023

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Social Optimism of Russians in a Crisis: Results of a Longitudinal Study
T. A. Nestik 5
- Dynamics of Interpersonal Evaluations under Different Involvement in Communicative Situation
A. A. Demidov, K. I. Ananyeva 18
- Attachment Styles in Close Relationships and their Impact on Attitudes Toward Appearance
V.A. Labunskaya 26
-

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

- Propensity to Extremism in the Context of Socio-Psychological Maladjustment
A. S. Elzesser, T. V. Kapustina, R. V. Kadyrov 36
-

CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

- Values and Planned Emigration Behavior Among Students from Three Countries. Part I. Introduction to Study
N. V. Murashchenkova, V. V. Gritsenko, M. N. Efremenkova 49
-

HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Development of Social-Psychological Problems in Scientific Activity of IP RAS Laboratory: Historical-Psychological Research
T. V. Drobysheva 61
-

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

- Quantitative Analysis of the Publications of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences on the Scientific Direction of Psychology of Morality in 2002–2021. Part I. Bibliometric Analysis
A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin 71
-

MEMORABLE DATES

- Methodological Reflection on the Personology of A. V. Brushlinsky's Life Creation and the Formation of the Subject-Activity Paradigm of Modern Psychology (to the 90th Anniversary of the Outstanding Scientist)
I. N. Semenov 83
-

DISCUSSION

- Problems of Research of Abilities in Modern Russian Psychology: In Search of a New Theory
V. A. Mazilov, Iu. N. Slepko 93
- To the Problem of the Evolution of the Conceptual Apparatus of Psychology: From the Past to the Future
N. V. Grishina, S. N. Kostromina 99

SCIENTIFIC LIFE

Transmission of Cultural Experience and Social Practices in the Age of Transitivity: The Outcome of an International Scientific and Practical Conference

B. Y. Khotinets, O. V. Kozhevnikova

106

Seventh International Scientific and Practical Conference “Current Trends in Researches of Mass Consciousness”

V. V. Konstantinov

110

OUR JUBELEES

The 80-th anniversary of Leonid Mikhailovich Popov

115

The 80-th anniversary of the editor-in-chief of “Psikhologicheskii zhurnal” Anatoly Laktionovich Zhuravlev

117

Lydia Vladimirovna Matveeva

119

Varvara Ilyinichna Morosanova

121

* * *

Kurek Nikolai Sergeevich

123

УДК 159.923:316.6

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2023 г. Т. А. Нестик

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор РАН,

заведующий лабораторией социальной и экономической психологии.

E-mail: nestik@gmail.com

Поступила 29.01.2023

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к изучению социального оптимизма как социально-психологического феномена, выделены его теоретическая структура и психологические функции. Представлены результаты лонгитюдного исследования, проведенного среди взрослых россиян ($N = 664$, шесть срезов) с 3 марта по 26 декабря 2022 г. и направленного на выявление социально-психологических предпосылок устойчивости социального оптимизма в условиях кризиса. Показано, что социальный оптимизм прямо связан с характеристиками, лежащими в основе жизнеспособности личности: самоэффективностью, субъективным контролем, диспозиционным оптимизмом, опорой на позитивное переосмысление и обращением за эмоциональной поддержкой. При этом субъективный контроль повышает устойчивость социального оптимизма личности в условиях кризиса. Подтверждена гипотеза о том, что социальный оптимизм усиливается социально-психологическими характеристиками, облегчающими консолидацию усилий для совместного ответа на вызовы кризиса: гражданской идентичностью; воспринимаемой социальной поддержкой; сопереживанием другим людям, пострадавшим во время кризиса; генерализованным доверием; доверием к институтам гражданского общества; а также политической самоэффективностью. Напротив, социальный оптимизм негативно связан с верой в опасный мир, социальным цинизмом и конспирологическим мировоззрением. При этом основной вклад в стабильность социального оптимизма вносит коллективная политическая самоэффективность, тогда как социальный цинизм ускоряет его снижение. Результаты исследования позволили выдвинуть предположение о существовании двух дополняющих друг друга механизмов поддержания социального оптимизма: через усиление гражданской идентификации и значимости коллективного будущего для личности (эту роль выполняет ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) и через сопереживание и усиление значимости взаимопомощи в условиях кризиса (под влиянием “индивидуализирующих” моральных оснований заботы о людях и справедливости).

Ключевые слова: социальная психология, социальный оптимизм, коллективная самоэффективность, позитивные иллюзии, гражданская идентичность, оправдание социальной системы, институциональное доверие, психологическое благополучие, моральные основания.

DOI: 10.31857/S020595920026152-3

В общественных науках социальный оптимизм часто рассматривается как одна из характеристик социального настроения — доминантной характеристики общественного сознания и готовности его реализовать на практике с определенной ценностной установкой [12]. Социальный оптимизм считается индикатором реализации основных

социальных потребностей, измеряемым как уверенность респондентов в том, что ситуация в стране будет улучшаться, что страна движется в правильном направлении [1].

В психологической литературе социальный оптимизм понимается прежде всего как генерализованное ожидание благополучного преодоления тех или иных конкретных социальных проблем в будущем: преступности, коррупции, социального неравенства, экономических кризисов и подверженности катастрофам [3; 27]. Он может измеряться и как

¹ Исследование выполнено в рамках проекта “Социально-психологические факторы конструирования образа будущего России разными поколениями россиян в условиях кризиса” (госзадание № 0138-2022-0010).

оценка контролируемости негативных событий, а также вероятности социальных кризисов и техногенных катастроф [21]. Известно, что социальный оптимизм, как правило, ниже, чем диспозиционный оптимизм личности, что принято связывать с низкой оценкой контролируемости коллективного будущего [26].

Собственно социально-психологический подход к изучению социального оптимизма опирается на концепцию коллективной самооэффективности — убеждения членов группы в способности совместными усилиями организовать и реализовать действия, необходимые для достижения тех или иных целей [14; 22; 23]. Именно надежду на благополучное будущее и веру в способность общества справляться с трудностями можно рассматривать в качестве основных психологических компонентов социального оптимизма [20; 22].

Являясь характеристикой коллективного образа будущего [5; 7], социальный оптимизм выполняет ряд психологических функций, важнейшими среди которых являются инструментальная (облегчение постановки коллективных целей и решения проблем в совместной деятельности), сплочивающая (поддержание доверия и взаимопомощи членов группы друг другу) и защитная (защита позитивной групповой идентичности и психологического благополучия членов группы, проявляющаяся в нереалистических позитивных ожиданиях).

В условиях кризиса защитная функция социального оптимизма усиливается, о чем говорят проведенные нами ранее исследования. В частности, нами было проведено лонгитюдное онлайн-исследование с двумя срезами 24 марта 2021 г. и 26 августа 2022 г., в котором приняли участие взрослые россияне ($N = 812$; 45% — мужчины; 55% — женщины; $M_{\text{возр}} = 43.5$; $SD = 12$). Помимо прочих методик в анкету были включены шкала социального оптимизма Т.А. Нестика (см. ниже) и шкала субъективного счастья С. Любомирски в адаптации Е.Н. Осина и Д.Н. Леонтьева. Анализ значимых различий с использованием критерия Вилкоксона показал, что субъективное счастье снизилось (март 2021 г.: $M = 4.71$; $SD = 1.31$; август 2022 г.: $M = 4.52$; $SD = 1.32$; $Z = -5.37$; $p < 0.001$), но при этом уровень социального оптимизма вырос (март 2021 г.: $M = 3.05$; $SD = 0.663$; август 2022 г.: $M = 3.20$; $SD = 0.692$; $Z = -7.22$; $p < 0.001$). О повышении уровня социального оптимизма говорит также сопоставление данных двух репрезентативных общероссийских поквартирных опросов, проведенных нами совместно с Исследовательской группой ЦИРКОН в феврале ($N = 3000$) и ноябре ($N = 4800$) 2022 г. В опросах использовались утверждения

из разработанной нами шкалы социального оптимизма (см. ниже). Как оказалось, в ноябре 61% респондентов в той или иной мере согласились с утверждением о том, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему (в феврале — 54%), столько же (61%) согласились с утверждением, что наши дети будут жить лучше нас (в феврале — 50%) и 58% — с утверждением, что российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны (в феврале — 45%). На наш взгляд, более высокий уровень социального оптимизма по сравнению с периодом, предшествующим началу специальной военной операции (СВО), может объясняться двумя основными механизмами: мобилизацией ресурсов личности при погружении в затяжной кризис и “позитивными иллюзиями”, через которые реализуется компенсаторная, защитная функция социального оптимизма.

Динамика индивидуального оптимизма неоднократно изучалась в разных контекстах (см., например: [15; 18]), однако лонгитюдных исследований, специально направленных на изучение социального оптимизма, насколько нам известно, ранее не проводилось. Особый интерес в этой связи представляют изменения социального оптимизма в условиях кризиса, так как прояснение социально-психологических факторов, обуславливающих его сохранение вопреки нарастанию социальных проблем, может помочь не только при разработке программ психологической поддержки граждан в нынешних условиях, но и при поиске ответа общества на другие природные и антропогенные угрозы — эпидемиологические, технологические и климатические.

Цель проведенного нами лонгитюдного исследования состояла в том, чтобы выявить социально-психологические предпосылки устойчивости социального оптимизма в условиях военных действий и экономического кризиса. В ходе исследования проверялось несколько *гипотез*.

Во-первых, мы предположили, что социальный оптимизм будет поддерживаться характеристиками, лежащими в основе жизнеспособности личности: самооэффективностью, диспозиционным оптимизмом, опорой на позитивное переосмысление и обращением за эмоциональной поддержкой. *Во-вторых*, мы предположили, что социальный оптимизм в условиях кризиса будет более устойчивым у респондентов, характеризующихся первоначально более высоким уровнем психологического благополучия. *В-третьих*, мы исходили из гипотезы о том, что социальный оптимизм будет поддерживаться социально-психологическими характеристиками,

облегчающими консолидацию усилий для совместного ответа на вызовы кризиса: гражданской идентичностью, воспринимаемой социальной поддержкой, сопереживанием, генерализованным доверием, доверием к институтам гражданского общества, а также верой в способность индивидуальными или совместными усилиями повлиять на принимаемые в стране политические решения. И, напротив, мы ожидали, что социальный оптимизм будут быстрее утрачивать респонденты, характеризующиеся верой в опасный мир, социальным цинизмом и конспирологическим мировоззрением. В-четвертых, мы предположили, что социальный оптимизм будет поддерживаться “эффектами сплочения вокруг флага”, то есть солидаризацией вокруг руководства страны перед лицом внешней угрозы: доверием к федеральной власти, поддержкой СВО, нетерпимостью к критике своей страны, авторитаризмом правового толка, оправданием социальной системы (верой в справедливое устройство российского общества). И, напротив, мы ожидали, что негативное отношение к политической элите будет ускорять снижение социального оптимизма. Наконец было выдвинуто предположение о том, что возраст, а также объем экономических и символических ресурсов (уровень доходов и образование) будут замедлять его снижение в условиях кризиса.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка. Лонгитюдное исследование проводилось с марта по декабрь 2022 г. с привлечением онлайн-панели Анкетолог и включало шесть срезов: 1) 3–4 марта ($N = 1729$); 2) 5–6 апреля ($N = 930$); 3) 30–31 мая ($N = 907$); 4) 5–6 октября ($N = 976$); 5) 30–31 ноября ($N = 608$); 6) 24–26 декабря ($N = 775$). Каждый раз участникам панели по электронной почте рассылалось приглашение принять участие в мониторинге психологического благополучия россиян на основаниях информированного согласия и гарантированной анонимности, при этом за участие в исследовании выплачивалось небольшое вознаграждение.

Во избежание ошибки II рода с помощью модуля Jpower программы Jamovi v. 2.3.21 было определено минимальное количество респондентов в связанных выборках: для выявления эффектов масштаба $\delta \geq 0.2$ со статистической мощностью 0.8 на основании двустороннего критерия и при значимости ошибки I рода $\alpha = 0.05$ нам потребовалось бы 199 испытуемых. Для статистического анализа были отобраны взрослые россияне, принявшие участие, как минимум, в трех волнах нашего исследования (обязательно — в первой, второй

и четвертой) и проживающие в Российской Федерации по состоянию на октябрь 2022 г. Выбор этих критериев включения в выборку объяснялся тем, что первый и второй срезы пришлось на первые 40 дней с начала СВО и позволили зафиксировать реакцию на исторический поворот, произошедший в жизни страны и мира, тогда как четвертый срез был сделан через 14 дней после второго переломного для россиян события 2022 г. — объявления частичной военной мобилизации. Таким образом, в итоговую выборку были включены 664 взрослых от 18 до 85 лет (50.2% ($N = 333$) — мужчины; 49.8% ($N = 331$) — женщины; $M_{\text{возр}} = 44.4$; $SD = 10.8$). Из них 459 человек участвовали в третьем срезе, 386 — в пятом срезе и 489 — в шестом. При обработке пропущенных значений использовался метод максимального правдоподобия при полной информации [13]. По состоянию на октябрь 2022 г. среди отобранных нами 664 россиян 27.6% проживали в Москве или Санкт-Петербурге, 28.5% — в городах-миллионниках, 14.3% — в городах с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн, 12.3% — в городах с численностью жителей от 250 тыс. до 500 тыс., 6.6% — в городах с менее 100 тыс. жителей, а 3.5% — в селах и поселках. Лишь 30% отметили, что под влиянием СВО и санкций их жизнь никак не изменилась. Остальные признали, что им пришлось изменить привычный образ жизни (24%), отказаться от приобретения дорогих товаров (43%), отказаться от планов, таких как ремонт, переезд или получение образования (28%); причем у 25% существенно сократился доход семьи, а 4% потеряли работу или источник дохода.

Инструментарий исследования. Для оценки социального оптимизма использовалась шкала, при разработке которой мы опирались на наши теоретические представления о социальном оптимизме как о феномене, включающем в себя генерализованное ожидание позитивных социальных изменений и оценку способности своей группы к преодолению трудностей. Методика состоит из пяти утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагается оценить по 5-балльной шкале: “Я уверен(-а), что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему”, “Наши дети будут жить лучше нас”, “Российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны”, “В ближайшие 3–4 года уровень социального неравенства в нашей стране снизится”, “В ближайшие 3–4 года уровень коррупции в нашей стране снизится”. Апробация шкалы была проведена на выборке взрослых россиян в 2021 г. ($N = 1002$; 45% — мужчины; 55% — женщины; $M_{\text{возр}} = 38.7$; $SD = 12.6$). Конфирматорный факторный анализ показал высокую пригодность

двухфакторной модели с ковариацией ошибок пунктов 1 и 3 ($\chi^2 = 4.58$; $DF = 3$; $p = 0.205$; $CFI = 0.999$; $TLI = 0.998$; $SRMR = 0.006$; $RMSEA = 0.023$ [0; 0.062]). Веса всех переменных, которые входят в соответствующие факторы, значимы на уровне $p < 0.001$. Факторы коллективной самооэффективности (пункты 1–3) и позитивных ожиданий (пункты 4, 5) положительно коррелируют друг с другом ($R = 0.635$). Межпозиционная корреляция вопросов с общей шкалой находится в диапазоне от 0.620 до 0.716. Нами не было выявлено достоверных различий по уровню социального оптимизма между мужчинами и женщинами ($F = 0.859$; $p = 0.354$). Шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность как при апробации ($N = 1002$; $\alpha = 0.856$; $M = 2.73$; $SD = 0.878$), так и в первом срезе нашего исследования ($N = 1729$; $\alpha = 0.890$; $M = 2.80$; $SD = 0.961$).

Для измерения субъективного благополучия использовались скрининговые шкалы депрессии и тревоги (PHQ-2 и GAD-2), опросник “Спектр психологического здоровья” К. Киза в адаптации Е.Н. Осина и Д.Н. Леонтьева, шкала тревоги по поводу будущего З. Залеского [9]. Для измерения стратегий совладания в опросник была включена краткая версия методики “Опросник совладания со стрессом” в адаптации Е.И. Рассказовой. Также в анкету первого среза был включен тест диспозиционного оптимизма в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева и Е.Н. Осина.

Для измерения общей самооэффективности в условиях кризиса использовалась: 5-балльная шкала из двух пунктов (пример: “Я знаю, что смогу успешно пройти через эти трудные времена, связанные с войной и санкциями, наложенными на нашу страну”; $\alpha = 0.931$). Для измерения воспринимаемой социальной поддержки и сопереживания людям, пострадавшим в ходе СВО, также использовались 5-балльные шкалы ($\alpha = 0.858$ и $\alpha = 0.772$).

Для измерения социально-психологических характеристик личности использовались 5-балльные скрининговые шкалы гражданской идентичности, генерализованного доверия, доверия государству и институтам гражданского общества [6]; модифицированные для массовых опросов 5-балльные сверхкраткие варианты шкал “Общая вера в справедливый мир” К. Дальберта в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер ($\alpha = 0.742$) и социальных верований Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева; “Опросник моральных оснований” Дж. Грэхема и Дж. Хайдта [10]; шкала политического и культурного патриотизма, шкала не критичного отношения к своей стране О.А. Гулевич; шкала социального цинизма, т.е. веры в то, что большинство людей готовы

солгать, пользуются другими и нарушают правила [2]; 10-балльный опросник конспирологического мировоззрения М. Брудера ($\alpha = 0.837$); сверхкраткая 5-балльная шкала оправдания социальной системы в адаптации Е.Р. Агадуллиной ($\alpha = 0.760$), шкала воспринимаемой индивидуальной и коллективной политической самооэффективности И. Сариевой, а также субшкала антиэлитизма из опросника популизма А. Шульца.

Анализ данных. Для анализа данных нами был использован метод анализа латентных изменений (Latent Growth Modeling) [17]. Анализ проводился с использованием программы Amos v. 26. Простая модель латентных изменений состоит из двух латентных переменных — *Incept* (“начало”, указывающее на выраженность переменной в начале измерений) и *Slope* (“наклон”, отражающий направленность и скорость изменений переменной). Нагрузки “начала” в наблюдаемых переменных во всех срезах лонгитюда были установлены на единице. Нагрузка “наклона” при первом срезе лонгитюда была установлена на нуле, тогда как нагрузка при последнем срезе была зафиксирована на единице. Поскольку у нас не было каких-либо гипотез относительно вида кривой изменений, нагрузки остальных случаев измерения были освобождены. Оценка пригодности модели проводилась по трем показателям, рекомендуемым для такого рода исследований [25]: χ^2 (его значимость сама по себе малоинформативна, учитывая неслучайный характер выборки), *CFA* (сравнительный индекс согласия, должен быть не ниже 0.9) и *RMSEA* (корень квадрата ошибки аппроксимации, хорошими считаются показатели, не превышающие 0.05, а приемлемыми — не выше 0.09).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование анализа повторных измерений ANOVA с помощью непараметрического критерия Фридмана позволяет говорить о наличии изменений в уровне социального оптимизма ($\chi^2 = 61.127$; $df = 5$; $p < 0.001$ (***)). Сравнение средних значений социального оптимизма по всем шести срезам (табл. 1) свидетельствует о том, что снижение общего показателя социального оптимизма произошло между началом марта и началом апреля, затем к концу мая наблюдался его подъем, возможно, связанный с тем, что российская экономика выстояла, несмотря на наложенные на нашу страну санкции. Наконец еще один спад социального оптимизма наблюдался к октябрю 2022 г., что могло быть связано с объявлением частичной военной мобилизации.

Таблица 1. Описательные статистики шкалы социального оптимизма в шести срезах лонгитюда ($N = 664$)

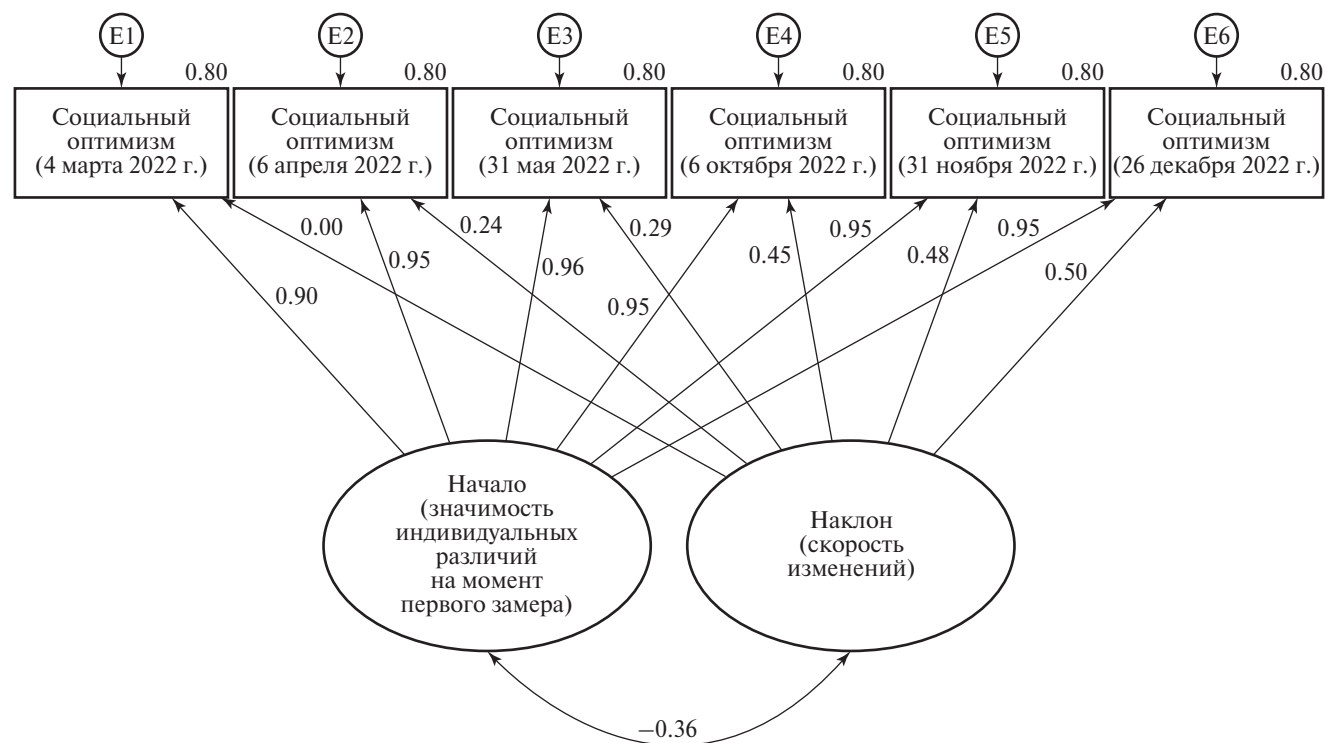
Переменные	M	SD	Асимметрия ($S.E.$)	Экссесс ($S.E.$)
Социальный оптимизм (4 марта)	3.03	1.03	-0.143 (0.095)	-0.617 (0.189)
Социальный оптимизм (6 апреля)	2.93	1.04	-0.039 (0.095)	-0.639 (0.189)
Социальный оптимизм (31 мая)	3.06	1.01	-0.114 (0.114)	-0.485 (0.227)
Социальный оптимизм (6 октября)	2.91	1.02	0.033 (0.095)	-0.575 (0.189)
Социальный оптимизм (31 ноября)	2.92	0.97	-0.114 (0.104)	-0.568 (0.208)
Социальный оптимизм (26 декабря)	2.95	0.99	-0.073 (0.111)	-0.617 (0.221)

Простая модель латентных изменений (рис. 1) продемонстрировала приемлемую пригодность (табл. 2). Значимость средних начала и наклона, а также отрицательное среднее значение наклона ($M = -0.114^{***}$; $SE = 0.030$) позволяют сделать вывод о том, что в интервале с марта по декабрь 2022 г. уровень социального оптимизма среди участников нашего исследования снижался. Значимость дисперсии начала показывает, что в начале марта наши респонденты различались между собой по уровню социального оптимизма, а значимость дисперсии наклона говорит о том, что степень снижения социального оптимизма в последующие месяцы была различна для разных испытуемых. Наконец отрицательная корреляция между началом и наклоном ($R = -0.364^{***}$) говорит о том, что чем выше был социальный оптимизм в начале марта 2022 г., тем быстрее он снижался в последующие месяцы. Изменение нагрузок наклона в шести

срезах лонгитюда показывает, что скорость снижения социального оптимизма быстрее всего росла между 4 марта и 6 апреля ($\beta = 0.240^{***}$), а затем — между 31 мая ($\beta = 0.290^{***}$) и 6 октября ($\beta = 0.445^{***}$), что может быть связано с осознанием последствий СВО и введенных в марте санкций, а затем — с начавшейся в конце сентября частичной военной мобилизацией.

На втором этапе нами было построено несколько моделей, позволяющих оценить вклад социально-демографических и личностных характеристик в динамику уровня социального оптимизма. Все модели оказались пригодными по двум из трех критериев соответствия эмпирическим данным, дисперсии всех переменных значимы на уровне $p < 0.001$. Пример модели представлен на рис. 2.

Как видно из табл. 3, стабилизирующее влияние на социальный оптимизм оказывают социальное

$$\chi^2 = 65.807; df = 17; p = 0.000; TLI = 0.982; CFI = 0.985; RMSEA = 0.066; 90\% CI [Lo = 0.049; Hi = 0.083]$$

Рис. 1. Простая модель латентных изменений уровня социального оптимизма

Таблица 2. Средние значения, дисперсии и ковариация показателей социального оптимизма в шести срезах лонгитюда

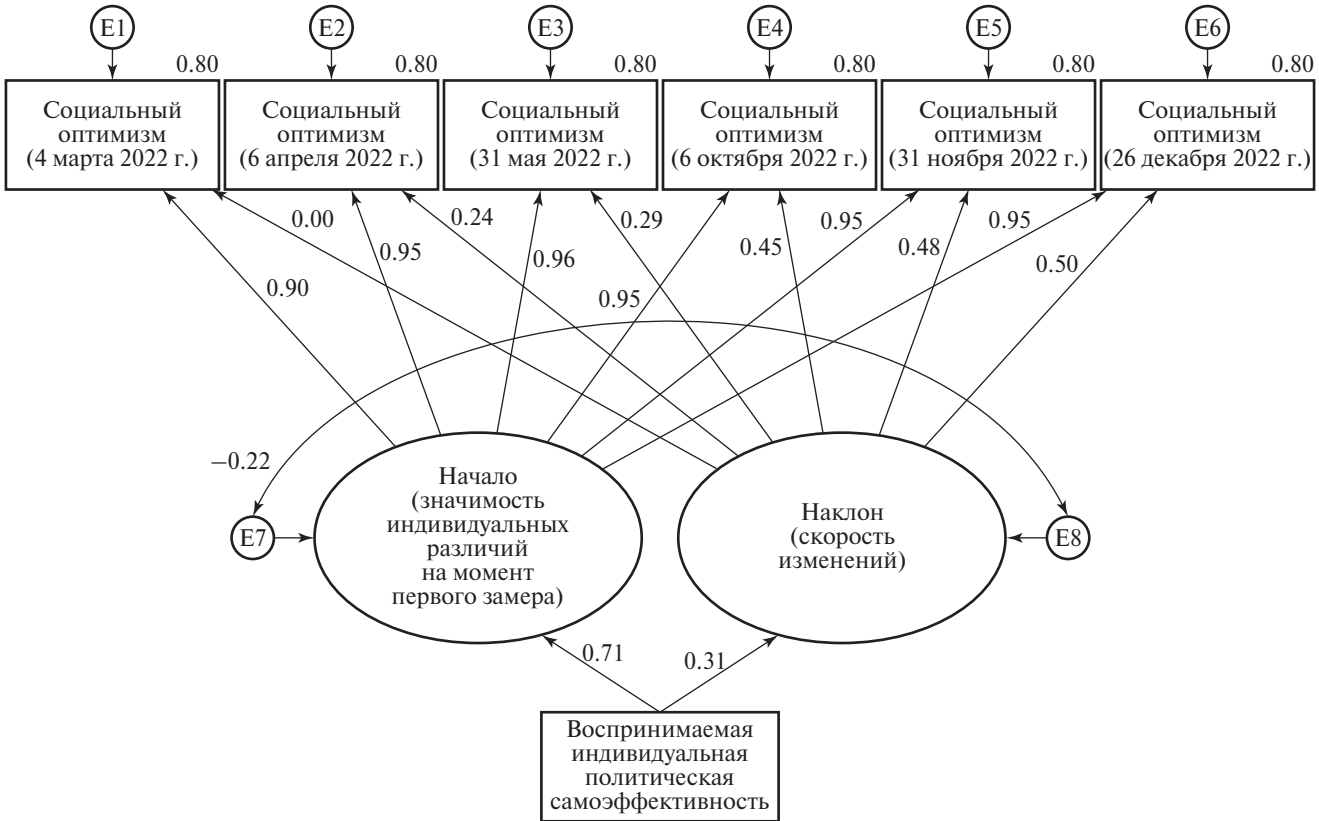
Латентные переменные	Значение	Стандартное отклонение	Значимость (p)
<i>Средние</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>)	3.021	0.040	<0.001
Наклон (<i>SLOPE</i>)	−0.114	0.030	<0.001
<i>Дисперсия</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>)	0.906	0.059	<0.001
Наклон (<i>SLOPE</i>)	0.253	0.040	<0.001
<i>Ковариация</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>) ⇔ Наклон (<i>SLOPE</i>)	−0.174	0.035	<0.001

Показатели соответствия модели эмпирическим данным: $\chi^2 = 65.807$; $df = 17$; $p < 0.001$; $TLI = 0.982$; $CFA = 0.985$; $RMSEA = 0.066$, 90% CI [0.049; 0.083].

благополучие, значимость либеральных и консервативных моральных оснований, сопереживание, гражданская идентичность, доверие к социальным институтам и в наибольшей степени — субъективный контроль и воспринимаемая политическая самоэффективность. Социальный цинизм и антиэлитные установки усиливали скорость снижения социального оптимизма. Среди социально-демографических характеристик на динамику социального оптимизма влиял только пол респондентов: женщины быстрее утрачивали социальный оптимизм, чем мужчины.

Все остальные рассмотренные нами индивидуально-психологические переменные ослабляют или усиливают изначальный уровень социального оптимизма, но не сказываются на его последующей динамике.

На третьем шаге анализа нами было построено несколько путевых моделей, в которых были объединены выявленные нами на предыдущем этапе предикторы наклона. Введение одних переменных ослабляло или полностью нивелировало эффекты

$\chi^2 = 70.721$; $df = 21$; $p = 0.000$; $TLI = 0.982$; $CFI = 0.986$; $RMSEA = 0.060$; 90% CI [$Lo = 0.045$; $Hi = 0.075$]

Рис. 2. Модель латентных изменений уровня социального оптимизма с воспринимаемой индивидуальной политической самоэффективностью в качестве предиктора начала и наклона

Таблица 3. Показатели пригодности моделей и вклад потенциальных предикторов в латентные факторы начала и наклона динамики социального оптимизма

Предикторы	$\chi^2 (df)$	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i> , 90% <i>CI</i>	Вклад предиктора в <i>Intercept</i> (β)	Вклад предиктора в <i>Slope</i> (β)
Уровень депрессии (PHQ-2)	71.811 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.076]	−0.330***	0.016
Уровень тревоги (GAD-2)	68.546 (21)	0.986	0.058 [0.043; 0.074]	−0.244***	0.021
Тревога по поводу собственного будущего	66.509 (21)	0.987	0.057 [0.042; 0.073]	−0.566***	0.097
Страхи по поводу последствий СВО и экономических санкций	70.565 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.075]	−0.435***	0.049
Эмоциональное благополучие (счастье, удовлетворенность жизнью, интерес к ней)	68.672 (21)	0.986	0.059 [0.043; 0.074]	0.334***	−0.008
Социальное благополучие (оценка своего вклада в общество, ощущение принадлежности, позитивная направленность развития общества)	72.551 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.560***	−0.180**
Психологическое благополучие (принятие себя, способность справляться с потоком задач, позитивные отношения, личностный рост)	72.424 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.407***	−0.077
Позитивное переформулирование как стратегия совладания	66.630 (21)	0.986	0.057 [0.042; 0.073]	0.299***	−0.083
Использование эмоциональной поддержки как стратегия совладания	71.015 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.076]	−0.090*	−0.006
Диспозиционный оптимизм	80.265 (21)	0.983	0.065 [0.050; 0.081]	0.596***	−0.046
Генерализованное доверие	79.630 (21)	0.983	0.065 [0.050; 0.080]	0.430***	−0.045
Этика автономии (MFQ): ориентация на индивидуализирующие моральные основания заботы о людях и справедливости	70.054 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.050	−0.142**
Этика сообщества (MFQ): ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе, чистоты и святости	70.054 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	0.461***	−0.132*
Вера в опасный мир	70.265 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	−0.399***	0.101
Вера в справедливость мира	76.765 (21)	0.984	0.063 [0.048; 0.079]	0.530***	−0.019
Конспирологическое мировоззрение	72.294 (21)	0.985	0.058 [0.043; 0.074]	−0.301***	0.085
Социальный цинизм	67.755 (21)	0.986	0.072 [0.057; 0.086]	−0.343***	0.127*
Воспринимаемая социальная поддержка в условиях кризиса	66.229 (21)	0.987	0.057 [0.042; 0.073]	0.434***	−0.133*
Самоеффективность в условиях кризиса	71.518 (21)	0.986	0.060 [0.045; 0.076]	0.550***	−0.105
Субъективный контроль: оценка зависимости своего будущего через 5 лет от собственных усилий	69.821 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.409***	−0.181**
Воспринимаемая предсказуемость собственного будущего через 5 лет	68.465 (21)	0.986	0.058 [0.043; 0.074]	0.474***	−0.071
Доверие к институтам гражданского общества: бизнесу, массовым общественным организациям, благотворительным фондам	70.006 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	0.589***	−0.195***
Доверие к федеральной власти: президенту, правительству, Госдуме, официальным СМИ	77.363 (21)	0.985	0.064 [0.049; 0.079]	0.805***	−0.234***
Оправдание социальной системы: вера в справедливое устройство российского общества	68.015 (21)	0.988	0.058 [0.043; 0.074]	0.837***	−0.248***

Окончание табл. 3

Предикторы	$\chi^2 (df)$	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i> , 90% <i>CI</i>	Вклад предиктора в <i>Intercept</i> (β)	Вклад предиктора в <i>Slope</i> (β)
Поддержка специальной военной операции в Украине	75.318 (21)	0.985	0.062 [0.048; 0.078]	0.598***	–0.088
Сопереживание к пострадавшим во время военного конфликта в Украине	69.794 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.154***	–0.188**
Гражданская идентичность	72.079 (21)	0.986	0.061 [0.046; 0.076]	0.665***	–0.168**
Культурный патриотизм (гордость историей и культурой своей страны)	72.943 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.077]	0.568***	–0.064
Некритичное отношение к стране (убеждение в недопустимости критики своей страны)	76.796 (21)	0.984	0.063 [0.048; 0.079]	0.537***	–0.072
Авторитаризм правого толка	76.976 (21)	0.984	0.063 [0.049; 0.079]	0.497***	–0.058
Антиэлитизм: негативное отношение к политической элите (субшкала популизма)	70.175 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	–0.571***	0.144*
Воспринимаемая индивидуальная политическая самоэффективность	70.721 (21)	0.986	0.060 [0.045; 0.075]	0.706***	–0.305***
Воспринимаемая коллективная политическая самоэффективность	76.102 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.728***	–0.475***
Пол (женский)	70.888 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.075]	–0.128***	0.134*
Возраст	74.278 (21)	0.984	0.062 [0.047; 0.077]	0.123**	0.015
Уровень доходов	68.993 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.074]	0.147***	0.028
Уровень образования	69.327 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	–0.140***	0.029

Примечание. *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$; df — степени свободы; *CFI* — comparative fit index (сравнительный индекс согласия); *RMSEA* — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации); все предикторы измерялись во время первого среза 3–4 марта 2022 г.

других, что привело к сокращению числа рассматриваемых предикторов в модели.

Наибольшее соответствие эмпирическим данным продемонстрировала модель, представленная на рис. 3 ($\chi^2 = 190.680$; $df = 46$; $p < 0.001$; $TLI = 0.961$; $CFI = 0.973$; $RMSEA = 0.069$; 90% *CI* [0.059; 0.079]). Все дисперсии и стандартизированные веса значимы на уровне $p < 0.001$.

Как видно из рисунка, доверие к власти, гражданская идентичность и коллективная политическая самоэффективность вносят вклад в первоначальный уровень социального оптимизма, но дальнейшая его динамика связана в наибольшей степени с коллективной политической самоэффективностью.

Еще одним предиктором устойчивости социального оптимизма оказалась ориентация на “этику автономии”, то есть значимость заботы о людях и справедливости при оценке своего и чужого поведения. При этом “этика сообщества” (консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) усиливает доверие федеральной власти и гражданскую идентичность и таким образом тоже опосредованно влияет на устойчивость социального оптимизма.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целом полученные нами результаты хорошо согласуются с данными проведенных ранее исследований. Так, ранее мы обнаружили связь социального оптимизма с верой личности в собственные силы [7]. В данном исследовании эта связь впервые подтверждена на основе лонгитюдных данных: социальный оптимизм более устойчив среди респондентов, которые верят в то, что их будущее в среднесрочной перспективе зависит от их усилий. Из предшествующих исследований мы знаем, что даже нереалистичный оптимизм может играть конструктивную роль в совладании и связан с субъективным контролем [19].

Известно, что социальный оптимизм тесно связан с доверием к социальным институтам [7; 8; 11]. В нашем исследовании доверие к федеральной власти и к институтам гражданского общества не только усиливало первоначальный уровень социального оптимизма, но и поддерживало его в последующие месяцы. Это может объясняться тем, что вера в благополучное преодоление обществом стоящих перед ним трудностей основывается на оценке способности граждан и государства

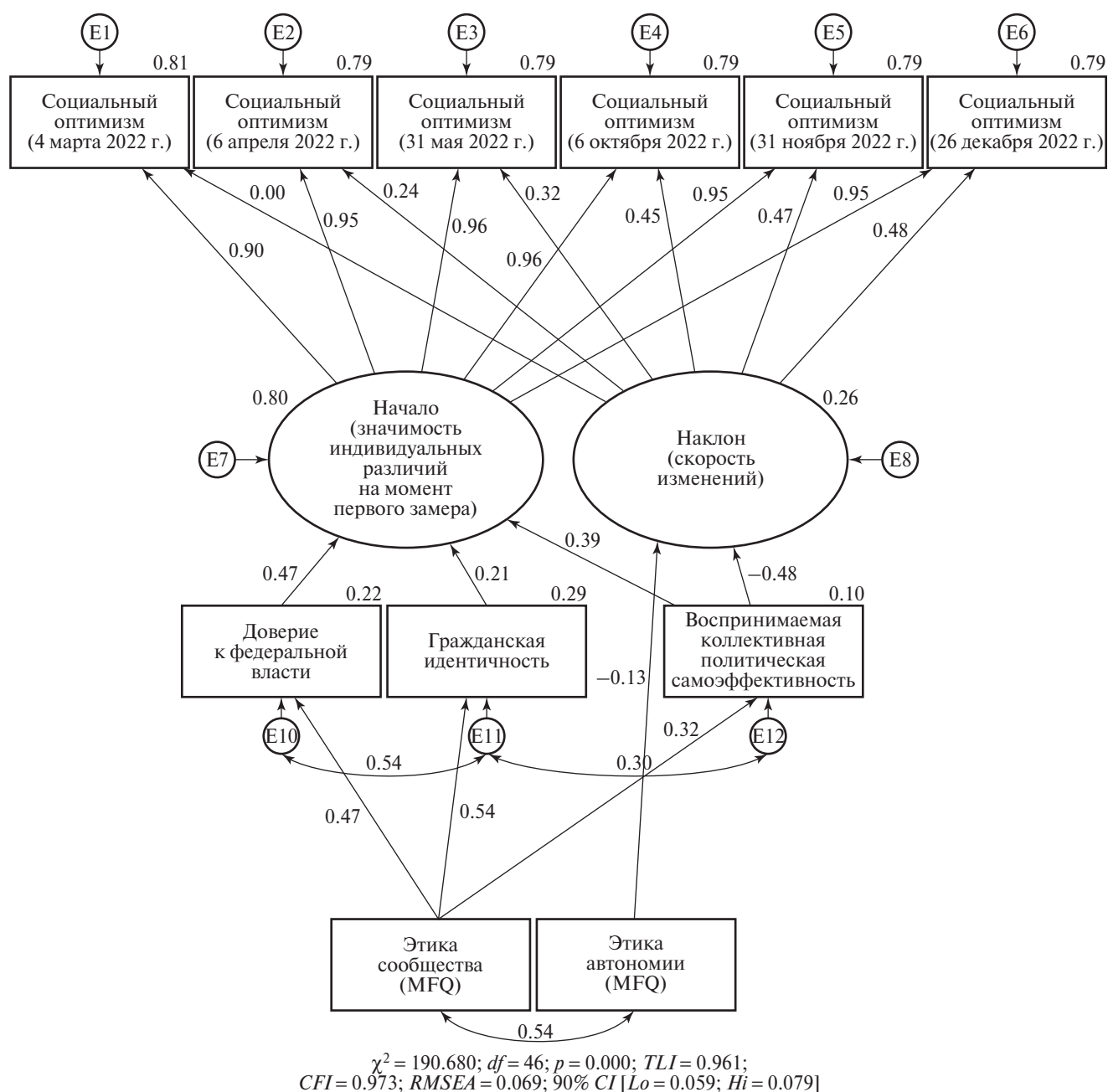

Рис. 3. Предикторы начала и наклона динамики социального оптимизма (путевая модель)

добиваться успехов с помощью спланированных, организованных “снизу” или “сверху” действий.

Выявленная нами стабилизирующая роль доверия к власти и оправдания социальной системы может быть связана с эффектом “сплочения вокруг флага” в условиях трудноконтролируемой угрозы [4; 24]. Иными словами, доверие к власти и вера в справедливое устройство общества могут облегчать опору на позитивный образ коллективного будущего как компенсаторный механизм защиты позитивной групповой идентичности при наличии образа внешнего врага.

Важным результатом исследования стали данные, указывающие на то, что устойчивость социального оптимизма поддерживается одновременно либеральными и консервативными моральными основаниями [10]. Ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости усиливает групповую идентификацию и тем самым повышает значимость коллективного будущего для личности. Ориентация на “индивидуализирующие” моральные основания заботы о людях и справедливости может ослаблять групповую идентификацию, но при этом усиливать готовность к сопереживанию и значимость

взаимопомощи. Именно этим, на наш взгляд, может объясняться стабилизирующее влияние либеральных моральных оснований на социальный оптимизм, при том что первоначальный его уровень от них не зависел. При этом, как мы и ожидали, социальный оптимизм снижался быстрее у респондентов, характеризующихся социальным цинизмом, затрудняющим обращение за помощью. На ценность взаимопомощи как основание социального оптимизма указывает и то, что его уровень на протяжении 2022 г. был устойчивее у респондентов, которые были более склонны к сопереживанию жертвам российско-украинского конфликта, а также выше оценивали социальную поддержку — наличие людей, на которых можно положиться в условиях кризиса. Эти данные хорошо согласуются также с результатами наших исследований, проведенных в период пандемии и показавших, что выраженность эмпатии усиливает долгосрочную ориентацию личности [7; 8].

Тем не менее нами не было обнаружено связи между скоростью изменений социального оптимизма и политическими верованиями: верой в опасный мир, верой в справедливость мира и конспирологическим мировоззрением, поддержкой СВО, культурным патриотизмом, авторитаризмом и некритичным отношением к своей стране. Можно предположить, что данные представления могут поддерживать социальный оптимизм или снижать его в зависимости от позитивной или негативной интерпретации событий, происходивших в военной, политической и социальной сферах, а также в зависимости от сочетания с другими политическими установками.

Мы не обнаружили связь скорости изменений уровня социального оптимизма с показателями эмоционального благополучия, диспозиционным оптимизмом, а также со стратегиями совладания. Изучение реакции людей на природные бедствия показывает, что нереалистичный пессимизм может сменяться нереалистичным оптимизмом [16], так что можно предположить, что отсутствие немедленных эффектов от наложенных санкций на фоне первоначальных панических настроений и выраженной тревожно-депрессивной симптоматики могло провоцировать завышенные ожидания в период весны и лета 2022 г. Отсутствие связи стратегий копинга со скоростью изменения социального оптимизма может объясняться тем, что они задействуются в начале кризиса, их роль ослабевает по мере привыкания к ситуации неопределенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют выдвинуть предположение о существовании двух дополняющих друг друга механизмов поддержания социального оптимизма: через усиление гражданской идентификации и значимости коллективного будущего для личности (эту роль выполняет ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) и через сопереживание и усиление значимости взаимопомощи в условиях кризиса (под влиянием “индивидуализирующих” моральных оснований заботы о людях и справедливости).

В целом наше исследование позволяет сделать вывод о том, что для поддержки социального оптимизма в условиях кризиса необходимы меры, направленные на укрепление уверенности граждан в своей способности влиять на собственное настоящее и будущее, ценностей сопереживания и взаимной поддержки, а также доверия к социальным институтам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров С. Ожидания от будущего: взгляды оптимистов и пессимистов // Левада-центр. 2020. 24 ноября [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (дата обращения: 22.11.2022)
2. Гулевич О., Кривошеков В., Шмыгалева С. Политический цинизм: русскоязычная шкала для измерения негативного отношения к политикам // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 73.
3. Донцов А.И., Зеленов И.А. О связи категоризации социального окружения (“своих”, “чуждых”, “иных”) с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. 2010. № 1. С. 134–150.
4. Казун А.Д. Эффект “*rally around the flag*”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.
5. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
6. Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 28–39.
7. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 9 (14); Горизонты будущего. С. 6–48.

8. *Нестик Т.А.* Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2021. С. 19–125.
9. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
10. *Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И.* Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.
11. *Темницкий А.Л.* Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 19–35.
12. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
13. *Arbuckle J.L.* Full information estimation in the presence of incomplete data // Advanced Structural Equation Modeling: Issues and Techniques / Eds. G.A. Marcoulides, R.R. Schumacker. Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.
14. *Bandura A.* Exercise of human agency through collective efficacy // Current Directions in Psychological Science. 2000. V. 9. № 3. P. 75–78.
15. *Birkeland M.S., Blix I., Solberg Ø., Heir T.* Does optimism act as a buffer against posttraumatic stress over time? A longitudinal study of the protective role of optimism after the 2011 Oslo bombing // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2017. V. 9. № 2. P. 207–213.
16. *Burger J.M., Palmer M.L.* Changes in and generalization of unrealistic optimism following experiences with stressful events: reactions to the 1989 California earthquake // Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. V. 18. № 2. P. 39–43.
17. *Duncan T.E., Duncan S.C.* An introduction to latent growth curve modeling // Behavior Therapy. 2004. V. 35. № 2. P. 333–363.
18. *Izydorczak K., Antoniuk K., Kulesza W., Muniak P., Doliński D.* Temporal aspects of unrealistic optimism and robustness of this bias: A longitudinal study in the context of the COVID-19 pandemic // PLoS One. 2022. V. 17. № 12. P. 1–17.
19. *Jefferson A., Bortolotti L., Kuzmanovic B.* What is unrealistic optimism? // Consciousness and Cognition. 2016. V. 50. P. 3–11.
20. *Jin B., Kim Y.-C.* Rainbows in society: A measure of hope for society // Asian Journal of Social Psychology. 2019. V. 22. № 1. P. 18–27.
21. *Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V.* The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust // Politologija. 2017. V. 85. № 1. P. 3–55.
22. *Muncy J., Iyer R.* The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption // Psychology & Marketing. 2020. V. 37. № 2. P. 216–231.
23. *Pietrantonio L.* Collective efficacy // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research / Ed. A.C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014.
24. *Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E.* Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat // Cognition and Emotion. 2019. V. 33. P. 480–491.
25. *Preacher K.J.* Latent growth curve models // The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences / Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. P. 178–192.
26. *Schweizer K., Rauch W.* An investigation of the structure of the social optimism scale with respect to the dimensionality problem // Journal of Individual Differences. 2008. V. 29. № 4. P. 223–230.
27. *Schweizer K., Schneider R.* Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome // Personality and Individual Differences. 1997. V. 22. P. 317–325.

SOCIAL OPTIMISM OF RUSSIANS IN A CRISIS: RESULTS OF A LONGITUDINAL STUDY²

T. A. Nestik

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

PhD (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.

E-mail: nestik@gmail.com

Received 29.01.2023

Abstract. The article considers the main approaches to the study of social optimism as a socio-psychological phenomenon, highlights its theoretical structure and functions. The results of a longitudinal empirical study conducted among adult Russians ($N = 664$, six measurements) from March 3 to December 26, 2022 and aimed at identifying the socio-psychological antecedents of the stability of social optimism in the conditions of crisis are presented. It is shown that social optimism is directly related to personal characteristics that underlie the resilience: self-efficacy, perceived control, dispositional optimism, positive reframing and seeking emotional support in a critical situation. The study reveals that perceived control increases the stability of the individual's social optimism in a crisis. The higher the social well-being of the individual, the belief in his ability to contribute to the development of society, the more stable is social optimism. The hypothesis is confirmed that social optimism is enhanced by socio-psychological characteristics that facilitate the consolidation of efforts for a joint response to the challenges of the crisis: civic identity; perceived social support; empathy for others affected by the war; generalized trust; trust in civil society institutions; as well as political self-efficacy, that is, the belief in the ability to influence political decisions made in the country. On the contrary, social optimism is negatively associated with belief in a dangerous world, social cynicism, and a conspiracy worldview. The main contribution to the stability of social optimism is made by collective political self-efficacy, while social cynicism accelerates its decline. The results of the study made it possible to suggest the existence of two complementary mechanisms for maintaining social optimism: through strengthening civic identification and the importance of the collective future for the individual (this role is played by moral foundations of respect for authority, loyalty to one's group and sanctity) and through empathy and strengthening the importance of mutual assistance in a crisis (under the influence of "individualizing" moral foundations of caring for people and fairness).

Keywords: social psychology, social optimism, collective self-efficacy, positive illusions, civic identity, social system justification, institutional trust, psychological well-being, moral foundations.

REFERENCES

1. *Goncharov S.* Ozhidaniya ot budushhego: vzglyady optimistov i pessimistov. Levada-centr. 2020. 24 nojabrja [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (data obrashheniya: 22.11.2022) (In Russian)
2. *Gulevich O., Krivoshekov V., Shmygaleva S.* Politicheskij cinizm: ruskoyazychnaya shkala dlja izmerenija negativnogo otnoshenija k politikam. Psihologicheskie issledovaniya. 2020. V. 13. № 73. (In Russian)
3. *Doncov A.I., Zelenev I.A.* O svyazi kategorizacii social'nogo okruzheniya ("svoih", "chuzhdyh", "inyh") s optimizmom/pessimizmom u rossijan. Razvitie lichnosti. 2010. № 1. P. 134–150. (In Russian)
4. *Kazun A.D.* Jeffekt "rally around the flag". Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremja tragedij i mezhdunarodnyh konfliktov?. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 1. P. 136–146. (In Russian)
5. *Nestik T.A.* Kollektivnyj obraz budushhego: social'no-psihologicheskie aspekty prognozirovaniya. Voprosy psichologii. 2014. № 1. P. 3–13. (In Russian)
6. *Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie predposylki i tipy dolgosrochnoj orientacii: rezul'taty jempiricheskogo issledovaniya. Psihologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 28–39. (In Russian)
7. *Nestik T.A.* Obraz budushhego, social'nyj optimizm i dolgosrochnaja orientacija rossijan: social'no-psihologicheskij analiz. SocioDigger. 2021. V. 2. № 9 (14): Gorizonty budushhego. P. 6–48. (In Russian)
8. *Nestik T.A.* Perezhivanie jepidemiologicheskoy ugrozy rossijanami kak social'no-psihologicheskij fenomen:

² The study was carried out within the framework of the project "Socio-Psychological Factors in Constructing the Image of the Future of Russia by Different Generations of Russians in Crisis Conditions" (№ 0138-2022-0010).

- rezul'taty serii jempiricheskikh issledovanij. Vlijanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya. Eds. T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorob'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. P. 19–125. (In Russian)
9. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologija global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
 10. *Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I.* Diagnostika moral'nyh osnovanij: aprobacija russkojazychnoj versii oprosnika MFQ. Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2018. V. 15. № 3. P. 88–115. (In Russian)
 11. *Temnickij A.L.* Sociokul'turnye faktory optimizma sovremennoj molodezhi Rossii // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2016. V. 4. № 4. P. 19–35. (In Russian)
 12. *Toshhenko Zh.T.* Social'noe nastroyenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki. Sociologicheskie issledovaniya. 1998. № 1. P. 21–34. (In Russian)
 13. *Arbuckle J.L.* Full information estimation in the presence of incomplete data. Advanced Structural Equation Modeling: Issues and Techniques. Eds. G.A. Marcoulides, R.R. Schumacker. Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.
 14. *Bandura A.* Exercise of human agency through collective efficacy. Current Directions in Psychological Science. 2000. V. 9. № 3. P. 75–78.
 15. *Birkeland M.S., Blix I., Solberg Ø., Heir T.* Does optimism act as a buffer against posttraumatic stress over time? A longitudinal study of the protective role of optimism after the 2011 Oslo bombing. Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2017. V. 9. № 2. P. 207–213.
 16. *Burger J.M., Palmer M.L.* Changes in and generalization of unrealistic optimism following experiences with stressful events: reactions to the 1989 California earthquake. Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. V. 18. № 2. P. 39–43.
 17. *Duncan T.E., Duncan S.C.* An introduction to latent growth curve modeling. Behavior Therapy. 2004. V. 35. № 2. P. 333–363.
 18. *Izydorczyk K., Antoniuk K., Kulesza W., Muniak P., Doliński D.* Temporal aspects of unrealistic optimism and robustness of this bias: A longitudinal study in the context of the COVID-19 pandemic. PLoS One. 2022. V. 17. № 12. P. 1–17.
 19. *Jefferson A., Bortolotti L., Kuzmanovic B.* What is unrealistic optimism? Consciousness and Cognition. 2016. V. 50. P. 3–11.
 20. *Jin B., Kim Y.-C.* Rainbows in society: A measure of hope for society. Asian Journal of Social Psychology. 2019. V. 22. № 1. P. 18–27.
 21. *Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V.* The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust. Politologija. 2017. V. 85. № 1. P. 3–55.
 22. *Muncy J., Iyer R.* The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption. Psychology & Marketing. 2020. V. 37. № 2. P. 216–231.
 23. *Pietrantonio L.* Collective efficacy. Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Ed. A.C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014.
 24. *Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E.* Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat. Cognition and Emotion. 2019. V. 33. P. 480–491.
 25. *Preacher K.J.* Latent growth curve models. The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences. Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. P. 178–192.
 26. *Schweizer K., Rauch W.* An investigation of the structure of the social optimism scale with respect to the dimensionality problem. Journal of Individual Differences. 2008. V. 29. № 4. P. 223–230.
 27. *Schweizer K., Schneider R.* Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome. Personality and Individual Differences. 1997. V. 22. P. 317–325.

УДК 316.37

ДИНАМИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОЦЕНОК ПРИ РАЗЛИЧНОЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ В КОММУНИКАТИВНУЮ СИТУАЦИЮ¹

© 2023 г. А. А. Демидов^{1,*}, К. И. Ананьева^{2,**}

¹НОЧУ ВО “Московский институт психоанализа”;
121170, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 1, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
*Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.

E-mail: demidov@inpsycho.ru

**Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии.

E-mail: ananyevaki@ipran.ru

Поступила 12.12.2022

Аннотация. Целью представленного исследования была проверка гипотезы о связи особенностей коммуникативных ситуаций с восприятием незнакомого человека. Было использовано три типа ситуаций, различающихся степенью включенности наблюдателя в коммуникацию: 1) рассматривание фотоизображения натурщика; 2) просмотр видео с участием натурщика в коммуникации; 3) общение с натурщиком “лицом к лицу”. Показано, что динамика межличностных оценок носит разнонаправленный характер и зависит скорее от используемых диагностических метрик. Так, значения адекватности оценки индивидуально-психологических особенностей натурщика выше при восприятии фото по сравнению с ситуациями восприятия видео и непосредственного общения, вместе с тем значения сложности межличностной оценки (количество выборов нейтральной оценки “0”), наоборот, ниже для ситуации непосредственного общения и восприятия видео по сравнению с ситуацией восприятия фото. В результате проведенного исследования была выявлена динамика межличностных оценок в разных коммуникативных ситуациях, т.е. было показано, как ситуации оказывают влияние на то, как формируется представление о партнере по коммуникации.

Ключевые слова: онтологический подход, межличностное восприятие, коммуникативная ситуация, адекватность оценки, личностные качества.

DOI: 10.31857/S020595920026153-4

Наша жизнь — это совокупность различных событий, концептуализирующихся в психологии понятиями “ситуация”, “ситуативный контекст существования человека” [3]. Изучение ситуаций в современной психологии имеет долгую историю. Курт Левин, для которого понятие ситуации было одним из центральных в его психологии, сформулировал классическую формулу понимания поведения как функции от взаимодействия личности и ситуации [6]. Ситуационные, шире средовые, факторы поведения и познания человека были в фокусе внимания представителей разных научных психологических школ, более того, можно

было бы сказать о возникновении такого своеобразного движения в психологии, как ситуационизм [2; 5; 7]. Важным результатом такого научного интереса стало положение о том, что во многом психологическая активность человека задается в том числе окружающей его средой, ситуацией в которой он находится. Но вместе с тем многие исследователи отмечают диспропорцию в том объеме внимания и интереса к этой тематике в психологии вплоть до начала 2000-х годов [10; 14; 15].

Во многом это объясняется трудностями, которые сопровождают не только эмпирические, но и концептуальные исследования ситуаций в психологии. Ключевые проблемы — вызовы на пути к психологии ситуаций могут быть описаны следующими проблематизирующими вопросами: что такое

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 20-18-00516 “Онтологические основания межличностного восприятия”.

ситуация, как ее определить; как можно измерить, зафиксировать в исследовании ситуацию; как можно систематизировать ситуации, построить их таксономию?

Обобщая текущие дискуссии по указанным направлениям, можно зафиксировать следующие положения. Ситуация, с одной стороны, — это набор “объективных” — изменчивых, динамичных и кратковременных обстоятельств (сигналы ситуации), которые разворачиваются в окружении человека, с другой — это “субъективные” факторы, связанные с восприятием и отношением к указанным обстоятельствам ситуации ее участников или наблюдателей (характеристики психологической ситуации). Последнее, восприятие и интерпретация ситуации — крайне важный момент. Еще Д. Магнуссон [12] отмечал, что восприятие ситуации — это точка опоры в психологии ситуации, а современный психолог Джон Раутманн [15] подтверждает эту идею, говоря о том, что это “сердце”, суть психологии ситуации. Нельзя говорить о ситуации без того, кто ее воспринимает. Именно здесь возникает возможность того, что обозначается как дифференциальная психология ситуаций. Исходя из того, как люди воспринимают ситуации, мы можем относить их к разным типам, но, с другой стороны, и сами ситуации могут типологизироваться в зависимости от того, как они воспринимаются.

Отметим вслед за Дж. Раутманном [15] разные позиции участников ситуации, с которых разворачивается ее восприятие: *in situ* (лат.), участники непосредственно включены, вовлечены в ситуацию и находятся под ее влиянием. Данные, полученные в позиции *in situ*, скорее фиксируют опыт переживания ситуации самим участником; *juxta situ*, участники могут просто наблюдать за развитием ситуации, не будучи напрямую вовлечены в нее; *ex situ*, участники могут просматривать (видео) записи или вербальные описания ситуаций, в которых находились другие люди. Данные, полученные в позиции *ex situ*, скорее фиксируют особенности контакта с ситуацией ее участников. Эти разные позиции — *in situ*, *juxta situ* и *ex situ* — обуславливают разные данные, триангуляция которых позволит построить целостную картину конкретной психологической ситуации.

Но важность воспринимающего в понимании ситуации не делает ее “субъективной конструкцией”. Многие ситуации задают достаточно четкие направления их восприятия и, как следствие, поведения человека в них. В этой связи исследователи говорят о разной силе ситуаций, выделяя “сильные” и “слабые” ситуации. Исследователи отмечают [8], что в сильных ситуациях выбор поведения ограничен

и существуют четкие сигналы, указывающие на то, какое поведение ожидается от участников ситуации (например, собеседование на работу или участие в погребальных мероприятиях). Единые ожидания в отношении поведения в той или иной ситуации лимитируют вариативность поведения индивидов и, в свою очередь, накладывают ограничения на выражение их индивидуально-психологических особенностей. Напротив, когда ситуационные ограничения и сигналы слабые (“слабые ситуации”), например день рождения в парке, человек может в большей степени отразить свою индивидуальность, свой стиль поведения, проявить свои индивидуально-психологические особенности. Тем не менее исследователи [16] отмечают, что влияние ситуации опосредуется тем, как индивиды ее кодируют и понимают, т.е. в зависимости от того, как она воспринимается.

Следует отметить близость исследовательских тематик, связанных с изучением восприятия ситуаций и межличностного восприятия — восприятия и оценки другого человека (см., например, [9; 11]). Так, Дж. Раутманн [14] считает, что восприятие и формирование впечатления о ситуациях имеют некоторое сходство с процессом восприятия и формирования впечатления о личности. Особо он отмечает, что многие ситуации в нашей жизни, которые мы воспринимаем и в которых мы так или иначе участвуем, — это социальные ситуации, ситуации межличностного взаимодействия. В этом плане исследования психологии ситуаций близки к экологической традиции изучения межличностного восприятия [4; 13]. И, таким образом, изучая межличностное восприятие, мы раскрываем с другой стороны важные составляющие и принципы функционирования психологических ситуаций. С этой точки зрения мы хотели бы зафиксировать некоторые положения, которые позволили бы сделать такие исследования более эффективными. Во-первых, вслед за Дж. Гибсоном [2] зафиксируем, что восприятие предназначено для действия, т.е. оно функционально по своей природе, и, например, оценивать адекватность межличностного восприятия необходимо с учетом перцептивной ситуации. Во-вторых, реальные ситуации межличностного восприятия отличаются динамичностью и разноплановостью информации о воспринимаемом человеке доступной для восприятия, т.е., моделируя в исследованиях ситуации межличностного восприятия, нам следует конструировать их как динамичные и мультимодальные. В-третьих, воспринимающий активен, т.е. он в прямом смысле вмешивается в ситуацию с учетом своих перцептивных целей и задач, а не является пассивным наблюдателем. В-четвертых, с точки

зрения экологического подхода важно изучить, как индивид воспринимает другого человека в разных ситуациях межличностного взаимодействия — сотрудничества, противоборства, обязательств и т.д., — то, что Дж. Гибсон назвал “социальными возможностями” (social affordances). Люди воспринимаются скорее не как обладающие теми или иными качествами (экстраверсией, эмоциональной устойчивостью, доброжелательностью и т.д.), а в контексте своих поведенческих возможностей. Наблюдатель будет более точным, если будет воспринимать не отдельные черты личности, присущие натурщику, а социальные возможности в конкретной ситуации поведения и связанные с ними конкретные черты личности натурщика (см. [4]).

Исходя из указанных выше положений психологии ситуаций и экологического подхода к межличностному восприятию, целью нашего исследования было выявить динамику межличностных оценок при различной включенности наблюдателя в коммуникационные ситуации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 38 студентов-психологов, обучающихся на факультете консультативной психологии Московского института психоанализа, средний возраст — 23.08 года ($SD = 8.1$). Большая часть испытуемых были женщины (84%), что обусловлено в целом большей представленностью женщинами профессии психолог-консультант.

Для проведения исследования были организованы три экспериментальные ситуации взаимодействия испытуемого и оцениваемого человека, различающихся степенью включенности наблюдателя в коммуникативную ситуацию.

Первая ситуация — ситуация викарного общения [1], в которой наблюдатель получает информацию лишь о внешности оцениваемого натурщика. То есть речь идет о низкой степени вовлеченности испытуемого в коммуникативную ситуацию.

Вторая ситуация представляла собой видеофрагмент (длительностью 2 мин), на котором тот же натурщик приходит на первичную консультацию к психологу, — средняя степень вовлеченности испытуемого в коммуникативную ситуацию. Мы рассматриваем эту ситуацию как пример ситуации *ex situ*, когда испытуемый является “вне ситуации”.

Третья ситуация — общение “лицом к лицу”. В данном случае респонденту сообщалось о том, что у него будет 3 мин, в течение которых он

может задавать вопросы натурщику, и ставилась задача прояснить запрос, с которым человек обратился к психологу. Данную ситуацию мы рассматриваем как высокую степень вовлеченности испытуемого в коммуникативную ситуацию (*in situ*). При этом данную ситуацию мы рассматриваем как пример “слабой” ситуации, которая не задает конкретные шаблоны восприятия и поведения ее участников, позволяя им продемонстрировать “индивидуальный репертуар реагирования”.

Исследование проводилось индивидуально с каждым респондентом. Испытуемый последовательно принимал участие во всех трех описанных выше ситуациях. Перед началом исследования каждый испытуемый оценивал свои собственные личностные качества по шкалам методики “Личностный дифференциал” (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд), затем после участия в каждой из вышеописанных ситуаций оценивал по тем же шкалам личность натурщика.

Человек, выступивший в качестве натурщика, заполнил ряд психодиагностических тестов (“Личностный дифференциал”, “Опросник ЕРІ”, Методика “САН”) и был инструктирован описывать участникам нашего исследования одну и ту же ситуацию обращения за психологической помощью, которая для натурщика была бы действительно значимой (речь шла о переживании тревоги и страха не успеть выполнить свои обязанности).

АНАЛИЗ ДАННЫХ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ данных проводился с помощью пакета статистических программ SPSS 21.0 и непараметрических методов, поскольку распределение полученных данных статистически значительно отличалось от нормального распределения (проверка осуществлялась с помощью критерия Колмогорова—Смирнова).

Первый этап анализа был связан с анализом динамики оценок натурщика от ситуации низкой вовлеченности к ситуации высокой включенности.

Результаты попарного сравнения методом *T*-критерия Вилкоксона показали, что изменения оценок модели наблюдателями произошли в целом по 14 шкалам из 21 (результаты являются статистически значимыми на уровне $p < 0.05$), а наибольшее число сдвигов в оценках связано с отличиями в восприятии фотоизображения натурщика против видео и “живого” общения (рис. 1).

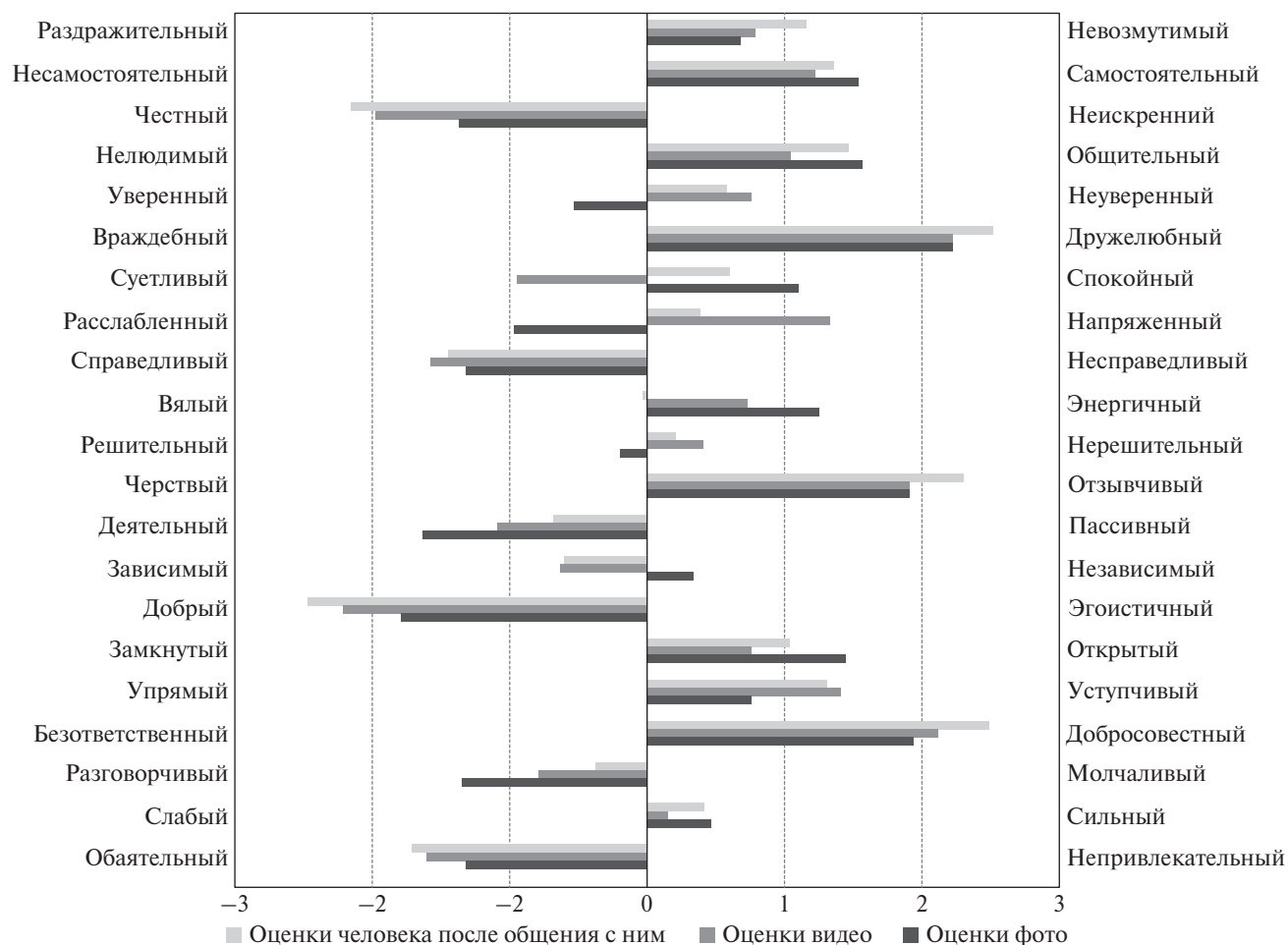

Рис. 1. Средние значения оценок модели по шкалам методики “Личностный дифференциал” в различных ситуациях восприятия

Рассматривая фотоизображение натурщика, испытуемые воспринимают человека в наибольшей степени молчаливым, но открытым, независимым, деятельным, энергичным, расслабленным, спокойным, уверенным, общительным, а также наименее ответственным, уступчивым, добрым, чем на видео и при непосредственном общении.

Отличительной особенностью восприятия человека в непосредственном общении является его оценка наиболее ответственным и дружелюбным, хотя при этом вялым, а также менее общительным, чем при его оценках на фото и видео, менее спокойным и расслабленным, чем при оценках натурщика в ситуации просмотра видео с ним.

Интересно отметить, что статистически значимые различия и изменения полюса оценки на шкале зафиксированы лишь для некоторых шкал, а именно “зависимый—независимый”, “вялый—энергичный”, “расслабленный—напряженный”, “суетливый—спокойный” и “уверенный—неуверенный”, а в остальных случаях речь идет о вариациях в выраженности оценки в баллах.

Таким образом, нам удалось получить эмпирическое подтверждение предложения о том, что ситуация межличностного оценивания и степень включенности в ситуацию наблюдателя будут изменять оценки воспринимаемого человека.

Второй этап анализа данных был связан с вычислением адекватности восприятия натурщика для каждого участника исследования. Под адекватным восприятием понимается совпадение оценок, данных наблюдателем, с оценками по шкалам методики “Личностный дифференциал”, сделанных натурщиком и верифицированных с помощью дополнительных психодиагностических методик. Показатели адекватности оценки человека по шкалам попарно сравнивались с использованием критерия Вилкоксона (результаты фиксировались на уровне $p < 0.05$) (табл. 1).

Статистически значимые различия были обнаружены при сравнении оценок фото- и видеодемонстрации натурщика ($Z = -2.45$; $p = 0.014$) для шкалы “зависимый—независимый”, которая оценивается адекватнее в ситуации восприятия

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа адекватности оценок человека в разных ситуациях

Шкала	Тип ситуации					
	Оценка фото/ оценка видео		Оценка фото/ оценка после общения		Оценка видео/ оценка после общения	
	<i>Z</i>	<i>p</i>	<i>Z</i>	<i>p</i>	<i>Z</i>	<i>p</i>
1. Обаятельный—непривлекательный	–1.00	0.32	–0.45	0.65	–1.00	0.32
2. Слабый—сильный	–0.58	0.56	0.00	1.00	–0.45	0.65
3. Разговорчивый—молчаливый	–0.24	0.81	–1.00	0.32	–1.51	0.13
4. Безответственный—ответственный	–0.69	0.49	0.00	1.00	–0.77	0.44
5. Упрямый—уступчивый	–1.26	0.21	–0.63	0.53	–0.82	0.41
6. Замкнутый—открытый	–0.28	0.78	–0.28	0.78	–0.53	0.59
7. Добрый—эгоистичный	–0.45	0.65	–1.00	0.32	–0.58	0.56
8. Зависимый—независимый	–2.45	0.01	–1.15	0.25	–0.71	0.48
9. Деятельный—пассивный	–0.26	0.80	–0.71	0.48	–1.00	0.32
10. Черствый—отзывчивый	–0.53	0.59	–0.28	0.78	–0.24	0.81
11. Решительный—нерешительный	–0.82	0.41	–0.71	0.48	0.00	1.00
12. Вялый—энергичный	–0.38	0.71	–1.07	0.29	–1.51	0.13
13. Справедливый—несправедливый	–0.30	0.76	–0.28	0.78	–0.82	0.41
14. Расслабленный—напряженный	–1.00	0.32	–0.58	0.56	–0.58	0.56
15. Суеуслышный—спокойный	–3.71	0.00	–1.40	0.16	–3.16	0.00
16. Враждебный—дружелюбный	–1.89	0.06	–0.33	0.74	–1.41	0.16
17. Уверенный—неуверенный	–1.00	0.32	0.00	1.00	–1.00	0.32
18. Нелюдимый—общительный	–1.41	0.16	–0.38	0.71	–1.13	0.26
19. Честный—неискренний	–1.73	0.08	–1.00	0.32	–1.00	0.32
20. Несамостоятельный—самостоятельный	0.00	1.00	0.00	1.00	0.00	1.00
21. Раздражительный—невозмутимый	–1.63	0.10	–2.71	0.01	–1.39	0.17
Среднее значение адекватности оценок	–2.11	0.04	–0.64	0.52	–1.36	0.17

фотографии ($M = 0.26$; $SD = 0.45$ и $M = 0.11$; $SD = 0.31$ соответственно).

Различия между фото и видео, а также видео и непосредственным общением с натурщиком зафиксированы по шкале “суеуслышный—спокойный” ($Z = -3.71$; $p < 0.001$ и $Z = -3.16$; $p = 0.002$ соответственно). Интересно, что, как по указанной выше шкале, более адекватно данная характеристика оценивается в ситуации восприятия фотоизображения натурщика, менее адекватно эта характеристика оценивается в ситуации непосредственного общения с натурщиком и наименее адекватно — в ситуации восприятия видео ($M = 0.50$; $SD = 0.51$; $M = 0.32$; $SD = 0.47$ и $M = 0.05$; $SD = 0.27$ соответственно).

Также общая адекватность оценок по фото оказывается статистически значимо выше, чем по видео. При этом статистически значимых различий между оценками характеристик в ситуации непосредственного общения, лицом к лицу и в ситуации восприятия видео не зафиксировано ($M_{\text{фото}} = 4.68$; $SD = 2.11$; $M_{\text{видео}} = 4.00$; $SD = 1.90$ и $M_{\text{непосредственное общение}} = 4.45$; $SD = 1.86$).

Таким образом, можно заключить, что восприятие человека человеком посредством рассматривания

фотоизображения вызывает меньше затруднений, затем идет ситуация непосредственного общения и менее адекватно оценивается человек в ситуации восприятия видео. Хотя с точки зрения субъективной сложности оценок (для чего мы анализировали частоту обращения наблюдателей к неопределенной оценке “0” на оцениваемой шкале) наблюдается обратная картина. Так, больше всего нулевых оценок ($M = 1.82$; $SD = 1.71$) мы видим для оценок фотоизображения (что подтверждается и высказываниями наших респондентов после участия в исследовании), затем идет количество нулевых оценок, выставленных после общения с моделью ($M = 1.74$; $SD = 1.55$) и меньше “нулей” было выставлено в ситуации просмотра фото ($M = 1.63$; $SD = 1.65$). Другими словами, наблюдается, хоть пока и не доказанная статистически, тенденция к обратно пропорциональной связи адекватности оценок модели и ее субъективной сложности.

Третий этап анализа был связан с поиском различий в проявлениях общепсихологических механизмов межличностного восприятия [1]. Для каждого участника исследования были вычислены показатели: “резонанс” — совокупность общих черт личности коммуникантов и их оценки;

“проекция” — перенос собственных свойств наблюдателя на личность натурщика, не обладающего ими; “интроекция” — адекватная оценка черт личности натурщика, отсутствующих у воспринимающего; “атрибуция” — наделение натурщика индивидуально-психологическими особенностями, которыми не обладает ни он, ни наблюдатель.

Статистически значимые различия в частоте обращений к различным механизмам восприятия были обнаружены только в ситуации восприятия фотоизображения и видеозаписи. Для ситуации просмотра как фото-, так и видеоизображений и непосредственного общения наблюдателя с натурщиком статистически значимых различий обнаружено не было.

При просмотре видео значения механизма атрибуции ($M = 0.61$; $SD = 0.12$ и $M = 0.56$; $SD = 0.16$ соответственно) носит более выраженный характер, чем при рассматривании фотоизображения человека. А механизм интроекции — чаще в восприятии фотоизображения по сравнению с видео ($M = 0.13$; $SD = 0.07$ и $M = 0.10$; $SD = 0.07$ соответственно).

Ситуация восприятия фото отличается от ситуации непосредственного общения выраженностью значений механизма проекции, так и в первом случае, она оказывается выше, чем во втором ($M = 0.22$; $SD = 0.10$ и $M = 0.19$; $SD = 0.11$ соответственно).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило проверить гипотезу о связи особенностей коммуникативной ситуаций и восприятием и оценкой другого человека. Показано, что динамика межличностных оценок носит разнонаправленный характер. Так, значения адекватности оценки индивидуально-психологических особенностей натурщика выше в ситуации восприятия фото по сравнению с ситуациями восприятия видео и непосредственного общения, вместе с тем значения сложности межличностной оценки (количество выборов нейтральной оценки “0”), наоборот, ниже для ситуаций непосредственного общения и восприятия видео по сравнению с ситуацией восприятия фото. Сами испытуемые при этом отмечали, что ситуация непосредственного общения для них более информативна, предоставляет мультимодальную информацию о натурщике и, соответственно, межличностная оценка натурщика в рамках этой ситуации менее затруднена.

При этом одним из важнейших результатов исследования стала фиксация факта динамики межличностных оценок в разных коммуникативных

ситуациях, т.е. ситуации оказывали реальное влияние на то, как формируется представление о партнере по коммуникации (от викарного общения [1] до непосредственного, лицом к лицу).

Проведенное исследование имеет ряд ограничений и допущений, которые мы использовали при его планировании. Это отсутствие контроля порядка предъявления стимульных ситуаций для восприятия и оценки. Поскольку в качестве натурщика у нас выступал один и тот же человек, то можно предположить, что предыдущий опыт его восприятия может оказывать влияние на его восприятие и оценку в последующих сериях исследования. Мы специально использовали дизайн со связанными выборками и четкой последовательностью предъявления стимульного материала, нам было важно зафиксировать интраиндивидуальную динамику в межличностных оценках, а то, что мы не зафиксировали линейность в изменениях межличностных оценок от первой к третьей ситуации, позволяет нам говорить либо о незначимости данного методического фактора, либо о его слабой выраженности. Более того, в рамках выборочных интервью с испытуемыми никто из них не отмечал факт влияния предыдущих ситуаций восприятия на последующие. В качестве перспективы исследования мы видим дополнительный анализ коммуникативных стратегий наших испытуемых в рамках третьей, лицом к лицу, ситуации, когда они должны были уточнить консультативный запрос “клиента” — нашего натурщика, предполагая, что активность испытуемых в построении диалога с натурщиком может быть связана с особенностями формирования впечатления о нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. А.Д. Логвиненко. М.: Ко-Либри, 1988. 464 с.
3. Гришина Н.В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
4. Демидов А.А. Экологический подход к изучению межличностного восприятия: методология и результаты исследований // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 1. С. 6–27.
5. Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. 532 с.

6. Левин К. Динамическая психология. Избранные труды / Пер. с нем. и англ. Е. Патяева, Д. Леонтьева. М.: Смысл, 2001. 572 с.
7. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румянского; под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
8. Cooper W.H., Withey M.J. The strong situation hypothesis // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. V. 13. № 1. P. 62–72.
9. Funder D.C. *Personality judgment: A realistic approach to person perception*. Academic Press, 1999.
10. Funder D.C. Taking situations seriously: The situation construal model and the Riverside Situational Q-sort // *Current Directions in Psychological Science*. 2016. V. 25. № 3. P. 203–208.
11. Kenny D.A. PERSON: A General Model of Interpersonal Perception // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. V. 8. № 3. P. 265–280.
12. Magnusson D. *Toward a psychology of situations: An interactional perspective*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1981.
13. McArthur L.Z., Baron R.M. Toward an ecological theory of social perception // *Psychological Review*. 1983. V. 90. P. 215–238.
14. Rauthmann J.F., Sherman R.A. Toward a Research Agenda for the Study of Situation Perceptions: A Variance Componential Framework // *Personality and Social Psychology Review*. 2019. V. 23. № 3. P. 238–266.
15. Rauthmann J.F., Sherman R.A. The Situation of Situation Research: Knowns and Unknowns // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. V. 29. № 5. P. 473–480.
16. Shoda Y., Mischel W. Reconciling contextualism with the core assumptions of personality psychology // *European Journal of Personality*. 2000. V. 14. № 5. P. 407–428.

DYNAMICS OF INTERPERSONAL EVALUATIONS UNDER DIFFERENT INVOLVEMENT IN COMMUNICATIVE SITUATION²

A. A. Demidov^{1,*}, K. I. Ananyeva^{2,**}

¹*Moscow Institute of Psychoanalysis;
121170, Moscow, Kutuzovskiy prospect, 34, bld. 1, Russia.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

*PhD (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology.
E-mail: demidov@inpsycho.ru

**PhD (Psychology), Research Associate at the Laboratory of Psychology of Cognitive Processes and Mathematical Psychology.
E-mail: ananyevaki@ipran.ru

Received 12.12.2022

Abstract. The objective of the research was to test the hypothesis about the relationship between the features of communicative situations and the perception of a stranger. Three types of situations were used, differing in the degree of the observer's involvement in communication: 1) looking at a photo image of the sitter, 2) watching a video with the sitter in communication, 3) communicating with the sitter "face to face". It has been shown that the dynamics of interpersonal evaluations are multidirectional and depend rather on the diagnostic metrics used. Thus, the values of adequacy of evaluation of individual psychological features of the sitter are higher in the situation of photo perception as compared to the situations of video perception and face-to-face communication, at the same time the values of complexity of interpersonal evaluation (number of choices of neutral evaluation "0") are lower in the situation of face-to-face communication and the situation of video perception as compared to the situation of photo perception. The study revealed the dynamics of interpersonal evaluations in different communicative situations, i.e. it was shown how situations influence the way the perception of a communication partner is formed.

Keywords: ontological approach, interpersonal perception, communicative situation, evaluation adequacy, personal qualities.

² The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00516 "Ontological foundations of interpersonal perception".

REFERENCES

1. *Barabanshnikov V.A., Nosulenko V.N.* Sistemnost'. Vospriyatie. Obshhenie. Moscow: IP RAN, 2004. (In Russian)
2. *Gibson Dzh.* Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vospriyatiju. Transl. from engl. A.D. Logvinenko. Moscow: Kolibri, 1988. 464 p. (In Russian)
3. *Grishina N.V.* Problema konceptualizacii konteksta v sovremennoj psihologii. Social'naja psihologija i obshchestvo. 2018. V. 9. № 3. P. 10–20. (In Russian)
4. *Demidov A.A.* Jekologicheskij podhod k izucheniju mezhlíčnostnogo vospriyatija: metodologija i rezul'taty issledovanij. Poznanie i perezhivanie. 2022. V. 3. № 1. P. 6–27. (In Russian)
5. Zhiznennoe prostranstvo v psihologii: Teorija i fenomenologija: sbornik statej. Eds. N.V. Grishin, S.N. Kostomarov. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020. 532 p. (In Russian)
6. *Levin K.* Dinamicheskaja psihologija. Izbrannye trudy. Transl. from engl. and germ. E. Patjaeva, D. Leont'eva. Moscow: Smysl, 2001. 572 p. (In Russian)
7. *Ross L., Nisbett R.* Chelovek i situacija. Perspektivy social'noj psihologii. Transl. from engl. V.V. Rumynskogo; Eds. E.N. Emel'janova, V.S. Maguna. Moscow: Aspekt Press, 1999. 429 p. (In Russian)
8. *Cooper W.H., Withey M.J.* The strong situation hypothesis. Personality and Social Psychology Review. 2009. V. 13. № 1. P. 62–72.
9. *Funder D.C.* Personality judgment: A realistic approach to person perception. Academic Press, 1999.
10. *Funder D.C.* Taking situations seriously: The situation construal model and the Riverside Situational Q-sort. Current Directions in Psychological Science. 2016. V. 25. № 3. P. 203–208.
11. *Kenny D.A.* PERSON: A General Model of Interpersonal Perception. Personality and Social Psychology Review. 2004. V. 8. № 3. P. 265–280.
12. *Magnusson D.* Toward a psychology of situations: An interactional perspective. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1981.
13. *McArthur L.Z., Baron R.M.* Toward an ecological theory of social perception. Psychological Review. 1983. V. 90. P. 215–238.
14. *Rauthmann J.F., Sherman R.A.* Toward a Research Agenda for the Study of Situation Perceptions: A Variance Componential Framework. Personality and Social Psychology Review. 2019. V. 23. № 3. P. 238–266.
15. *Rauthmann J.F., Sherman R.A.* The Situation of Situation Research: Knowns and Unknowns. Current Directions in Psychological Science. 2020. V. 29. № 5. P. 473–480.
16. *Shoda Y., Mischel W.* Reconciling contextualism with the core assumptions of personality psychology. European Journal of Personality. 2000. V. 14. № 5. P. 407–428.

УДК 159.9. 316.474

СТИЛИ ПРИВЯЗАННОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЕ К ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ¹

© 2023 г. В. А. Лабунская

*Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, оф. 219, Россия.
Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии.
E-mail: vlab@aanet.ru*

Поступила 09.02.2023

Аннотация. Решение проблемы “внешний облик (ВО) — близкие, романтические отношения” осуществляется традиционно в связи с изучением физического компонента ВО. На периферии внимания исследователей остается рассмотрение комплекса характеристик отношения к целостному ВО. Цель работы — определить уровни выраженности различных характеристик отношения к ВО и создать иерархию значимости различий в зависимости от уровней выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях. В исследовании участвовали 136 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет ($M_e = 23$; $M_o = 23$; $M = 22.75$; $SD = 2.6$), 71% женщин, 28.6% мужчин. Методики исследования: опросник “Опыт близких отношений” в адаптации Т.В. Казанцевой; шкалы: 1) значимость ВО в романтических отношениях; 2) оценка зависимости отношений с романтическим партнером от ВО; 3) оценка переживаний (неловкость, скованность, смущение), возникающих в результате предъявления ВО романтическому партнеру; 4) самооценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола. Результаты: выраженность тревожной стратегии и стратегии избегания дифференцируют уровни выраженности различных характеристик отношения к ВО: высокий уровень тревожной стратегии обуславливает высокий уровень значимости ВО ($U = 532.500$; $p = 0.025$), высокую оценку зависимости отношений с романтическим партнером от ВО ($U = 564.000$; $p = 0.046$); высокий уровень выраженности стратегии избегания приводит к высокому уровню выраженности переживаний, возникающих в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру ($U = 862.000$; $p = 0.009$), снижает уровень самооценки привлекательности ВО для партнера противоположного пола ($U = 947.000$; $p = 0.043$). Результаты важны при разработке практикоориентированных программ, направленных на решение проблем в близких отношениях и снижение их зависимости от отношения к ВО.

Ключевые слова: внешний облик, характеристики отношения к внешнему облику, тревожная стратегия, стратегия избегания, уровни выраженности, иерархия различий, молодые люди.

DOI: 10.31857/S020595920026154-5

Важнейшей характеристикой близких отношений выступают привязанность и ее разновидности — “романтическая привязанность” [1; 3; 11; 16]. В настоящее время обсуждается двухфакторная структура привязанности в близких отношениях: тревожная (беспокойство) и избегание [8; 10; 18; 22]. В исследованиях [21; 25] отмечаются взаимосвязи между тревожной привязанностью и самооценками, выраженностью отчуждения, склонностью к повышенной негативной эмоциональности, между избегающей стратегией и склонностью к одиночеству, неудовлетворенностью поддержкой

со стороны близкого человека. Более ранние исследования [36] указывают на взаимосвязи между уровнями избегания, тревожной привязанностью и психическим здоровьем человека. Стили привязанности являются существенным фактором переживаний и совладания в близких отношениях [11]. Результаты работы [26] свидетельствуют о том, что тревожная и избегающая привязанность оказывают значительное прямое влияние на депрессивные симптомы и качество жизни, а опосредующим фактором выступает “холодное самосострадание” (Self-compassion). Коллектив авторов [28], осуществивших метаанализ механизмов, опосредующих связи между ненадежной привязанностью и развитием депрессии, также пришел к выводу о том, что

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-01641.

имеют значение такие факторы, как самокритичность, возвращение к одним и тем же мыслям, “холодное самосострадание”. Эмпирические факты [25] подтверждают посредническую роль чувствительности к отвержению во взаимосвязях между самосостраданием и одиночеством. В работах отмечается, что особенности привязанности к романтическому партнеру обусловлены взаимоотношениями с родителями [3], мерой автономии, поддерживающей качество романтических отношений [21].

На протяжении десятилетий исследователи констатируют взаимосвязи между близкими романтическими отношениями и особенностями отношения партнеров к внешнему облику (ВО). О причинах обращения к изучению такого рода взаимосвязей мы писали в ряде работ [12–15; 19]. В исследовании Д.А. Фредерик, Т.А. Рейнольдс [32] в рамках эволюционного подхода объясняется поведение, направленное на улучшение ВО. Дэвис, Арноцки [29] указывают на то, что историческая межкультурная конкуренция, связанная с ВО, разворачивается в поле желаний потенциальных и реальных партнеров, что оценки привлекательности ВО, выбор тактик повышения привлекательности ВО для партнера противоположного пола зависят от контекста. По мнению многих исследователей [6; 17; 19], женщины в большей степени, чем мужчины, подвергаются социокультурному давлению, навязывающему идеальный ВО. Н. Шнаккенберг [24] прямо пишет, что “...инсинуации общества о том, что мы должны быть красивыми, чтобы заслужить любовь, — это фатальная форма притеснения, которая заставляет сотни тысяч из нас сидеть на диетах, голодать, переедать, истязать себя физическими упражнениями и страдать из-за нашей внешности, и все это в попытках стать любимыми и угодными” [24, с. 9]. Установлено [39], что тревога, связанная с соответствием телосложения современным социальным стандартам, обуславливает связи между различными характеристиками ориентации на образ тела, тревогой встречи с партнером, свидания с ним. В исследовании [2] были получены данные, указывающие на то, что значимыми личностными детерминантами удовлетворенности телом у девушек являются интегральное самоотношение, включающее самоуважение, ауто-симпатию, самоинтерес, а также самоуверенность, самопринятие, самопонимание. Наряду с результатами этого исследования, в работе [34] было показано, что особенности привязанности предсказывают удовлетворенность телом, что [35] взаимосвязи между генерализованной тревогой и неудовлетворенностью телом (стремление к худобе, к мускулистости) опосредованы сочетанием пола

и тревожного отношения к ВО. Опосредующая роль сострадания к себе установлена в процессе изучения взаимосвязей между тревожной привязанностью и оценкой тела, ВО [37]. В поисках ответа на вопрос о том, может ли социальная поддержка романтического партнера быть предиктором образа женского тела и расстройств пищевого поведения [40], были получены данные, указывающие на то, что получение поддержки от романтического партнера, от других близких людей может быть напрямую связано с уровнями нарушения образа тела, с обеспокоенностью ВО. В исследовании Т.А. Шкурко [23] описан феномен “асимметрии отношения к своему ВО” у женщин, состоящих в браке, а также показано, что мужчины, эмоционально отвергающие свою мать, недовольны ВО своей жены. Выявлены различия [20] в образе тела между девушками с разными типами привязанности к матери, воспитывающихся в полных и неполных семьях, определены [4] взаимосвязи между представлением старшеклассников о родительских оценках ВО и обеспокоенностью своим ВО. В работе [40] зафиксированы различия между мужчинами и женщинами в росте неудовлетворенности телом в ответ на негативные оценки ВО. Женщины, представляющие, что получают комплименты в связи с их телом, полагают, что партнеры принимают их. Они меньше боятся, что могут быть отвергнутыми или брошенными партнером. Длительность отношений [33] является значимым предиктором неудовлетворенности мужчинами своим телом. В то же время чем выше удовлетворенность отношениями, тем интенсивнее они снижают у мужчин, но не у женщин, оценку необходимости инвестиций в ВО и озабоченность избыточным весом.

Подводя итог, мы еще раз констатируем, что исследование ВО в контексте межличностных отношений, рассмотрение различных проблем, связанных с ВО, происходит в процессе изучения телесного, физического компонента ВО. Исследователи рассматривают такие феномены, как привлекательность физического компонента ВО для партнера противоположного пола, его значимость в отношениях различного вида, воздействие телесного образа на взаимодействие партнеров, их переживания, вызванные оценками физического компонента ВО. На наш взгляд, проблема заключается в том, что все эти феномены не изучаются в связи с рассмотрением целостного ВО, представляющего динамическую взаимосвязь физического компонента, оформления ВО и экспрессивного поведения. Они исследуются в качестве отдельных характеристик отношения к ВО. На периферии внимания исследователей остается изучение отношения к ВО,

включающего оценки, самооценки, переживания, связанные с ВО, его воздействие на партнеров, качества комплекса характеристик отношения к ВО. В работах также отмечается, что интенсивность различий между группами участников исследования в выраженности отдельных характеристик отношения к ВО определяется уровнями выраженности стилей привязанности в близких отношениях, но при этом не рассматриваются уровни выраженности изучаемых характеристик отношения к ВО.

Эти выводы легли в основу эмпирического исследования, *цель* которого заключалась в реализации сравнительно-иерархического подхода к изучению выраженности комплекса характеристик отношения к ВО в романтических отношениях и создании иерархии значимости различий в зависимости от уровня выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях. В исследовании проверялась *гипотеза*: уровень выраженности различных характеристик отношения к ВО (значимость ВО, переживания, связанные с оценками ВО романтическим партнером, самооценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола, оценка воздействия ВО на романтические отношения) может быть обусловлен уровнями выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 136 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет; 71% женщин, 28.6% мужчин. По возрастному критерию участники исследования делятся на две возрастные группы исходя из показателей медианы ($Me = 23$) и моды ($Mo = 23$), которые совпадают, а также из среднего значения возраста ($M = 22.75$). Учитывая этот факт, к первой возрастной подгруппе отнесены участники исследования 18–22 лет (41.2%; $M_{возр} = 20.38$); во вторую подгруппу — от 23 до 30 лет (58.8%; $M_{возр} = 24.4$). В каждой возрастной группе наблюдается сопоставимая представленность мужчин и женщин: 1) 28.6% мужчин и 71.4% женщин; 2) 25% мужчин и 75% женщин, что позволяет сравнивать изучаемые показатели по критериям как возраста, так и пола.

Процедура исследования. На первом этапе решались следующие задачи: 1) определялись уровни выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях; 2) выявлялись уровни выраженности характеристик отношения к ВО; 3) проверялись различия в уровнях выраженности изучаемых переменных в зависимости от принадлежности к половой и возрастной

группам. На втором этапе решалась задача 4) определения различий в уровнях выраженности характеристик отношения к ВО в группах, имеющих низкий и высокий уровни выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях. На третьем этапе решалась задача 5) создания иерархии значимости различий в уровнях выраженности характеристик отношения к ВО в зависимости от уровней выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях.

Методики исследования.

1. С целью определить выраженность тревожной стратегии и стратегии избегания применялась методика “Опыт близких отношений” в адаптации Т.В. Казанцевой [7; 8].

2. С целью определить отношение к ВО в близких, романтических отношениях использовались шкалы: 1) 10-балльная шкала из методики “Оценочно-содержательная интерпретация своего ВО”, разработанная В.А. Лабунской [19], — “самооценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола”. В инструкции к этой шкале указывается, что 1 балл — это крайне негативная самооценка, а 10 баллов — это самая высокая самооценка привлекательности своего ВО для партнера противоположного пола; 2) шкала “значимость ВО в романтических отношениях”; 3) шкала “оценка (воздействия) зависимости отношений с романтическим партнером от ВО”; 4) “оценка выраженности переживаний (неловкость, скованность, смущение), возникающих в результате предъявления ВО романтическому партнеру”. Шкалы 2–4 имеют пять градаций: 5 баллов — очень (уверен(а); важно), очень часто; 4 балла — уверен(а), важно, часто; 3 балла — скорее уверен(а), скорее важно, скорее часто, чем не уверен(а), неважно, нечасто; 2 балла — скорее не уверен(а), скорее неважно, скорее нечасто, чем скорее уверен(а), скорее важно, скорее часто; 1 балл — не уверен(а), неважно, редко.

Методы обработки данных.

1. С помощью процедуры рангового преобразования определялись уровни выраженности перечисленных переменных (низкий, средний; высокий), характерные для выборки участников исследования.

2. Критерий *H* Краскела–Уоллиса, позволяющий установить меру значимости различий между группами участников исследования, отличающихся уровнями выраженности перечисленных показателей.

3. Частотный анализ, направленный на определение объема групп, отличающихся уровнем выраженности перечисленных показателей.

4. Критерий U Манна–Уитни, использованный с целью определить различия между группами, отличающимися уровнями выраженности стратегий поведения в близких отношениях, между группами участников исследования по полу и возрасту.

5. R_s коэффициент корреляции Спирмена (IBM SPSS Statistic 23.0).

различия в выраженности изучаемых переменных в группе участников исследований (χ^2 при $p = 0.000$).

В табл. 2 приводятся показатели, которые указывают на отсутствие половых и возрастных различий в выраженности характеристик отношения к ВО, в выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях

На этом этапе исследования (табл. 3) сравниваются группы участников, у которых низкий (25.7%) и высокий (31.6%) уровни выраженности тревожной стратегии поведения, низкий (40.4%) и высокий (33.1%) уровни выраженности стратегии избегания в близких отношениях. Исходя из показателей U и P (см. табл. 3), среднего ранга, M каждой переменной (см. табл. 1) можно заключить, что в группе с высоким уровнем выраженности

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 приводятся показатели для групп с низким и высоким уровнями выраженности характеристик отношения к ВО, с низким и высоким уровнями выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях. Из данных, приведенных в табл. 1, следует вывод о существенных

Таблица 1. Описательные статистики, ранги переменных, отличающихся уровнями выраженности, показатель отличия между ними χ^2

Описательные статистики	<i>N</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>SE</i>	Ранг	χ^2	<i>P</i>
Уровни тревожной стратегии							
1. Низкий	35	1.4	0.502	0.084	18.00	120.085	0.000
2. Высокий	43	7.5	1.63	0.249	64.50		
Уровни стратегии избегания							
1. Низкий	55	1.5	0.502	0.067	28.00	121.478	0.000
2. Высокий	45	7.0	1.69	0.252	114.00		
Уровни переживания, связанного с предъявлением ВО партнеру							
1. Низкий	47	1.4	0.475	0.069	24.12	121.612	0.000
2. Высокий	47	4.6	0.408	0.059	113.00		
Уровни привлекательности ВО для партнера противоположного пола							
1. Низкий	50	4.1	1.62	0.230	25.50	119.913	0.000
3. Высокий	36	9.1	0.556	0.092	118.60		
Уровни зависимости отношений с партнером от ВО							
1. Низкий	36	1.7	0.421	0.070	18.50	130.868	0.000
3. Высокий	43	4.2	0.441	0.067	115.00		
Уровни значимости ВО в романтических отношениях							
1. Низкий	46	2.0	0.482	0.071	23.50	121.525	0.000
3. Высокий	51	4.1	0.518	0.072	110.49		

Таблица 2. Половые и возрастные различия в выраженности характеристик отношения к ВО, в выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях

Переменные	1	2	3	4	5	6
<i>Группирующая переменная: пол</i>						
Критерий						
U Манна–Уитни	1514.000	1705.000	1746.500	1701.500	1699.500	1673.500
P (2-стор)	0.157	0.636	0.789	0.622	0.602	0.529
<i>Группирующая переменная: возрастная группа</i>						
Критерий						
U Манна–Уитни	1950.500	2173.000	2094.500	2214.000	2226.000	2026.000
P (2-стор)	0.199	0.765	0.515	0.907	0.948	0.340

Примечание. Переменные: 1 — самооценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола; 2 — тревожная стратегия в близких отношениях; 3 — стратегия избегания в близких отношениях; 4 — значимость ВО в романтических отношениях; 5 — зависимость отношений с романтическим партнером от ВО; 6 — переживания, связанные с предъявлением ВО романтическому партнеру.

Таблица 3. Различия в выраженности характеристик отношения к ВО между группами с низким и высоким уровнями выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях

Показатели	1	2	3	4
<i>Различия между подгруппами, отличающимися выраженностью тревожной стратегии в близких отношениях</i>				
Критерий				
<i>U</i> Манна–Уитни	627.500	532.500	564.000	606.000
<i>P</i> (2-стор)	0.206	0.025	0.046	0.137
<i>Различия между подгруппами, отличающимися выраженностью стратегии избегания в близких отношениях</i>				
Критерий				
<i>U</i> Манна–Уитни	947.000	1208.500	1237.500	862.000
<i>P</i> (2-стор)	0.043	0.838	1.000	0.009

Примечание. Переменные: 1 — самооценка привлекательности ВО для партнера противоположного пола; 2 — значимость ВО в романтических отношениях; 3 — зависимость отношений с романтическим партнером от ВО; 4 — переживания, связанные с предъявлением ВО романтическому партнеру.

тревожной стратегии наблюдается более высокая оценка значимости ВО, зависимости отношений с романтическим партнером от ВО.

В группе с высоким уровнем выраженности стратегии избегания в близких отношениях значимо выше выражены переживания, связанные с ВО в ситуации его предъявления романтическому партнеру. В группе с низким уровнем выраженности стратегии избегания в близких отношениях более высокие самооценки привлекательности ВО для партнера противоположного пола.

Иерархия значимости различий в уровнях выраженности характеристик отношения к ВО в группах, отличающихся уровнями выраженности тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях, не совпадает (см. табл. 2). На первом месте в группах с низкой и высокой выраженностью тревожной стратегии поведения находятся показатели различий в значимости ВО ($p = 0.025$), затем следуют различия в оценках зависимости отношений с романтическим партнером от ВО ($p = 0.046$). Группы, характеризующиеся низким и высоким уровнями выраженности стратегии избегания в близких отношениях, отличаются выраженностью переживаний, возникающих в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру ($p = 0.009$), затем — степенью позитивности самооценок привлекательности ВО для партнера противоположного пола ($p = 0.046$).

Учитывая, что между низкой выраженностью тревожной стратегии и стратегии избегания отсутствуют значимые взаимосвязи ($r = 0.028$ при $p = 0.839$), как и между показателями, указывающими на высокий уровень выраженности тревожной стратегии поведения и стратегии избегания ($r = 0.069$ при $p = 0.651$), можно заключить, что выраженность тревожной стратегии поведения и стратегии избегания обуславливает уровни выраженности различных характеристик отношения к ВО:

высокий уровень тревожной стратегии поведения в близких отношениях обуславливает высокий уровень значимости ВО в романтических отношениях, высокую оценку зависимости отношений с романтическим партнером от ВО. Высокий уровень выраженности стратегии избегания в близких отношениях приводит к высокому уровню выраженности переживаний, возникающих в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру, и снижает уровень самооценки привлекательности ВО для партнера противоположного пола.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Характерной для участников исследования является различная выраженность тревожной стратегии и стратегии избегания в близких отношениях. Данный результат соответствует выводам ряда работ [7; 17; 29; 37]. Ожидаемыми являются данные о различиях выраженности характеристик отношения к ВО: самооценок привлекательности ВО для партнера противоположного пола, значимости ВО в романтических отношениях, оценок зависимости отношений с романтическим партнером от ВО, выраженности переживаний (смущение, скованность, неловкость) в ситуации предъявления ВО романтическому партнеру. В отличие от известных нам работ [2; 5; 9; 20; 31; 38; 40], в которых изучались отдельные параметры отношения к физическому компоненту ВО, в данном исследовании рассматривается комплекс характеристик отношения к ВО как уровневые образования.

Новыми являются данные о существенных различиях между группами с низким и высоким уровнями зависимости отношений с романтическим партнером от ВО, с низким и высоким уровнями переживаний, связанных с предъявлением ВО романтическому партнеру, с низким и высоким уровнями значимости ВО в романтических отношениях, если

у партнеров высокие уровни выраженности тревожной и избегающей стратегий в близких отношениях.

До настоящего времени ведутся дискуссии, в центре которых стоят проблемы гендерных различий в отношении к ВО, а также факторов и медиаторов гендерных различий в восприятии и оценке ВО [27; 30; 33; 37; 39]. На данном этапе исследования получены данные, которые указывают на то, что молодые люди независимо от принадлежности к определенному полу, имеющие низкий уровень выраженности тревожной стратегии поведения и стратегии избегания в близких отношениях, придают меньшее значение ВО в романтических отношениях, силе его воздействия на отношения с романтическим партнером, в меньшей мере испытывают чувство смущения в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру. Но если выражены стратегии избегания и тревожного поведения в близких отношениях, то увеличивается зависимость романтических отношений от ВО. Поэтому не случайно, что для этой группы участников исследования является характерной более высокая оценка значимости ВО в романтических отношениях, зависимости отношений с романтическим партнером от ВО. Молодые люди с высоким уровнем выраженности тревожной стратегии поведения и стратегии избегания в близких отношениях переносят ответственность за развитие романтических отношений на ВО и его оценку партнером, считают, что развитие их романтических отношений зависит от ВО и отношения к нему партнера. Учитывая эти данные, можно считать, что в качестве медиаторов отношения к ВО выступают выраженность тревожной стратегии, стратегии избегания в близких отношениях. Наши результаты показали, что стратегии поведения в близких отношениях могут оказывать существенное воздействие на отношение к ВО.

ВЫВОДЫ

1. Уровни выраженности тревожной и стратегии избегания могут обуславливать уровни выраженности различных характеристик отношения к ВО:

1.1. Высокий уровень тревожной стратегии может способствовать формированию высокого уровня значимости ВО в романтических отношениях, высокой оценки зависимости отношений с романтическим партнером от ВО.

1.2. Высокий уровень выраженности стратегии избегания может способствовать формированию высокого уровня выраженности переживаний,

возникающих в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру, и низкого уровня самооценки привлекательности ВО для партнера противоположного пола.

2. Иерархия значимости различий в уровнях выраженности характеристик отношения к ВО не совпадает в группах, отличающихся уровнями выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях:

2.1. Группы с низким и высоким уровнями выраженности тревожной стратегии отличаются прежде всего оценками значимости ВО, оценками зависимости отношений с романтическим партнером от ВО.

2.2. Группы с низким и высоким уровнями выраженности стратегии избегания отличаются прежде всего уровнями выраженности переживаний, возникающих в ситуации предъявления своего ВО романтическому партнеру, самооценками привлекательности ВО для партнера противоположного пола.

3. Половые и возрастные различия в уровнях выраженности характеристик отношения к ВО, в уровнях выраженности тревожной и стратегии избегания в близких отношениях не зафиксированы в данном исследовании.

Таким образом, гипотеза об обусловленности уровней выраженности различных характеристик отношения к ВО уровнями выраженности тревожной и стратегией избегания в близких отношениях подтвердилась. Вместе с тем в результате выполненного исследования данная гипотеза может быть конкретизирована на базе сведений о влиянии уровней тревожной и избегающей стратегии поведения на различные характеристики отношения к ВО.

Ограничения. Требуют проверки данные об отсутствии половых и возрастных различий в уровнях выраженности изучаемых переменных, поскольку выборка участников исследования была недостаточно сбалансирована по возрасту и полу. Необходимо вводить в качестве факторов или медиаторов самоотношение, опыт, удовлетворенность романтическими отношениями.

Практическая направленность выполненного исследования заключается в привлечении специалистов к работе со стратегиями поведения в близких отношениях, что может существенно повлиять на решение проблем, связанных с ВО, снизить зависимость от него романтических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 7–14.
2. *Барышева Н.А., Ожигова Л.Н.* Личностные детерминанты удовлетворенности телом у девушек // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 143–158.
3. *Гарвард О.О., Сабельникова Н.В.* Привязанность к романтическому партнеру юношей и девушек с разными особенностями взаимоотношений с родителями // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 27–35.
4. *Дроздова И.И., Сериков Г.В.* Представления о родительских оценках внешнего облика в связи с обеспокоенностью им у старшеклассников // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 151–162.
5. *Ениколопов С. и др.* Аутоагрессия и психологические аспекты восприятия тела при депрессии // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 81.
6. *Ерохина Е.А., Филиппова Е.В.* Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 57–68.
7. *Казанцева Т.В.* Адаптация модифицированной методики “Опыт близких отношений” К. Бреннан и Р.К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 34 (74). Ч. 2: Педагогика, психология, теория и методика обучения. С. 139–143.
8. *Казанцева Т.В.* Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.
9. *Клева В.Н., Чернявская В.С.* Факторы самоотношения лиц с разным отношением к физическому “Я” // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 2. С. 88–96.
10. *Клейн К., Костенко В.* Самодетерминация в романтических отношениях: адаптации опросника и уточнение конструкта // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 78.
11. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П.* Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Костромской гос. университет, 2019. 340 с.
12. *Лабунская В.А.* Самооценка, ценность, значимость внешнего облика в студенческой среде и удовлетворенность жизнью // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 198–209.
13. *Лабунская В.А.* Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 128–150.
14. *Лабунская В.А.* Иерархия интенсивности воздействия гендерно-возрастных факторов, самооенок внешнего облика на субъективное благополучие // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 4 (28). С. 29–53.
15. *Лабунская В.А., Гура О.Р.* Ценностные ориентации как предикторы значимости привлекательного внешнего облика в дружеских и романтических отношениях // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 3. С. 219–231.
16. *Опекина Т.П., Екимчик О.А.* Романтическая привязанность как предиктор диадического копинга в паре // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 2. С. 223–240.
17. *Осьминина А.А., Крюкова Т.Л.* Факторы отношения женщин средней взрослости к собственному внешнему облику // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 56–62.
18. *Сабельникова Н.В., Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
19. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования: кол. моногр. / Под ред. В.А. Лабунской, Г.В. Серикова, Т.А. Шкурко. Ростов н/Д.: Мини-Тайп, 2019. 456 с.
20. *Уварова М.И.* Образ тела у девушек из полных и неполных семей с разными типами привязанности к матери // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 314–315.
21. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Дровосек С.Э.* Взрослая романтическая привязанность у молодых людей в повседневности и при суицидальных переживаниях // Суицидология. 2021. Т. 12. № 1. С. 109–125.
22. *Чистопольская К.А. и др.* Адаптация краткой версии “Переработанного опросника — Опыт близких отношений” (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 87–98.
23. *Шкурко Т.А.* Предикторы и корреляты эмоционального отношения к своему внешнему облику и внешнему облику партнера у супругов, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 167–186.
24. *Шнаккенберг Н.* Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я: Пер. с англ. 3-е изд. Калининград: Phoca Books, 2019.
25. *Borawski D, Nowak A.* As long as you are self-compassionate, you will never walk alone. The interplay between self-compassion and rejection sensitivity in predicting loneliness // Journal of Psychology. 2022. V. 57. № 5. P. 621–628.

26. Brophy K. et al. The role of self-compassion in the relationship between attachment, depression, and quality of life // *Journal of Affect Disorder*. 2020. V. 260. Jan 1. P. 45–52.
27. Chi X. et al. Relationship between adverse childhood experiences and anxiety symptoms among Chinese adolescents: The role of self-compassion and social support // *Current Psychology*. 2022. Jan 8. P. 1–13.
28. Cortés-García L., Takkouche B., Rodríguez-Cano R., Senra C. Mediation mechanisms involved in the relation between attachment insecurity and depression: A meta-analysis // *Journal of Affect Disorder*. 2020. V. 277. Dec. 1. P. 706–726.
29. Davis A.C., Arnocky S. An Evolutionary Perspective on Appearance Enhancement Behavior // *Archives of sexual behavior*. 2022. № 51 (1). P. 3–37.
30. Eastwick P.W., Luchies L.B., Finkel E.J., Hunt L.L. The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2014. V. 140. № 3. P. 623–665.
31. Fornaini E. et al. The Power of Words: Appearance Comments from One's Partner Can Affect Men's Body Image and Women's Couple Relationship // *International journal of environmental research and public health*. 2021. V. 18. № 17. Art. 9319.
32. Frederick D.A., Reynolds T.A. The value of integrating evolutionary and sociocultural perspectives on body image // *Archives of Sexual Behavior*. 2022. V. 51. № 1. P. 57–66.
33. Laus M.F., Sebastião S., Almeida S.S., Klos L.A. Body image and the role of romantic relationships // *Cogent Psychology*. 2018. V. 5. № 1. Art. 1496986.
34. Murray C.V., Jacobs J.I., Rock A.J., Clark G.I. Attachment style, thought suppression, self-compassion and depression: Testing a serial mediation model // *PLoS One*. 2021. Jan. 14. e0245056.
35. Pritchard M., Brasil K., McDermott R., Holdiman A. Untangling the associations between generalized anxiety and body dissatisfaction: The mediating effects of social physique anxiety among collegiate men and women // *Body Image*. 2021. № 39. P. 266–275.
36. Raque-Bogdan T.L. et al. Attachment and mental and physical health: self-compassion and mattering as mediators // *Journal of Counseling Psychology*. 2011. Apr. V. 58. № 2. P. 272–278.
37. Raque-Bogdan T.L. et al. Self-compassion as a mediator between attachment anxiety and body appreciation: An exploratory model // *Body Image*. 2016. № 19. P. 28–36.
38. Swami V., Barron D., Furnham A. Appearance Orientation and Dating Anxiety in Emerging Adults: Considering the Roles of Appearance-Based Rejection Sensitivity, Social Physique Anxiety, and Self-Compassion // *Archives of Sexual Behavior*. 2022. V. 51. P. 3981–3992.
39. Swami V., Robinson C., Furnham A. Associations between body image, social physique anxiety, and dating anxiety in heterosexual emerging adults // *Body Image*. 2021. Dec. 39. P. 305–312.
40. Weller Ja.E., Dziegielewska S.F. The Relationship Between Romantic Partner Support Styles and Body Image Disturbance // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2005. V. 10. № 2. P. 71–92.

ATTACHMENT STYLES IN CLOSE RELATIONSHIPS AND THEIR IMPACT ON ATTITUDES TOWARD APPEARANCE²

V.A. Labunskaya

*Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University;
344038, Rostov-on-Don, M. Nagibin Ave., 13, office 219, Russia.
Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology.
E-mail: vlab@aanet.ru*

Received 09.02.2023

Abstract. The solution to the problem of “appearance (AP) — close, romantic relationships” is carried out, traditionally, in connection with the study of the physical component of AP. On the periphery of attention of researchers remains the consideration of a set of characteristics of the attitude to holistic AP. The aim was to determine the levels of severity of the various characteristics of attitudes to AP and to create a hierarchy of significance of differences depending on the levels of severity of anxiety and avoidance strategies in close relationships. The study involved 136 young people aged 18 to 30 years ($Me = 23$; $Mo = 23$; $M = 22.75$; $SD = 2.60$),

² Study was supported by Russian Science Foundation (project № 22-28-0164).

71% women, 28.6% men. *Research methods*: questionnaire “Experience of close relationships” in the adaptation of T.V. Kazantseva. Scales: 1) “significance of AP in romantic relationships”; 2) “assessment of the dependence of the relationship with the romantic partner on the VP”; 3) “assessment of the experiences (awkwardness, stiffness, embarrassment) arising as a result of the presentation of the VP to the romantic partner”; 4) “self-assessment of the attractiveness of the VP for the partner of the opposite sex”. *Mathematical procedures*: rank transformation of the above variables (levels: low, medium; high); descriptive statistics; Criteria: *H* Kruskal–Wallis, *U* Mann–Whitney; Spearman correlation (IBM SPSS Statistic 23.0). *Results*: the severity of anxiety and avoidance strategies differentiate the levels of severity of various characteristics of the attitude to AP: a high level of anxiety strategy causes a high level of AP significance ($U = 532.500$; $p = 0.025$), high rating of the dependence of a relationship with a romantic partner from AP ($U = 564.000$; $p = 0.046$); a high level of severity of the avoidance strategy leads to a high level of severity of experiences that arise in the situation of presenting one’s AP to a romantic partner ($U = 862.000$; $p = 0.009$), reduces the level of self-esteem of the attractiveness of AP for a partner of the opposite sex ($U = 947.000$; $p = 0.043$). Results are important in the development of practice-oriented programs aimed at solving problems in close relationships and reducing their dependence on the attitude to AP.

Keywords: appearance, characteristics of attitude to appearance, anxious strategy, strategic avoidance, levels of severity, hierarchy of differences, young people.

REFERENCES

1. *Avdeeva N.N.* Teorija privjazannosti: sovremennye issledovanija i perspektivy. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 2017. V. 6. № 2. P. 7–14. (In Russian)
2. *Barysheva N.A., Ozhigova L.N.* Lichnostnye determinanty udovletvorennosti telom u devushek. *Juzhno-rossijskij zhurnal social’nyh nauk*. 2021. V. 22. № 2. P. 143–158. (In Russian)
3. *Garvard O.O., Sabel’nikova N.V.* Privjazannost’ k romanticheskomu partneru junoshej i devushek s raznymi osobennostjami vzaimootnoshenij s roditeljami. *Vestnik psihologii i pedagogiki Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 1. P. 27–35. (In Russian)
4. *Drozdova I.I., Serikov G.V.* Predstavlenija o roditel’skikh ocenках vneshnego oblika v svyazi s obespokoennost’ju im u starsheklassnikov. *Jeksperimental’naja psihologija*. 2020. V. 13. № 4. P. 151–162. (In Russian)
5. *Enikolopov S. et al.* Autoagressija i psihologicheskie aspekty vosprijatija tela pri depressii. *Psihologicheskie issledovanija*. 2022. V. 15. № 81. (In Russian)
6. *Erohina E.A., Filippova E.V.* Obraz tela i otnoshenie k svoemu telu u podrostkov: semejnye i sociokul’turnye faktory vlijanija (po materialam zarubezhnyh issledovanij). *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija*. 2019. V. 8. № 4. P. 57–68. (In Russian)
7. *Kazanceva T.V.* Adaptacija modifitsirovannoj metodiki “Opyt blizkikh otnoshenij” K. Brennan i R.K. Frejli. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2008. № 34 (74). Ch. 2: Pedagogika, psihologija, teorija i metodika obuchenija. P. 139–143. (In Russian)
8. *Kazanceva T.V.* Social’no-psihologicheskie determinanty mezhlichnostnoj privjazannosti: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg, 2011. (In Russian)
9. *Kleva V.N., Chernjavskaja V.S.* Faktory samootnoshenija lic s raznym otnosheniem k fizicheskomu “Ja”. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2021. V. 27. № 2. P. 88–96. (In Russian)
10. *Klejn K., Kostenko V.* Samodeterminacija v romanticheskikh otnoshenijah: adaptacii oprosnika i utocnenie konstrukta. *Psihologicheskie issledovanija*. 2021. V. 14. № 78. (In Russian)
11. *Krjukova T.L., Ekimchik O.A., Opekina T.P.* Psihologija sovladanija s trudnostjami v blizkikh (mezhlíčnostnyh) otnoshenijah. Kostroma: Kostromskoj gos. universitet, 2019. 340 p. (In Russian)
12. *Labunskaja V.A.* Samoocenka, cennost’, znachimost’ vneshnego oblika v studencheskoj srede i udovletvorennost’ zhizn’ju. *Juzhno-rossijskij zhurnal social’nyh nauk*. 2019. V. 20. № 4. P. 198–209. (In Russian)
13. *Labunskaja V.A.* Trendy izuchenija otnoshenija k vneshnemu obliku s pozicij prikladnoj social’noj psihologii. *Social’naja psihologija i obshhestvo*. 2021. V. 12. № 3. P. 128–150. (In Russian)
14. *Labunskaja V.A.* Ierarhija intensivnosti vozdejstvija genderno-vozrastnyh faktorov, samoocenok vneshnego oblika na sub’ektivnoe blagopoluchie. *Institut psihologii RAN. Social’naja i jekonomicheskaja psihologija*. 2022. V. 7. № 4 (28). P. 29–53. (In Russian)
15. *Labunskaja V.A., Gura O.R.* Cennostnye orientacii kak prediktory znachimosti privlekatel’nogo vneshnego oblika v družeskikh i romanticheskikh otnoshenijah. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. 2022. V. 19. № 3. P. 219–231. (In Russian)
16. *Opekina T.P., Ekimchik O.A.* Romanticheskaja privjazannost’ kak prediktor diadicheskogo kopinga v pare. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2022. V. 19. № 2. P. 223–240. (In Russian)
17. *Os’minina A.A., Krjukova T.L.* Faktory otnoshenija zhenšhin srednej vzroslosti k sobstvennomu vneshnemu obliku. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2021. V. 27. № 2. P. 88–96. (In Russian)

- universiteta. Ser. Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2020. V. 26. № 2. P. 56–62. (In Russian)
18. *Sabel'nikova N.V., Kashirskij D.V.* Oprosnik privjazannosti k blizkim ljudjam. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 4. P. 84–97. (In Russian)
 19. Social'naja psihologija vneshnego oblika: teoreticheskie podhody i jempiricheskie issledovanija. Kollektivnaja monografija. Eds. V.A. Labunskoj, G.V. Serikova, T.A. Shkurko. Rostov-na-Donu: Mini-Tajp, 2019. 456 p. (In Russian)
 20. *Uvarova M.I.* Obraz tela u devushek iz polnyh i nepolnyh semej s raznymi tipami privjazannosti k materi. *Molodoj uchenyj*. 2022. № 44 (439). P. 314–315. (In Russian)
 21. *Chistopol'skaja K.A., Enikolopov S.N., Drovosekov S.J.* Vzrosloja romanticheskaja privjazannost' u molodyh lju-dej v povsednevnosti i pri suicidal'nyh perezhivaniyah. *Suicidologija*. 2021. V. 12. № 1. P. 109–125. (In Russian)
 22. *Chistopol'skaja K.A. et al.* Adaptacija kratkoj versii "Per-erabotannogo oprosnika — Opyt blizkih odnoszenij" (ECR-R) na russkojazychnoj vyborke. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2018. V. 39. № 5. P. 87–98. (In Russian)
 23. *Shkurko T.A.* Prediktory i korreljaty jemocional'nogo ot-noshenija k svoemu vneshnemu obliku i vneshnemu ob-liku partnera u suprugov, sostojashhih v zaregistrovan-nom i nezaregistrovanom brake. *Juzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2019. V. 20. № 3. P. 167–186. (In Russian)
 24. *Shnakkenberg N.* Mnimye tela, podlinnye sushhnosti: Preodolenie konfliktov identichnosti s vneshnost'ju i voz-vrashhenie k podlinnomu Ja. Per. s angl. 3-e izd. Kalin-ingrad: Phoca Books, 2019. (In Russian)
 25. *Borawski D., Nowak A.* As long as you are self-compas-sionate, you will never walk alone. The interplay between self-compassion and rejection sensitivity in predicting loneliness. *Journal of Psychology*. 2022. V. 57. № 5. P. 621–628.
 26. *Brophy K. et al.* The role of self-compassion in the rela-tionship between attachment, depression, and quality of life. *Journal of Affect Disorder*. 2020. V. 260. Jan. 1. P. 45–52.
 27. *Chi X. et al.* Relationship between adverse childhood ex-periences and anxiety symptoms among Chinese adoles-cents: The role of self-compassion and social support. *Current Psychology*. 2022. Jan. 8. P. 1–13.
 28. *Cortés-García L., Takkouche B., Rodríguez-Cano R., Sen-ra C.* Mediatonal mechanisms involved in the relation between attachment insecurity and depression: A meta-analysis. *Journal of Affect Disorder*. 2020. V. 277. Dec. 1. P. 706–726.
 29. *Davis A.C., Arnocky S.* An Evolutionary Perspective on Appearance Enhancement Behavior. *Archives of sexual behavior*. 2022. № 51 (1). P. 3–37.
 30. *Eastwick P.W., Luchies L.B., Finkel E.J., Hunt L.L.* The predictive validity of ideal partner preferences: A review and meta-analysis. *Psychological Bulletin*. 2014. V. 140. № 3. P. 623–665.
 31. *Fornaini E. et al.* The Power of Words: Appearance Com-ments from One's Partner Can Affect Men's Body Image and Women's Couple Relationship. *International journal of environmental research and public health*. 2021. V. 18. № 17. Art. 9319.
 32. *Frederick D.A., Reynolds T.A.* The value of integrating evolutionary and sociocultural perspectives on body im-age. *Archives of Sexual Behavior*. 2022. V. 51. № 1. P. 57–66.
 33. *Laus M.F., Sebastião S., Almeida S.S., Klos L.A.* Body im-age and the role of romantic relationships. *Cogent Psy-chology*. 2018. V. 5. № 1. Art. 1496986.
 34. *Murray C.V., Jacobs J.I., Rock A.J., Clark G.I.* Attach-ment style, thought suppression, self-compassion and de-pression: Testing a serial mediation model. *PLoS One*. 2021. Jan. 14. e0245056.
 35. *Pritchard M., Brasil K., McDermott R., Holdiman A.* Un-tangling the associations between generalized anxiety and body dissatisfaction: The mediating effects of social phy-sique anxiety among collegiate men and women. *Body Image*. 2021. № 39. P. 266–275.
 36. *Raque-Bogdan T.L. et al.* Attachment and mental and physical health: self-compassion and mattering as medi-ators. *Journal of Counseling Psychology*. 2011. Apr. V. 58. № 2. P. 272–278.
 37. *Raque-Bogdan T.L. et al.* Self-compassion as a mediator between attachment anxiety and body appreciation: An exploratory model. *Body Image*. 2016. Dec. 19. P. 28–36.
 38. *Swami V., Barron D., Furnham A.* Appearance Orienta-tion and Dating Anxiety in Emerging Adults: Consider-ing the Roles of Appearance-Based Rejection Sensitivi-ty, Social Physique Anxiety, and Self-Compassion. *Ar-chives of Sexual Behavior*. 2022. V. 51. P. 3981–3992.
 39. *Swami V., Robinson C., Furnham A.* Associations between body image, social physique anxiety, and dating anxiety in heterosexual emerging adults. *Body Image*. 2021. Dec. 39. P. 305–312.
 40. *Weller Ja.E., Dziegielewski S.F.* The Relationship Between Romantic Partner Support Styles and Body Image Dis-turbance. *Journal of Human Behavior in the Social En-vironment*. 2005. V. 10. № 2. P. 71–92.

УДК 159.9.07

СКЛОННОСТЬ К ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ¹

© 2023 г. А. С. Эльзессер*, Т. В. Капустина**, Р. В. Кадыров***

*Тихоокеанский государственный медицинский университет;
690002, Владивосток, Приморский край, пр-т Острякова, д. 2, Россия.*

**Преподаватель.*

E-mail: der_falter@mail.ru

***Кандидат психологических наук, доцент.*

E-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

****Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой.*

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Поступила 20.04.2022

Аннотация. Исследование посвящено определению индивидуально-психологических характеристик склонности к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации. Привлекательность субкультуры колумбайн и экстремистских течений связана с социально-психологической дезадаптацией личности. Это актуализирует задачу раннего выявления группы риска для оказания психологической помощи в целях предотвращения радикализации личности. Гипотеза исследования: студенты, имеющие склонность к экстремизму, обладают индивидуально-психологическими характеристиками личности, указывающими на специфику их социально-психологической дезадаптации. Было исследовано 578 студентов I–VI курсов обучения в вузах Приморского края, Хабаровского края, Республики Дагестан и г. Москвы. Были использованы следующие методики: Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF), форма А; Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ); Шкала враждебности Кука–Медлей (СМНС); методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса и проективная методика 12 Архетипов плюс (12А+) Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной. Обнаружено, что специфика социально-психологической дезадаптации студентов, склонных к экстремизму, определяется следующими индивидуально-психологическими характеристиками: недооценка собственных возможностей, болезненная чувствительность к критике, замкнутость, отчужденность, склонность подвергать других строгой оценке, отказывая им в доверии, низкий порог эмоциональной устойчивости, эмоциональная лабильность, подозрительность и раздражительность, желание действовать в своих интересах, пренебрегая социальными нормами, правилами и стандартами, а также сочетание самонегия и самокритики, сочетание низкой толерантности к фрустрирующим ситуациям с преувеличением своей стрессоустойчивости. У этих студентов наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания.

Ключевые слова: экстремизм, склонность к экстремизму, социально-психологическая дезадаптация, выявление экстремизма, студенты.

DOI: 10.31857/S020595920026155-6

Движение “колумбайн” зародилось в США и активно развивается в России, распространяясь через социальные сети. Данная субкультура характеризуется деструктивной направленностью и содержит признаки экстремистско-террористической сущности [16], привлекая последователей — “колумбайнеров”, оправдывающих и романтизирующих

вооруженное нападение на учеников школы “Колумбайн” (округ Джефферсон, штат Колорадо, США). Данный акт экстремистского насилия стал отправной точкой для последующих подражаний. Так, в последние годы в российских школах нарастает количество вооруженных нападений учеников на учащихся и педагогов. За период 2017–2019 гг. более 20 актов насильственного экстремизма было совершено учениками и более 50 случаев были предотвращены [14], что делает актуальным изучение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32151.

“скулшутинга” (“школьной стрельбы”) или “колумбайна” для предупреждения их влияния на социально-психологическую адаптацию подростков и юношества.

Большое количество сообщений о психологии “колумбайна”/“скулшутинга” на психологических конференциях свидетельствует об интересе к данной теме в научном сообществе, однако наблюдается недостаток рецензируемых работ [18].

Действительно построение эмпирического исследования подобной проблематики несет определенные трудности. Так, конструкты “колумбайн” и “скулшутинг” не операционализированы отечественной психологией. Кроме того, исследователь данной темы сталкивается с недоступностью выборки “школьных стрелков”, стремящихся совершить суицид после массового убийства. Материалы уголовных дел не доступны широкому кругу психологов, а составление психологического портрета и оценка психической вменяемости в большинстве случаев производятся посмертно. Это обстоятельство приводит к тому, что утверждение о том или ином паттерне психологических характеристик как факторе экстремистского насилия является мало доказуемым и может опираться лишь на косвенные свидетельства.

В зарубежной литературе широко применяется понятие “насильственного экстремизма”. Согласно определению ЮНЕСКО, это “убеждения и действия людей, которые поддерживают и используют идеологически мотивированное насилие для достижения радикальных... целей” [17]. Как видим, экстремизм включает два аспекта: мировоззренческий (убеждения) и поведенческий (действия), то есть, еще не совершив уголовно наказуемого деяния, человек может иметь экстремистские убеждения. Предлагаемое нами понятие “склонность к экстремизму” отвечает задачам выявления групп риска, поскольку предполагает градиент от низкой склонности к высокой. При этом выраженная склонность к экстремизму не означает неизбежного совершения нападения, а лишь позволяет предположить наличие убеждений, которые могут проявиться в поведении, трактуемом законом как экстремистское [22].

Привлекательность субкультуры колумбайн и экстремистских течений связана с определенным психоэмоциональным статусом личности. Так, экстремизм ассоциирован с переживанием депрессии и тревоги, дистимии, симптомами посттравматического стрессового расстройства [25], психической травмой раннего возраста и текущим состоянием психологической уязвимости [26]. В более широком контексте поведение, определяемое

законом Российской Федерации как экстремистское, представлено перечнем уголовно наказуемых деяний [22], которые носят деструктивный, антиобщественный характер, это позволяет говорить о личности, совершающей их, как имеющей выраженную социально-психологическую дезадаптацию. Этот ракурс рассмотрения проблемы позволяет поставить задачу раннего выявления группы риска для оказания психологической помощи и предотвращения радикализации личности.

Рассматривая склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации, мы следуем за А. Харвикеном. Автор делает акцент на психологической уязвимости молодежи, поддерживающей экстремизм, и выделяет шесть обобщающих факторов в своем обзоре эмпирических исследований: психическое заболевание, травмирующий опыт, особенности ранней социализации (семейное неблагополучие), предполагаемая дискриминация, социальный капитал и делинквентность. Как полагает А. Харвикен, неблагоприятный опыт, приобретенный в семье или школе, подталкивает личность к поиску альтернативных социальных групп и областей для достижения успеха, которые могут оказаться антагонистичны общепринятым ценностям [26].

Раскроем данные факторы подробнее:

- 1) с экстремизмом ассоциированы депрессивные и тревожные расстройства, попытки суицида. Существует гипотеза, что склонность к экстремизму может быть попыткой психики преодолеть отсутствие смысла жизни;
- 2) психотравмирующий опыт включает подверженность неприятным или тревожным переживаниям;
- 3) фактор ранней социализации описывает картину семейного неблагополучия;
- 4) предполагаемая дискриминация — фактор, обобщающий фрустрацию и враждебность, а также желание перемен и возмездия у экстремистски настроенной личности;
- 5) социальный капитал включает изоляцию и социальную отчужденность;
- 6) делинквентное поведение — фактор, который указывает на корреляции экстремизма с насильственными преступлениями [26].

При описании Шкалы выявления риска экстремизма и насилия (Extremism and Violence Risk Identification Scale) и ее адаптации среди молодежи в Пакистане Б. Хассан с коллегами включают в конструкт экстремизма следующие характеристики: неопределенность жизни (пессимистическое

отношение к своему будущему), отсутствие социальной поддержки (в том числе в семье), склонность к насильственной агрессии, религиозная нетерпимость [27].

Изучение аспектов социально-психологической дезадаптации, предшествующих экстремистскому поведению, среди отечественных работ последних лет представлены единичными исследованиями. Э.И. Мещерякова и А.В. Ларионова связывают формирование экстремистской направленности с потребностью самоосуществления на фоне дефицита ресурсов самореализации [13]. Теоретический анализ, осуществленный Е.В. Рязуновой, показал несколько факторов радикализации экстремистских групп: социальная изоляция, ощущение угрозы безопасности, дискриминации и несправедливости, идеи превосходства и интолерантное отношение к другим [20]. Обзор зарубежных исследований, осуществленный Д.Г. Давыдовым и К.Д. Хломовым, указал на несколько признаков: наличие обиды, опыт владения оружием, стресс, депрессия, временная или хроническая социальная изоляция, в первую очередь ее субъективная сторона [5]. Однако описанные признаки не составляют “профиль”, который может использоваться для надежного выявления подростков, склонных к совершению массовых убийств [5].

В нашем исследовании была осуществлена попытка преодолеть указанное ограничение и приблизиться к предмету исследования в разрезе радикализации личности. Данная область имеет свои ограничения, поскольку вплотную подходит к исследованиям, связанным с прогнозированием и оценкой риска, профилактикой и предотвращением актов насильственного экстремизма. Здесь необходимо раскрыть возникающую методологическую неточность. С одной стороны, финал процесса радикализации — личность экстремиста. С другой стороны, пока не доказано совершение деяния экстремистского толка, то или иное лицо неправомерно определять как “экстремиста”, поэтому речь идет о “склонности к экстремизму” или “экстремистских тенденциях”, характеризующих уровень радикализации личности. Так, в работе Озера и Бертелсена для изучения факторов радикализации взята выборка учащихся средней школы и колледжа, применяются опросники, диагностирующие признаки, связанные со склонностью к экстремизму (одобрение насилия и противоправных действий, сильное желание комплексных социальных изменений и изменений в своей жизни и др.) [29]. В выборку исследования Д. Микони и соавторов вошли студенты колледжа, применялся опросник, определяющий уровень симпатии

к насильственной радикализации (радикализации, приводящей к поддержке насильственного экстремизма) [28]. Таким образом, в этих исследованиях в качестве “потенциального экстремиста” рассматривается личность человека, который ранее не привлекался и скорее всего никогда не будет привлечен к ответственности. Поэтому среди исследователей психологии экстремизма существует консенсус: если респондент в опроснике, направленном на выявление признаков экстремистского мировоззрения, набирает определенное количество баллов и оказывается достаточно близко к полюсу “радикализации”, это считается достаточным условием для отнесения его к группе лиц со склонностью к экстремизму. Допустимость такого обобщения обеспечивается применяемыми нами методами, которые подтвердили свою надежность и валидность.

Итогом проведенных анализа и систематизации стали следующие критерии экстремистских тенденций личности: признаки депрессивности, одиночество, дегуманизация окружающих, декларирование чувства превосходства, мотивы мести, положительное отношение к смерти [10] (табл. 1).

Описанные выше критерии склонности к экстремизму можно соотнести с идеологией “колумбайн”. Приверженцы данной субкультуры подробно описываются В.Д. Никишиным и имеют депрессивно-аутодеструктивные черты (п. 1 в табл. 1), причисляют себя к аутсайдерам (п. 2), постулируют превосходство над окружающими и обществом в целом и своего права вершить “естественный отбор” над живущими “стандартной жизнью” людьми (п. 4), которым дается уничижительная оценка (п. 3), мечтают отомстить обидчикам и обществу за пережитые неудачи (п. 5), потребляют шок- и треш-контент, связанный с темой смерти (п. 6) (см. табл. 1). Указанные критерии легли в основу скрининг-метода Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной, Е.В. Садон, А.С. Эльзесер. Специфический для “скулшутинга” признак “дегуманизация окружающих” в совокупности с остальными критериями позволяет дифференцировать лиц со склонностью к экстремизму среди людей с социальной дезадаптацией. Это позволило авторам поставить *цель* — выявить среди обучающихся лиц из группы риска для изучения их индивидуально-психологических характеристик.

Предметом исследования выступила склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности. *Гипотезой исследования* является предположение о том, что студенты вузов, имеющие склонность к экстремизму, обладают индивидуально-психологическими характеристиками

Таблица 1. Описание критериев склонности к экстремизму

№	Критерий	Содержание критерия	Данные исследователей
1	Признаки депрессивности	Пониженный фон настроения вплоть до апатии, пессимизм в оценке своих перспектив, утрата интересов, физическое недомогание (общая слабость, частые головные боли, трудность в концентрации внимания и т.д.)	Тревожно-депрессивные расстройства, попытки суицида, наличие травмирующего опыта [26]; пессимистическое отношение к своей жизни и будущему [27]; дефицит ресурсов самореализации [13]
2	Одиночество	Общение с окружающими, сверстниками минимально или носит поверхностный и формальный характер (даже с родителями)	Семейное неблагополучие, изоляция и социальная отчужденность [26], отсутствие социальной поддержки [27], социальная изоляция [20]
3	Дегуманизация окружающих	Противопоставляет свои ценности общепринятым, а себя — окружающему обществу, государству; демонстрирует нетерпимость и приверженность крайним мерам. Это проявляется в презрении и недоверии в отношении окружающих, во мнении, что другие люди не достойны права на жизнь	Интолерантное отношение к другим [20], делинквентность [26], склонность к насильственной агрессии [27]
4	Декларирование чувства превосходства	Личность ставит себя выше других в интеллектуальном и моральном плане, что приводит к отчужденности	Религиозная нетерпимость [27], идеи превосходства [20]
5	Мотивы мести	Накопленные злорадия, горечь и обиды, недовольство окружающими и миром в целом, сочетающиеся с желанием одержать отомстить	Предполагаемая дискриминация [26], ощущение угрозы безопасности, дискриминации и несправедливости [20]
6	Положительное отношение к смерти	Смерть считается решением многих проблем и собственного существования, что способствует предпочтению в информационном поле тем ненависти, насилия, разрушения и самой смерти	Героизация “скулшутеров”, дискурс ненависти по отношению к одноклассникам, родителям, которая может быть экстраполирована на девушек, религиозные группы, общество, социальный строй и т.д., “мода на оружие”, романтизация массовых убийств в школах, видеозаписи сцен насилия и убийств и пр. [16]

личности, указывающими на специфику их социально-психологической дезадаптации.

МЕТОДИКА

Участники исследования. 578 студентов I–VI курсов обучения вузов Приморского края (ТГМУ, ДВФУ, ВГУЭС, ДВПСА, МГУ имени Невельского; $n = 363$), Хабаровского края (ТОГУ, ДВГМУ, КНАГУ; $n = 124$), Республики Дагестан (ДГУ, ДГПУ; $n = 59$) и г. Москвы (РУДН; $n = 32$). В исследовании приняло участие 348 лиц женского пола и 230 — мужского. Возраст исследуемых — 17–27 лет, средний возраст — 19.69. В выборку вошли студенты гуманитарных ($n = 207$), технических ($n = 168$) и естественнонаучных ($n = 203$) направлений подготовки и специальностей.

В исследовании использовались следующие методики: Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина,

Е.В. Садон, А.С. Эльзессер, методика прошла апробацию на выборке более 1000 человек и подтвердила свою эффективность в диагностике склонности к экстремизму, скрининг является надежным и валидным инструментом [10; 23]); Факторный личностный опросник Р. Кеттелла, 16-PF, форма А [19]; Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ, В.В. Плотноков и соавторы) [21]; Шкала враждебности Кука–Медлей (СМНС) [12]; методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса, которая применяется в зарубежных эмпирических исследованиях личности экстремистов и в отечественных диссертациях при изучении вопросов адаптации/дезадаптации [6; 9; 24]; проективная методика 12 Архетипов плюс (12А+, Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина, методика подтвердила свои диагностические возможности в оценке личности и получила признание научного психологического сообщества [11]). Поскольку для измерения личностных черт и способностей в психологии применяется порядковая шкала [7],

а используемые методики настоящего исследования представляют собой опросники, то для статистической обработки были выбраны непараметрический критерий Краскела—Уоллиса и медианный тест, подсчеты выполнялись в программе Statistica 10.0 [4], уровень значимости — менее 0.05. Исследование проводилось в очном (для студентов г. Владивостока) и дистанционном форматах (с помощью Google-формы для студентов из других регионов России).

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе, исходя из уровня выраженности склонности к экстремизму по результатам скрининг-метода Кадырова Р.В. и соавторов, выборка была разделена на три группы:

- 1) лица, у которых отсутствует склонность к экстремизму, $n = 491$;
- 2) лица, имеющие склонность к экстремизму, $n = 63$;
- 3) лица, имеющие выраженную склонность к экстремизму, $n = 24$.

Далее с помощью непараметрического критерия Краскела—Уоллиса проводилось сравнение показателей выраженности различных личностных характеристик по разным методикам в трех группах.

По тем шкалам, по которым получились значимые различия (p -level менее 0.05), был проведен медианный тест, указывающий медианные значения по каждой шкале для каждой из трех групп. Поскольку все статистические расчеты выполнялись с использованием сырых баллов, то медианные значения были переведены в стены или соотношены с разными уровнями выраженности определенных характеристик (низкий, средний, высокий).

Таким образом, согласно результатам методики Кеттелла, имеются различия в группах по 8 факторам из 16. Медианный тест и перевод сырых баллов в стены указывают на различия проявляемых признаков в группах (табл. 2, 3).

Так, по фактору *A* значения в группе с отсутствием склонности к экстремизму соответствуют средним, а для групп со склонностью и выраженной склонностью — низким. Лица со склонностью к экстремизму более замкнуты, отчуждены, при этом склонны подвергать других строгой оценке. Уничижительное отношение к другим, неготовность поддерживать социальные связи приводят к ситуации одиночества. Эти данные соответствуют результатам исследований, связывающих экстремизм и социальную изоляцию [20; 26; 27]. Подобные различия мы можем наблюдать по фактору *C*, указывающие на выраженность эмоциональной нестабильности (один и два стена соответствуют

Таблица 2. Статистически значимые различия по методике 16 PF Р. Кеттелла в трех группах

Фактор по Кеттеллу	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, H	Уровень достоверности (p -level)
<i>A</i> (общительность)	461/63/24	19.81	0.0000
<i>C</i> (эмоциональная стабильность)	461/63/24	25.88	0.0000
<i>G</i> (нормативность)	461/63/24	7.81	0.0202
<i>L</i> (подозрительность)	461/63/24	15.78	0.0004
<i>O</i> (тревожность)	461/63/24	7.78	0.0204
Q_2 (конформизм)	461/63/24	18.89	0.0001
Q_3 (самоконтроль)	461/63/24	8.22	0.0164
Q_4 (напряженность)	461/63/24	19.74	0.0001

Таблица 3. Медианный тест по результатам методики 16-PF Р. Кеттелла в трех группах*

Фактор	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены
<i>A</i>	8	4	6	3	6	3
<i>C</i>	12	5	6	2	5	1
<i>G</i>	13	6	10	5	9	4
<i>L</i>	13	7	15	8	15	8
<i>O</i>	11	5	13	8	13	8
Q_2	12	5	16	7	17	8
Q_3	12	6	11	5	9	4
Q_4	8	3	15	6	16	6

* Использовались нормативные данные выборки студентов [19, с. 75].

низким значениям по фактору) в группе со склонностью и выраженной склонностью к экстремизму. Это говорит о крайне низком пороге эмоциональной устойчивости, эмоциональной лабильности, низкой толерантности к фрустрирующим ситуациям. Все это проявляется в пониженном настроении, раздражительности и обуславливает дальнейшие трудности в установлении контактов. По фактору G , как и по фактору Q_3 , наблюдается средний уровень значений для трех групп, однако наблюдается тенденция к снижению показателя (так, в группе с выраженной склонностью к экстремизму медианные значения соответствуют четырем стенам — средний уровень с тенденцией к низкому). Это свидетельствует о готовности проявлять организованность в знакомых ситуациях, избирательном отношении к социальным нормам и требованиям. Отметим, что при возрастании склонности к экстремизму нормативность поведения оказывается ниже среднего: личность с большей вероятностью действует в своих интересах, пренебрегая социальными нормами, правилами, стандартами.

По фактору L для лиц, не имеющих склонности к экстремизму, характерны средние значения, а для имеющих — высокие. Это говорит о подозрительности и раздражительности, а также сочетании самомнения и самокритики у лиц, склонных к экстремизму. Требовательность к окружающим вместе с завистливостью приводят к мысли о том, что другие люди недостойны тех благ, которыми наслаждаются. Противоречие между склонностью задерживать внимание на неудачах и наличием большого самомнения служит почвой для внутреннего конфликта, что приводит к выраженному внутреннему напряжению. Фактор Q указывает на значимые различия в выраженности тревожности в группах, имеющих склонность к экстремизму (значения соответствуют восьми стенам). Наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания. Сниженный эмоциональный фон усугубляет апатично-депрессивные настроения и служит благодатной почвой для

восприятия идеологии “колумбайн”, которая транслирует не только агрессивные, но и депрессивно-аутодеструктивные идеи [16]. По фактору Q_2 наблюдаются высокие значения у людей, имеющих выраженную склонность к экстремизму, что указывает на заметные тенденции к независимости. Таким образом, одиночество, неудовлетворенность, большое самомнение дополняются стремлением обособиться от группы, это приводит к уничижительному отношению к окружающим. По фактору Q_4 низкие значения характеризуют группу сравнения, когда для групп с тенденцией и выраженной тенденцией к экстремизму наблюдаются средние значения (шесть стен). Это говорит о средневыраженной собранности, готовности действовать у личности, склонной к экстремизму, в противовес расслабленности и удовлетворенности.

Результаты по методике ТАСТ обрабатывались аналогично методике Кеттелла, однако в данном случае при переводе из сырых баллов в стандартные учитывались половые различия, поэтому в таблице приведены стандартные значения для мужчин/женщин. Использование данного способа представления результатов не искажает общей картины выраженности определенных признаков в группе у студентов со склонностью и выраженной склонностью к экстремизму. Так, для них в большей мере выраженными являются шкалы нейротизма, сенситивности, робости, агрессивности, эмоциональной лабильности и ригидности с более низкими значениями гипертимности (табл. 4, 5).

При отсутствии акцентуации гипертимности у группы сравнения у людей со склонностью к экстремизму значения шкалы снижаются, а при выраженной склонности к экстремизму достигают полюса гипотимности. Это располагает к сниженной активности, ограничению общения, снижению настроению. Высокие баллы по шкале нейротизма характеризуют личность, склонную к экстремизму, физически неблагополучной, с переживанием слабости, психовегетативной неустойчивости. Это

Таблица 4. Статистически значимые различия по методике ТАСТ (В.В. Плотников и соавторы) в трех группах

Шкала	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, H	Уровень достоверности (p -level)
Гипертимность	461/63/24	9.13	0.0104
Нейротизм	461/63/24	55.28	0.0000
Сенситивность	461/63/24	12.15	0.0023
Робость	461/63/24	26.92	0.0000
Агрессивность	461/63/24	18.13	0.0001
Эмоциональная лабильность	461/63/24	20.98	0.0000
Ригидность	461/63/24	8.15	0.0170

Таблица 5. Медианный тест по результатам методики ТАСТ (В.В. Плотников и соавторы) в трех группах*

Шкала	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены	Сырые баллы	Стены
Гипертимность	7	5	6	4	5	3
Нейротизм	4	5	8	10	9	10
Сенситивность	7	7/4	10	10/8	8	8/5
Робость	8	7/6	12	10/8	13	10/9
Агрессивность	5	5/4	8	8/7	9	9/8
Эмоциональная лабильность	7	8/6	9	10/8	9	10/8
Ригидность	7	5	8	6/7	9	7/8

* Через слеш указаны половые различия в стенах М/Ж.

означает, что сила негативных переживаний превышает адаптационный потенциал личности, наступил этап истощения.

Наблюдаются противоречивые результаты для акцентуации сенситивности, а также сочетания робости и агрессивности. При отсутствии склонности к экстремизму акцентуация сенситивности отсутствует, затем проявляет себя наиболее ярко у группы с наличием склонности, а при выраженной склонности к экстремизму сохраняется у юношей и исчезает у девушек. Высокая акцентуированность робости отличает личность со склонностью к экстремизму и опосредует трудности в социальных взаимодействиях, низкую самооценку, тревожность. При этом агрессивность достигает наивысших значений при выраженной склонности к экстремизму. Представляет интерес противоречие между ярко выраженной неконфликтностью личности и агрессивностью ее экстремистской идеологии, провозглашением ненависти, призывами к расправе. Данные результаты будут подробно обсуждены в следующем разделе.

По Шкале Кука—Медлей были выявлены различия по двум шкалам — цинизма и враждебности

(табл. 6, 7). Отметим, что уровень цинизма вырастает статистически значимо, в то время как враждебность достигает высоких значений лишь при сильной склонности к экстремизму. Это показывает, что радикализация личности связана в первую очередь с повышением установок на отказ от доверия к другим, в то время как действительные враждебность и неприязнь незначительно превышают таковые у других сверстников и достигают нижней границы высокого уровня лишь при выраженной склонности к экстремизму.

Статистическая обработка по методике А. Эллиса показала, что группы со склонностью к экстремизму отличаются невыраженностью иррациональной установки по шкале “Оценка фрустрационной толерантности”, в отличие от группы сравнения (см. табл. 6, 7). Чтобы объяснить эту закономерность, необходимо обратиться к содержанию шкалы. Так, группа сравнения склонна отвечать, что многого просто “не выносит”: ситуаций, когда все идет не так, как хочется, сильного давления и стресса, некоторых поступков друзей, родных или окружающих. Отвечая на эти вопросы, каждый из которых содержит формулировку “не выношу/не вынести/невыносимо”, личность со склонностью к экстремизму отрицает,

Таблица 6. Статистически значимые различия по методикам Кука—Медлей и А. Эллиса в трех группах

Шкала	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, H	Уровень достоверности (p -level)
Цинизм	461/63/24	13.70	0.0011
Враждебность	461/63/24	16.92	0.0002
Оценка фрустрационной толерантности	461/63/24	26.95	0.0000

Таблица 7. Медианный тест по результатам методик Кука—Медлей и А. Эллиса в трех группах

Шкала	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Сырые баллы	Интерпретация	Сырые баллы	Интерпретация	Сырые баллы	Интерпретация
Цинизм	55	Средний уровень	62	Средний с тенденцией к высокому	66	Средний с тенденцией к высокому
Враждебность	20	Средний уровень	22	Средний уровень	26	Высокий уровень
Оценка фрустрационной толерантности	31	Наличие установки	29	Отсутствие установки	22	Отсутствие установки

что есть вещи, которые нельзя вынести. На фоне результатов предыдущих методик мы можем предположить, что за этими ответами стоит горькая ирония: личность с социально-психологической дезадаптацией считает, что вынесла уже очень многое и уже не может случиться ничего, чего бы нельзя было вынести. Это предположение подкрепляет аутоагрессивный аспект стрельбы в школе, которая, по сценарию “колумбайна”, завершается самоубийством стрелка. В целом утверждение респондентами собственной стрессоустойчивости, вероятно, носит компенсаторный характер.

Результаты по методике “12 Архетипов плюс” указывают на различия в архетипе Сироты. Поскольку данная методика имеет отличающуюся процедуру обработки и не все архетипы (шкалы) получают баллы при диагностике, то оценивались не только медианные значения, но и диапазон наиболее часто встречающихся значений (табл. 8, 9). Он показал, что в группе с выраженной склонностью к экстремизму в структуре личности преобладает тип личности Сирота, а в группе с отсутствием этой склонности данный архетип преимущественно не проявляется. Как видим, данный тип личности вытесняется либо не выбирается группой сравнения, в то время как количество его выборов растет вместе с возрастанием социально-психологической дезадаптации. Это показывает, что для лиц со склонностью к экстремизму характерны недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков, болезненная чувствительность к критике, предрасположенность к подавленному настроению и пассивности. Перечисленные черты препятствуют разрешению имеющихся проблем, задавая общий тон безнадежности и депрессивности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты приводят нас к следующим рассуждениям. Существуют противоречия типа личности Сироты и данных, полученных

по другим методикам. Так, потребность в одобрении противоречит независимой позиции, ориентированности на нормы поведения — пренебрежению ими, мягкость и снисходительность — строгой требовательности и презрению к другим. Мы полагаем, что указанные противоречия составляют *специфику личности “колумбайнера”* и являются ключом к пониманию привлекательности данной идеологии. Так, выбор соответствующей карты методики означает превалирование в структуре личности типа Сироты, который указывает на наличие травмирующего опыта в прошлом. Впоследствии этот тип предопределяет набор предрасположенностей к позиции слабости и уязвимости. Неудачи в общении и личной жизни, социальная изоляция также являются длительным травмирующим опытом для подростка и юноши, поскольку затрагивают уязвимую сферу личности этого типа — взаимоотношения с окружающими. В этом случае провозглашение ненависти, готовности обрушить гнев на мир, мести за несправедливость и отстаивание своего превосходства являются неудачной реакцией компенсации, разворачивающейся на поле экстремистской идеологии. Согласно А. Адлеру, данный способ не устраняет глубинное чувство неполноценности, но надолго упраздняет субъективно жалкое положение личности и возвышает ее над всеми остальными [1].

Итак, личность с экстремистскими тенденциями испытывает одиночество, имея внутреннее объяснение: мир устроен плохо и наполнен людьми, недостойными даже жизни. Вероятно, в данном случае агрессия является не имплицитно присущей личности чертой, а лишь формой реакции на состояние длительной и сильной фрустрации, на опыт множества неудач, социальной изоляции, обиды на окружающих, которые воспринимаются более успешными, но недостойными этого. Несмотря на то что эмоциональная лабильность свойственна всей выборке, наивысших значений она достигает у ранимых и психологически

Таблица 8. Статистически значимые различия по методике 12 Архетипов плюс (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина) в трех группах

Архетип (тип личности)	Объемы сравниваемых выборок Нет/Есть/Выраженная	Значение Краскела—Уоллиса, <i>H</i>	Уровень достоверности (<i>p</i> -level)
Сирота	461/63/24	21.55	0.0000

Таблица 9. Медианный тест по результатам методики 12 Архетипов плюс (Р.В. Кадыров, Т.В. Капустина) в трех группах

Архетип	Нет склонности		Есть склонность		Выраженная склонность	
	Медиана	Диапазон наиболее частых значений	Медиана	Диапазон наиболее частых значений	Медиана	Диапазон наиболее частых значений
Сирота	0	От –12 до 0	0	0	12	От 0 до 12

неблагополучных лиц со склонностью к экстремизму, что позволяет предположить ее обусловленность событиями травматической и стрессовой природы. Учитывая данные о подавленном настроении, усиленная эмоциональная реактивность, по-видимому, чаще связана с негативными переживаниями. С увеличением склонности к экстремизму возрастает выраженность ригидности. Это обуславливает фиксацию на пережитом негативном опыте и накопление обид, а также объясняет провозглашаемые “колумбайнерами” мотивы мести одноклассникам, обществу, государственному строю и миру в целом. Эти характеристики могут объяснять активный поиск антиобщественных интернет-сообществ, пропагандирующих идеологию аутсайдеров, которые утверждают свое превосходство над окружающими на фоне крайне низкого мнения о себе.

Несмотря на внутреннюю неустроенность, девушки с акцентуацией сенситивности, по-видимому, не достигают высокой вовлеченности в экстремистские субкультуры. С большей вероятностью они займут промежуточное, сочувствующее положение. Учитывая, что известными стрелками являются юноши, это сочувствие у девушек может носить романтический характер. Поскольку влюбленность является созидательной силой, можно предположить небольшой психотерапевтический эффект, несмотря на личность объекта симпатий. Что касается юношей, художественно-интуитивное восприятие мира и эстетическая направленность интересов не защищают их от глубокого погружения в экстремистскую идеологию. Напротив, их эстетические предпочтения, вероятно, будут искажаться, смещаясь к темам оружия, суицида, убийств, героизации образа “школьного стрелка в черном плаще”.

Существуют сообщения, что большинство террористов клинически нормальны, несмотря на аморальность их действий [30]. По нашим данным, склонность к экстремизму является чертой акцентуированной, пограничной, но не патологической личности. Так, согласно П.Б. Ганнушкину — О.В. Кербикову, критериями поведенческой патологии выступают тотальность, относительная стабильность выраженности патологических черт характера, социальная дезадаптация. При этом точкой отсчета динамики психопатической личности являются 18–20 лет [3]. В данном случае наличествует социально-психологическая дезадаптация, однако черты личности, склонной к экстремизму, еще подвержены влиянию среды, обладают динамикой и не отвечают условию тотальности и стабильности. Это оставляет коррекционную работу

и психотерапию в сфере клинической психологии, а не психиатрии.

Далее необходимо отметить ограничения проведенного исследования. Как упоминалось ранее, приближение к предмету исследования оказывается возможным лишь посредством целого ряда допущений. Так, ввиду ограниченности доступа к выборке “колумбайнеров”, стремящихся завершить нападение суицидом, представляется возможным использовать конструкт “склонность к экстремизму”, который позволяет изучить корреляционные связи на нормальной популяции [28; 29]. Интерпретация полученных результатов опирается на эмпирические исследования, рассматривающие ведущую роль психологической уязвимости в становлении склонности к экстремизму [26].

ВЫВОДЫ

Таким образом, нами была применена новая методика с обоснованной валидностью [10], которая позволила выявить людей с разным уровнем выраженности склонности к экстремизму. Нами предложено рассматривать склонность к экстремизму как разновидность социально-психологической дезадаптации. Дезадаптация представляет собой нарушения взаимоотношений со средой и предшествует отказу следовать общественным предписаниям, нанесению вреда обществу [15]. В основе дезадаптации лежат личностные свойства, опосредующие выполнение самоопределяющей функции в отношениях со средой [2]. Отсюда следует, что ее специфика индивидуально-психологических характеристик опосредует специфику социально-психологической дезадаптации. Поэтому исследование основано на допущении, что профиль личности “колумбайнера” существует и поддается изучению путем сбора и анализа косвенных свидетельств, а значит, могут быть выявлены индивидуально-типологические предикторы экстремистского поведения. Данное исследование является попыткой приблизиться к изучению этих вопросов, однако его результаты должны рассматриваться лишь как предварительные. По мере накопления материала первоначальные выкладки должны быть уточнены и скорректированы.

Тем не менее исследование, проведенное на студенческой выборке, показало, что людей со склонностью к экстремизму отличают следующие личностные характеристики: недоверчивость, замкнутость, стремление к независимости, строгие требования к другим, низкий порог эмоциональной устойчивости, тревожность, депрессивность, готовность действовать; цинизм, враждебность;

недооценка своих возможностей, преувеличение трудностей и недостатков, болезненная чувствительность к критике, предрасположенность к подавленному настроению и пассивности в русле нормативных общественных отношений. К темпераментальным характеристикам, достоверно отличающим лиц со склонностью к экстремизму, относятся: гипотимность, нейротизм, сенситивность (у юношей), робость, агрессивность, эмоциональная лабильность, ригидность. Эти черты не определяют, но формируют основу свойств характера личности, которая в результате социальной дезадаптации может приобретать негативную, асоциальную направленность. Таким образом, гипотеза настоящего эмпирического исследования нашла свое подтверждение.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение национально-психологических предикторов и индивидуально-психологических характеристик социально-психологической дезадаптации студентов, склонных к экстремизму. В дальнейших исследованиях представляют практический интерес разработка, апробация и обоснование эффективности программы психологической коррекции для студентов с социально-психологической дезадаптацией [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2015.
2. Беличева С.А., Белинская А.Б. Социально-педагогическая диагностика и сопровождение социализации несовершеннолетних: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023.
3. Ганнушкин П.Б. Избранные труды по психиатрии. М.: Юрайт, 2019.
4. Гржибовский А.М., Иванов С.В., Горбатова М.А. Сравнение количественных данных трех и более независимых выборок с использованием программного обеспечения STATISTICA и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и здравоохранение. 2016. № 4. С. 5–37.
5. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
6. Двойникова Е.Ю. Психологические особенности адаптации студентов с разной стратегией решения учебно-профессиональных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2016.
7. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд., доп. М.: Юрайт, 2019.
8. Кадыров Р.В., Эльзесер А.С., Капустина Т.В. Краткосрочная программа психологической коррекции студентов, имеющих склонность к экстремизму. Ульяновск: Зебра, 2022.
9. Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В. Стресс-менеджмент. 3-е изд. СПб.: Питер, 2012.
10. Капустина Т.В. Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму // Психолог. 2022. № 1. С. 29–52.
11. Капустина Т.В. Экспресс-диагностика типов личности: проективный метод: Дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2019.
12. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2018. С. 477–480.
13. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Детерминация молодежного экстремизма как деструктивного способа самореализации // Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2019.
14. Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2021. № 1. С. 20–25.
15. Молодцова Т.Д., Кобышева Л.И., Шалова С.Ю. Подготовка студентов вуза к работе с дезадаптированными детьми и подростками: Монография. М.: Директ-медиа, 2017. 149 с.
16. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. № 11. С. 62–76.
17. Письмо Минобрнауки России «Оценка приемлемости для использования в Российской Федерации “Методического пособия по предотвращению насильственного экстремизма” (ЮНЕСКО, 2016)» от 27 апреля 2017 г. № 09-921. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-09-921-185o940> (дата обращения: 12.04.2022).
18. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 163–168.
19. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Кеттелла: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2020.
20. Рягузова Е.В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия “Я – Другой”: детерминанты и предпосылки (на примере экстремистских групп) // Известия Саратовского университета. 2021. № 3. С. 220–228.
21. Тест акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ): методическое руководство / Под ред. В.В. Плотникова, Л.А. Северьяновой, Д.В. Плотникова, Д.В. Бердникова. 3-е изд. СПб.: ИМАТОН, 2016.

22. Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности” от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 14.02.2023).
23. Эльзесер А.С., Капустина Т.В. Апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму у несовершеннолетних правонарушителей // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, 8–10 июля 2022 г. Ульяновск, 2022. С. 74–79.
24. Aldahadha B. Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2018. № 36. P. 404–417.
25. Bhui K. et al. Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England // The British Journal of Psychiatry. 2020. № 4. P. 547–554.
26. Harpviken A.N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1–26.
27. Hassan B., Khattak A.Z., Qureshi M.S., Iqbal N. Development and Validation of Extremism and Violence Risk Identification Scale // Pakistan Journal of Psychological Research. 2021. № 1. P. 51–70.
28. Miconi D., Oulhote Y., Hassan G., Rousseau C. Sympathy for violent radicalization among college students in Quebec (Canada): The protective role of a positive future orientation // Psychology of Violence. V. 10. № 3. P. 344–354.
29. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // Scandinavian Journal of Psychology. 2020. № 10. P. 1–10.
30. Pisou D. et al. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context // International Journal of Conflict and Violence. 2020. № 2. P. 1–12.

PROPENSITY TO EXTREMISM IN THE CONTEXT OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL MALADJUSTMENT²

A. S. Elzesser*, T. V. Kapustina**, R. V. Kadyrov***

*Pacific State Medical University;
690002, Primorsky Territory, Vladivostok, Ostryakov Ave., 2, Russia.*

**Educator.*

E-mail: der_falter@mail.ru

***PhD in Psychology, Docent.*

E-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

****PhD in Psychology, Docent, Head of the Department.*

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Received 20.04.2022

Abstract. The study is devoted to the definition of individual psychological characteristics of propensity to extremism in the context of socio-psychological maladaptation. The attractiveness of the Columbine subculture and extremist movements is associated with the socio-psychological maladaptation of the individual. This actualizes the task of early identification of a risk group for the provision of psychological assistance in order to prevent the radicalization of the individual. Research hypothesis: students with a tendency to extremism have individual psychological characteristics of the personality, indicating the specifics of their socio-psychological maladaptation. We studied 578 students of I–VI courses of study at universities in Primorsky Krai, Khabarovsk Krai, the Republic of Dagestan and Moscow. The following methods were used: Propensity of extremism detection screening method; R. Cattell's The Sixteen Personality Factor Questionnaire (16 PF), form A; Temperament Feature Accentuation Test (TFAT); The Cook-Medley Hostility Scale (CMHS); A. Ellis' technique for diagnosing irrational attitudes and projective technique “12 archetypes plus” (12A+) by R.V. Kadyrov, T.V. Kapustina. It was found that the specificity of the socio-psychological maladjustment of students prone to extremism is determined by the following individual psychological characteristics: underestimation of one's own capabilities, painful sensitivity to criticism, isolation, alienation, a tendency to subject

²The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-32151.

others to strict evaluation, denying them trust, a low threshold of emotional stability, emotional lability, suspicion and irritability, the desire to act in their own interests, neglecting social norms, rules and standards, as well as a combination of conceit and self-criticism, a combination of low tolerance for frustrating situations with an exaggeration of one's stress resistance. These students show signs of depression: depression, anxiety, a tendency to self-flagellation, immersion in gloomy experiences.

Keywords: extremism, propensity to extremism, socio-psychological maladjustment, extremism detection, students.

REFERENCES

1. *Adler A.* Praktika i teorija individual'noj psihologii. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. (In Russian)
2. *Belicheva S.A., Belinskaja A.B.* Social'no-pedagogicheskaja diagnostika i soprovozhdenie socializacii nesovershennoletnih: Uchebnoe posobie dlja vuzov. Moscow: Jurajt, 2023. (In Russian)
3. *Gannushkin P.B.* Izbrannye trudy po psihiatrii. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
4. *Grzhibovskij A.M., Ivanov S.V., Gorbatova M.A.* Sravnenie kolichestvennyh dannyh treh i bolee nezavisimyh vyborok s ispol'zovaniem programmnogo obespechenija STATISTICA i SPSS: parametricheskie i neparametricheskie kriterii. Nauka i Zdravoohranenie. 2016. № 4. P. 5–37. (In Russian)
5. *Davydov D.G., Hlomov K.D.* Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: mehanizmy, prichiny, profilaktika. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2018. № 4 (32). P. 62–76. (In Russian)
6. *Dvojnjkova E. Ju.* Psihologicheskie osobennosti adaptacii studentov s raznoj strategiej reshenija uchebno-professional'nyh zadach: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Rostov-on-Don, 2016.
7. *Druzhinin V.N.* Jeksperimental'naja psihologija: Undergraduate textbook. 2-e izd., dop. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
8. *Kadyrov R.V., Jel'zesser A.S., Kapustina T.V.* Kratkosrochnaja programma psihologicheskoy korrekcii studentov, imejushih sklonnost' k jekstremizmu. Ul'janovsk: Zebra, 2022. (In Russian)
9. *Kamenjukin A.G., Kovpak D.V.* Stress-menedzhment. 3-e izd. St. Petersburg: Piter, 2012. (In Russian)
10. *Kapustina T.V.* Razrabotka i aprobacija skringing-metoda dlja diagnostiki sklonnosti k jekstremizmu. Psiholog. 2022. № 1. P. 29–52. (In Russian)
11. *Kapustina T.V.* Jekspress-diagnostika tipov lichnosti: proektivnyj metod: Dis. ... kand. psihol. nauk. Habarovsk, 2019. (In Russian)
12. *Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P.* Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp. Moscow, 2018. P. 477–480.
13. *Meshherjakova Je.I., Larionova A.V.* Determinacija molo-dezhnogo jekstremizma kak destruktivnogo sposoba samorealizacii. Molodezhnyj jekstremizm: integrirovannyj podhod s pozicii gumanitarnyh nauk. Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 2019. (In Russian)
14. *Mihajlova E.V.* Kriminologicheskaja harakteristika vooru-zhennyh napadenij v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah Rossijskoj Federacii (schoolshooting). Nauchnyj vestnik Omskoj Akademii MVD Rossii, 2021. № 1. P. 20–25. (In Russian)
15. *Molodcova T.D., Kobysheva L.I., Shalova S.Ju.* Podgotovka studentov vuza k rabote s dezadaptirovannymi det'mi i podrostkami: monografija. Moscow: Direkt-media, 2017. (In Russian)
16. *Nikishin V.D.* Kolumbajn (skulshuting): sushhnost', pravovaja kvalifikacija, kriminalisticheskaja diagnostika. Lex russica. 2021. № 11. P. 62–76. (In Russian)
17. Pis'mo Minobrnauki Rossii «Ocenka priemlemosti dlja ispol'zovaniya v Rossijskoj Federacii "Metodicheskogo posobija po predotvrashheniju nasil'stvennogo jekstremizma" (UNESKO, 2016)» April 27, 2017. № 09-921. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-09-921-185o940> (date of access: 12.04.2022) (In Russian)
18. *Plotnikov V.V., Samojlov S.F.* Problema skulshutinga (kolumbajna) v rossijskoj nauke. Obshhestvo i pravo. 2021. № 2 (76). P. 163–168. (In Russian)
19. *Rukavishnikov A.A., Sokolova M.V.* Faktornyj lichnostnyj oprosnik Kettella: metodicheskoe rukovodstvo. St. Petersburg: IMATON, 2020. (In Russian)
20. *Rjaguzova E.V.* Razryv svyazej v reprezentacijah vzaimodejstvija "Ja – Drugoj": determinanty i predposylki (na primere jekstremistskih grupp). Izvestija Saratovskogo universiteta. 2021. № 3. P. 220–228. (In Russian)
21. Test akcentuacij svojstv temperamenta (TAST): Metodicheskoe rukovodstvo. Eds. V.V. Plotnikov, L.A. Sever'janova, D.V. Plotnikov, D.V. Berdnikov. 3-e izd. St. Petersburg: IMATON, 2016. (In Russian)
22. Federal'nyj zakon "O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti" ot July 25, 2002. № 114-FZ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (In Russian)
23. *Jel'zesser A.S., Kapustina T.V.* Aprobacija skringing-metoda dlja diagnostiki sklonnosti k jekstremizmu u nesovershennoletnih pravonarushitelej. Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti. Sbornik nauchnyh statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 8–10 July 2022. Ul'janovsk, 2022. P. 74–79. (In Russian)

24. *Aldahadha B.* Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2018. № 36. P. 404–417.
25. *Bhui K. et al.* Extremism and common mental illness: cross-sectional community survey of White British and Pakistani men and women living in England. *The British Journal of Psychiatry*. 2020. № 4. P. 547–554.
26. *Harpviken A.N.* Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review. *Adolescent Research Review*. 2020. № 5. P. 1–26.
27. *Hassan B., Khattak A.Z., Qureshi M.S., Iqbal N.* Development and Validation of Extremism and Violence Risk Identification Scale. *Pakistan Journal of Psychological Research*. 2021. № 1. P. 51–70.
28. *Miconi D., Oulhote Y., Hassan G., Rousseau C.* Sympathy for violent radicalization among college students in Quebec (Canada): The protective role of a positive future orientation. *Psychology of Violence*. Vol. 10. № 3. P. 344–354.
29. *Ozer S., Bertelsen P.* The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. № 10. P. 1–10.
30. *Pisou D. et al.* Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. № 2. P. 1–12.

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И ПЛАНИРУЕМОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН. ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ¹

© 2023 г. Н. В. Муращенкова^{1,*}, В. В. Гриценко^{2,**}, М. Н. Ефременкова^{2,***}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований.
E-mail: ncel@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования.
E-mail: mnetema@yandex.ru

Поступила 02.12.2022

Аннотация. Выявление психологических механизмов формирования эмиграционных намерений молодежи — важное условие прогнозирования и профилактики ее оттока за рубеж. Цель исследования — сравнительный анализ связи компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных контекстах. В исследовании приняли участие 658 студентов вузов в возрасте от 18 до 25 лет. Это были граждане Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19.8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20.5), России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20.0). Планируемое эмиграционное поведение оценивалось с помощью одноименного авторского опросника, разработанного на основе теории А. Айзена. Для диагностики индивидуальных ценностей использовалась сокращенная версия «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца («PVQ-21 — ESS»). Использовались статистический пакет IBM SPSS 23 и программа IBM SPSS Amos 23, проводились анализ различий (ANOVA), мультигрупповой конфирматорный факторный анализ и мультигрупповой путевой анализ. Выявлены различия в выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения, а также общие и культурно-специфические связи этих компонентов с ценностями у студентов трех стран. В первой части статьи представлены результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение» и кросскультурного анализа выраженности ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран. Подтверждена конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантность мультигрупповой модели опросника. Выявлено, что у студентов из России менее выражено (чем у белорусов и казахстанцев) поведение по реализации эмиграционного намерения и представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других. Данные о связи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран будут представлены во второй части статьи и опубликованы в следующем номере журнала.

Ключевые слова: теория планируемого поведения, модель планируемого эмиграционного поведения, эмиграционное намерение, индивидуальные ценности, студенческая молодежь, мультигрупповой анализ.

DOI: 10.31857/S020595920026156-7

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросскультурный анализ».

За последние полгода проблема эмиграции молодежи из России обострилась в связи с объявлением о начале специальной военной операции России в Украине 24.02.2022. Согласно данным Росстата, число выбывших из России за период

с января по май 2022 г. (419 085 человек) в два раза превышает аналогичный показатель за этот период, зафиксированный в 2021 г. (202 562 человека) [13]. По данным ведомства, “с начала года продолжает наблюдаться миграционный отток населения России” [13, с. 234]. При этом есть основания полагать, что данная тенденция может сохраниться и во втором полугодии 2022 г., что может быть связано с ростом числа желающих уехать из России после объявления частичной мобилизации в стране 21.09.2022. Так, по данным российских и зарубежных СМИ, ссылающихся на официальные источники информации, власти Казахстана и Грузии в первую неделю после объявления в России частичной мобилизации зафиксировали значительное увеличение числа россиян, въезжающих в эти страны (более чем на 30% в сравнении с предшествующим периодом)².

Стоит отметить при этом, что тенденция роста числа уезжающих из России фиксируется на фоне общего снижения эмиграционных настроений россиян [21], в том числе и российской молодежи [20]³: если в феврале 2022 г. о своих эмиграционных желаниях сообщали 43% опрошенных в возрасте 18–24 лет, то в марте — 25% респондентов в данной возрастной группе. При этом нельзя исключать и то, что многие из желающих уехать из страны на момент данного опроса (24.03.2022 — 30.03.2022) могли уже осуществить этот переезд.

Научный анализ работ в области психологии эмиграции дает основания предполагать, что переезд за границу в текущих условиях выбирают те, кто не только материально, но и психологически к нему готов/предрасположен. Психологические факторы играют не менее значимую роль в формировании эмиграционного поведения, чем какие-либо другие [7]. В связи с этим ретроспективный анализ психологических предикторов планируемого эмиграционного поведения российской молодежи особенно важен как для понимания психологических движущих сил/ресурсов эмиграционного поведения в современной России, так и для анализа его последствий. Эти последствия связаны с прогнозированием характера изменений профиля российской молодежи в будущем: понимание психологических характеристик потен-

циальных/реальных эмигрантов дает возможность моделировать вероятные изменения в стране исхода при потере определенной категории граждан в результате их переезда [24]. И наиболее продуктивным в данном случае является социокультурный подход, позволяющий провести сравнительный анализ изучаемых феноменов и взаимосвязей у представителей разных культурных групп.

В данной статье мы представляем результаты исследования, проведенного в 2021 г. Целью исследования стал сравнительный анализ связи компонентов планируемого эмиграционного поведения с индивидуальными ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных контекстах (Беларусь, Казахстан и Россия). Проблема утраты молодого образованного человеческого капитала является особенно актуальной для этих стран и требует решения. За период с 2010 по 2021 г. доля молодежи в общей численности населения данных стран значительно снизилась [4], что обусловлено в том числе и международной мобильностью. В 2019 г., по данным Статкомитета СНГ, из России эмигрировали 401 тыс. человек, из которых 138 тыс. (34.4%) пришлось на молодежь в возрасте от 15 до 29 лет; из Беларуси уехали соответственно 26 тыс. человек (9.4 тыс. (36.2%) из которых — молодежь от 15 до 29 лет), из Казахстана — 39.8 тыс. человек (9.4 тыс. молодых людей от 15 до 29 лет (24.0%)) [4].

Несмотря на тесные экономические и культурные связи Беларуси, Казахстана и России, молодежь данных стран характеризуется своеобразием ценностно-мотивационных приоритетов [2–4; 12; 16]. Кросскультурный анализ психологических драйверов эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России может способствовать как лучшему пониманию причин и механизмов формирования эмиграционного поведения у образованных молодых граждан этих государств, так и выявлению социокультурной специфики планируемого эмиграционного поведения и опосредующих его факторов у молодых россиян.

Эмиграционный дискурс в последние годы был довольно актуален для российской молодежной среды как в офлайн- [5; 14; 18; 19], так и в онлайн-контекстах [1], даже в условиях пандемии COVID-19 [5; 18]. Однако желающих эмигрировать всегда больше, чем тех, кто не просто хочет переехать, но и что-то делает для осуществления своего желания [6; 38]. Желание выступает лишь отправной точкой, эмоциональным генератором запуска эмиграционной активности [26]. Наиболее значимым предиктором соответствующего поведения

² МВД Грузии сообщило число граждан РФ, въехавших в страну за последние 10 дней. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/mvd-gruzii-soobshhilo-chislo-grazhdan-rf-vehavshih-v-stranu-zapоследnie-10-dnej/>; В Казахстан с 21 сентября въехали более 200 тысяч россиян. Депортировали семерых. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/10/04/15571807.shtml>

³ С 05.09.2016 “Левада-Центр” включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

выступает эмиграционное намерение [27; 31]. В рамках теории планируемого поведения А. Айзена [23; 28] намерение рассматривается как фактор готовности человека к поведению. Эмиграционное намерение — это фактор готовности к эмиграции, рубеж перехода на стадию осуществления переезда [8]. Намерение, в свою очередь, способствует реализации соответствующего поведения [28]. Согласно данным зарубежных исследований, теория планируемого поведения обладает немалыми прогностическими возможностями применительно к эмиграционному поведению: в среднем оно объясняется эмиграционными намерениями в 30–34% случаев [41]. Согласно модели А. Айзена, на намерение оказывают влияние три группы факторов [23; 28]: аттитюды в отношении эмиграции (позитивная или негативная оценка планируемого поведения человеком), воспринимаемые нормы в отношении эмиграции (мнение индивида по поводу ожиданий значимых других относительно планируемого поведения и готовность им соответствовать), а также воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным кажется субъекту процесс реализации запланированного поведения).

Формирование соответствующих факторов, влияющих на эмиграционное намерение, во многом обусловлено возможностями и ресурсами, которыми обладает человек (как материальными, так и психологическими). При этом значимую роль в субъективной оценке собственных возможностей для осуществления эмиграции [5] и в формировании эмиграционного поведения в целом [5; 6; 10; 11; 33; 39] играют индивидуальные ценности. Согласно теории Ш. Шварца, ценности — это мотивационные, надситуативные цели, которые выступают руководящими принципами в жизни людей и оказывают влияние на их представления и поведение [35]. В рамках данной теории было описано 10 базовых ценностей, составляющих мотивационную основу субъекта (традиция, конформность, безопасность, самостоятельность, гедонизм, стимуляция, универсализм, благожелательность, достижения, власть). Позднее с опорой на данную модель была разработана более детальная система ценностей, состоящая из 19 элементов [17]. При анализе связи эмиграционных намерений и индивидуальных ценностей исследователи чаще обращаются к ценностно-мотивационным оппозициям (ценностям высшего порядка): Сохранения — Открытости изменениям; Самоутверждения — Самопреодоления [6; 10; 11; 39].

Наиболее полное представление о роли индивидуальных ценностей в процессе формирования

планируемого эмиграционного поведения российской молодежи может быть получено в результате *кросскультурного анализа* не только *связи ценностей с эмиграционными намерениями*, но и *связи ценностей с аттитюдами, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем* как факторами, влияющими на формирование эмиграционных намерений молодежи России и других стран. Согласно теории мотивации эмиграции, предложенной Е. Тартаковским и Ш. Шварцем [39], люди переезжают за границу, *чтобы достичь своих значимых мотивационных целей*, выраженных в индивидуальных ценностных предпочтениях. То есть сильная связь определенных ценностей и эмиграционных намерений может свидетельствовать о желании и невозможности реализовать данные мотивационные цели в стране исхода [6; 10; 11]. Однако ценности как фундаментальные психологические конструкты могут также выступать основой, *психологической ресурсной базой для реализации эмиграционного поведения* [6]. То есть важен анализ не только *мотивационного*, но и *ресурсного эмиграционного потенциала* индивидуальных ценностей, что связано еще и с тем, что эмиграционное поведение может быть многоаспектным и полимотивированным [25] и являться как *средством* достижения значимых целей, так и *самоцелью*, движимой стремлением к переменам, впечатлениям и т.д. В свою очередь, раскрытие *эмиграционного ресурсного потенциала ценностей* предполагает анализ их связи с теми факторами, которые оказывают наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений. В рамках теории планируемого поведения такими факторами являются установки в отношении эмиграции, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль. Таким образом, кросскультурный анализ связи данных факторов с индивидуальными ценностями молодежи из Беларуси, Казахстана и России будет способствовать более глубокому пониманию процесса формирования эмиграционной активности молодых граждан этих государств, а также позволит определить, какие из факторов эмиграционного намерения в большей степени подвержены влиянию индивидуальных ценностей у молодых россиян в сравнении с белорусами и казахстанцами.

Существует немало исследований, демонстрирующих значимость связей между индивидуальными ценностями и факторами планируемого поведения в различных сферах: благотворительность [15], предпринимательство [30], употребление психоактивных веществ [34] и др. Однако нам не удалось обнаружить опубликованных научных психологических работ, отражающих характер связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) и факторов эмиграционных намерений

(рассматриваемых с позиции теории планируемого поведения А. Айзена). Но мы проанализировали исследования, демонстрирующие связь индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций у представителей различных культурных, этнических и возрастных групп [6; 10; 11; 40]. Различия в связях между ценностями и *эмиграционными интенциями*, зафиксированные учеными в разных социокультурных контекстах, позволяют выдвинуть предположение о существовании культурно обусловленных различий в связях между ценностями и *факторами* эмиграционных намерений.

Итак, с одной стороны, опираясь на базовые положения теории планируемого поведения А. Айзена, мы предполагаем, что аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции будут иметь положительные значимые связи с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, будет положительно связано с поведением по его реализации у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России (1). С другой стороны, опираясь на основные положения теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца и доказанную значимую роль ценностей в формировании различных видов поведения, мы предполагаем, что метаценности (Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи будут иметь значимые связи с такими факторами планируемого эмиграционного поведения, как аттитюды, воспринимаемый контроль и воспринимаемые нормы (2). Принимая во внимание описанные в научных работах различия в связях индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций, обнаруженные у разных культурных групп, мы предполагаем, что в различных социокультурных контекстах (у молодежи из Беларуси, Казахстана и России) связи между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения будут иметь особенности (3).

В связи с отсутствием предваряющих научных исследований по соответствующей проблематике мы не формулируем частные гипотезы относительно *особенностей* связей между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения у разных культурных групп. Тем не менее, опираясь на концептуальное содержание базовых конструкций теорий Ш. Шварца и А. Айзена, а также исходя из специфики самого эмиграционного поведения, мы предполагаем, что позитивные установки (аттитюды) в отношении эмиграции будут положительно связаны с ценностями Открытости изменениям и отрицательно — с ценностями

Сохранения. Наряду с этим уверенность в возможности реализации эмиграционного поведения у молодежи (воспринимаемый контроль), вероятнее всего, будет иметь положительные связи с ценностями Самоутверждения и Открытости изменениям. А представление о позитивном отношении значимых других к собственному эмиграционному поведению, возможно, будет связано с ценностями Сохранения (отрицательно), Открытости изменениям (положительно) и Самоутверждения (положительно). Однако предположить, какие именно сочетания связей проявятся в различных социокультурных контекстах, довольно сложно. Поэтому выводы об особенностях и детерминантах данных связей будут сделаны на основе эмпирических данных.

Проверка выдвинутых гипотез связана с решением ряда эмпирических задач, предполагающих:

1) тестирование мультигрупповой модели структуры авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение”;

2) кросскультурный анализ выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения и индивидуальных ценностей у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России;

3) тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи;

4) анализ общих и культурно-специфических особенностей связей индивидуальных ценностей и факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России.

В данной статье мы представляем результаты решения первых двух эмпирических задач. Результаты исследования, связанные с решением третьей и четвертой задач, будут отражены во второй части статьи в следующем номере журнала.

МЕТОДИКА

Участниками исследования стали 658 русскоговорящих студентов университетов — граждан Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19.8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20.5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20.0) от 18 до 25 лет. Среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы (по национальности), среди казахстанских 54% отнесли себя к казахам, среди российских — 87% отнесли себя к русским. В онлайн-опросе

приняли участие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из белорусских университетов Витебска, Гродно и Минска, из казахстанских университетов Нурсултана, Павлодара, Усть-Каменогорска и из российских университетов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска.

Процедура сбора данных. Анонимный онлайн-опрос был организован на платформе anketolog.ru с января по апрель 2021 г. Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди потенциальных респондентов преподавателями, сотрудниками и студентами университетов трех стран. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории А. Айзена [22; 23; 28; 29], был разработан авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение”. Текст опросника представлен в приложении. Опросник содержит 14 утверждений: по три утверждения содержат шкалы “Эмиграционное намерение” (α Кронбаха: 0.90/0.91/0.88 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), “Аттитюды в отношении эмиграции” (α Кронбаха: 0.86/0.83/0.80), “Воспринимаемые нормы” (α Кронбаха: 0.90/0.89/0.87) и “Поведение по реализации эмиграционного намерения” (α Кронбаха: 0.86/0.89/0.87). Шкала “Воспринимаемый контроль” включает два утверждения (α Кронбаха: 0.80/0.71/0.77). Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по каждой из пяти шкал, ключ представлен в приложении.

Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVQ-21 — ESS”), разработанного для Европейского социального исследования [36]. Опросник включает 21 утверждение и измеряет 10 базовых ценностей и 4 ценности высшего порядка (ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления). Каждое утверждение опросника определенным образом описывает человека (например, “Для него важно придумывать новое, подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом”). Респондентам предлагается ответить на вопрос о том, насколько этот человек похож на них, используя шестибалльную шкалу (от 1 — “совсем не похож на меня” до 6 — “очень похож на меня”). Обработка результатов осуществляется

путем подсчета средних значений по утверждениям, связанным с конкретными базовыми ценностями (1), а также с ценностями высшего порядка (2). В соответствии с целями исследования и инструкцией автора по обработке результатов опросника [37] мы проводили подсчет средних значений по утверждениям, соответствующим ценностям высшего порядка: ценности Сохранения (α Кронбаха: 0.63/0.58/0.68 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), Открытости изменениям (α Кронбаха: 0.67/0.68/0.69), Самоутверждения (α Кронбаха: 0.71/0.67/0.74) и Самопреодоления (α Кронбаха: 0.66/0.58/0.70).

Осуществлялось также *измерение семи контрольных переменных*. Респонденты указывали свой пол, возраст, количество иностранных языков, которыми они владеют, частоту выездов за границу, количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью, материальное положение, объективную дистанцию с COVID-19.

Методы обработки данных. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялись методы описательной статистики, анализ надежности шкал (коэффициент альфа Кронбаха), анализ различий (однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием апостериорных критериев парных сравнений (Post Hoc)), множественный регрессионный анализ, мультигрупповой конформаторный факторный анализ, мультигрупповой путевой анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим результаты тестирования мультигрупповой модели структуры авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение”. Модель включает 14 утверждений, объединенных в пять латентных факторов (рис. 1).

Мультигрупповая модель имеет хорошие показатели согласия [32], конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантности присутствуют (табл. 1), все переменные входят в латентные конструкты со статистически значимыми нагрузками ($p < 0.001$) (см. рис. 1).

Анализ различий показывает, что у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана в меньшей степени выражено поведение по реализации эмиграционного намерения, а также представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других (воспринимаемые нормы) (табл. 2). У белорусских

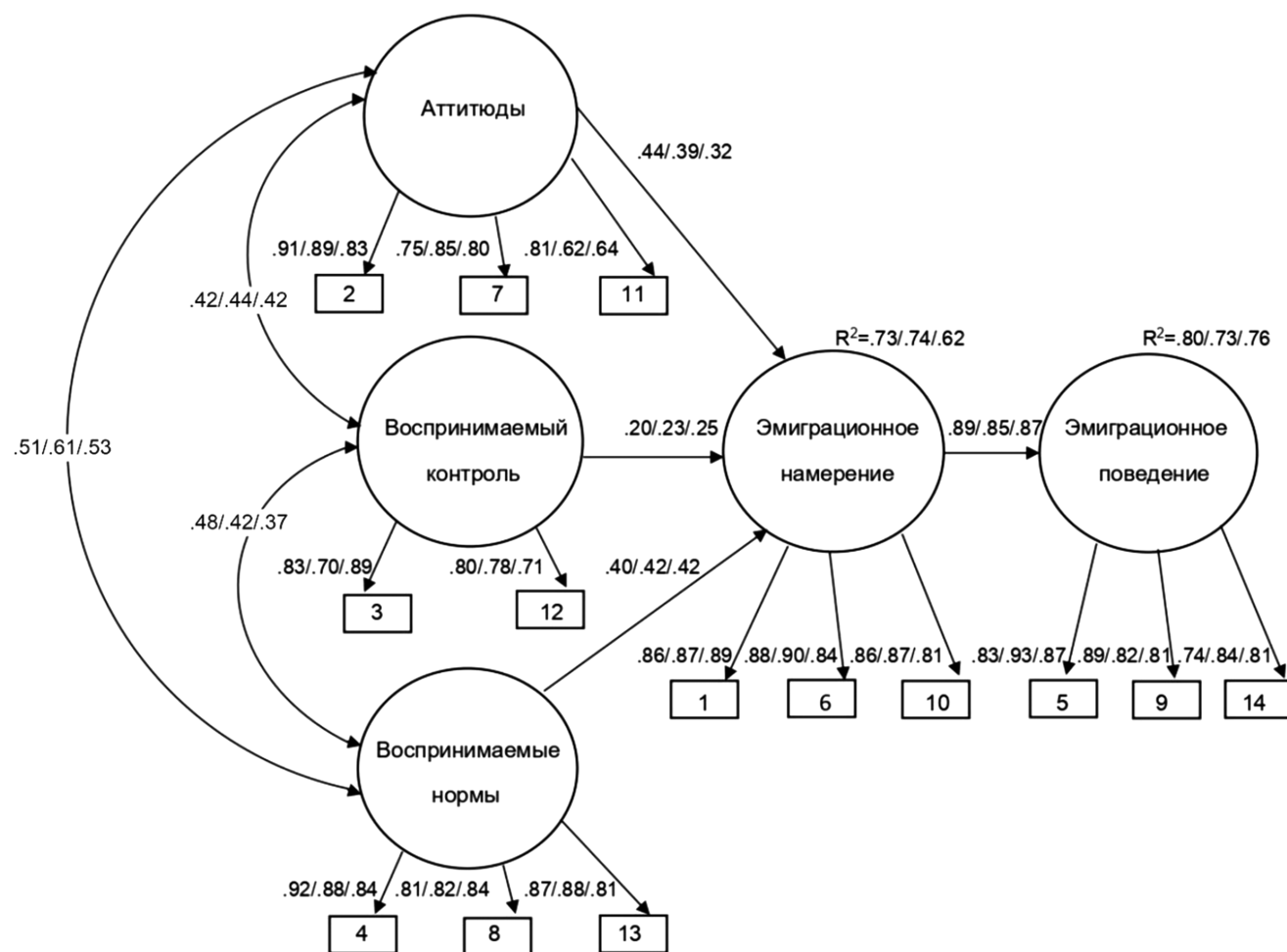

Рис. 1. Графическое представление результатов мультигруппового конфирматорного факторного анализа опросника “Планируемое эмиграционное поведение”, проведенного на белорусской/казахстанской/российской выборках (для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением остатков и ошибок; все представленные коэффициенты статистически значимы на уровне $p < 0.001$; номера измеренных переменных в модели соответствуют номерам утверждений опросника “Планируемое эмиграционное поведение”, представленным в приложении)

Таблица 1. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная	0.953		0.046	791.586	0.911	497.586	210	0.000
Метрическая	0.952	0.001*	0.045	781.778	0.964	523.778	228	0.000
Скалярная	0.944	0.009*	0.045	804.983	0.942	602.983	256	0.000

Примечание. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; p — уровень значимости; * — $\Delta CFI < 0.01$.

и казахстанских студентов по данным параметрам статистически значимых различий не обнаружено.

Согласно средним значениям, во всех трех выборках наиболее выражены такие факторы формирования эмиграционного намерения, как позитивное отношение к эмиграции (аттитюды) и уверенность в способности ее осуществить (воспринимаемый контроль) (значения выше 3.8), нежели представления о позитивном отношении к переезду

за границу со стороны близких людей (воспринимаемые нормы) (значения ниже 3.0). Эмиграционные намерения, в свою очередь, выражены в большей степени, нежели поведение по их реализации, во всех трех выборках соответственно. Наряду с этим для белорусских, казахстанских и российских студентов (согласно средним значениям) характерна идентичная иерархическая структура ценностей высшего порядка: более значимы для студенческой молодежи ценности Самопреодоления

Таблица 2. Средние значения, стандартные отклонения и различия в показателях планируемого эмиграционного поведения и ценностях у студентов Беларуси, Казахстана и России

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	<i>M (SD)</i>		
Аттитюды в отношении эмиграции	4.36(1.25)	4.28(1.31)	4.46(1.10)
Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции	3.85(1.38)	4.09(1.39)	3.85(1.33)
Эмиграционное намерение	3.26(1.50)	3.26(1.61)	2.97(1.38)
Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции	2.93(1.52) <i>p</i> ***	2.87(1.52) <i>p</i> **	2.40(1.27) <i>б</i> ***, <i>к</i> **
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2.56(1.35) <i>p</i> **	2.53(1.45) <i>p</i> *	2.20(1.21) <i>б</i> **, <i>к</i> *
Ценности Самопреодоления	4.55(0.77) <i>к</i> *	4.74(0.69) <i>б</i> *	4.62(0.78)
Ценности Открытости изменениям	4.44(0.72)	4.54(0.74)	4.50(0.73)
Ценности Самоутверждения	4.22(0.87)	4.17(0.92)	4.29(0.94)
Ценности Сохранения	3.84(0.78)	3.96(0.79)	3.80(0.81)

Примечание. *p* — статистически значимые различия с россиянами; *б* — статистически значимые различия с белорусами; *к* — статистически значимые различия с казахстанцами; * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$; компоненты планируемого эмиграционного поведения и ценности упорядочены в таблице по убыванию согласно средним значениям.

и Открытости изменениям, нежели ценности Самоутверждения и Сохранения (см. табл. 2). В то же время, согласно результатам анализа различий, для казахстанских респондентов ценности Самопреодоления имеют большее значение, чем для белорусских студентов.

и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран будет представлен во второй части статьи в следующем номере журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Мультигрупповой конфирматорный факторный анализ модели опросника продемонстрировал приемлемые показатели согласия [9] и наличие конфигурационной, метрической и скалярной инвариантности, что позволило сравнивать средние значения показателей и связи между компонентами планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран. В результате проведенного исследования обнаружены кросскультурные различия в выраженности двух компонентов планируемого эмиграционного поведения: воспринимаемые нормы в отношении эмиграции и поведение по реализации эмиграционного намерения. Студенты-россияне продемонстрировали меньшие показатели по данным параметрам, чем белорусские и казахстанские студенты. Межстрановые различия в выраженности индивидуальных ценностей у студенческой молодежи оказались незначительны, напротив, студенты трех стран продемонстрировали идентичную иерархическую структуру базовых ценностей.

Таким образом, в данной части статьи проанализированы сходства и различия в выраженности индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России. Кросскультурный анализ связей индивидуальных ценностей

1. Гриценко В.В. и др. Тематические онлайн-форумы как пространство для принятия решения об эмиграции и преодоления пре-аккультурационного стресса // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 69–79.
2. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 469–481.
3. Ильинский И.М., Луков В.А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 50–63.
4. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2021. 166 с.
5. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. “Хочу” и “могу” в эмиграционном дискурсе российской студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19: роль индивидуальных ценностей // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2022. С. 151–159.
6. Муращенкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 77–93.
7. Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41.
8. *Муращенко Н.В.* Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 57–67.
 9. *Наследов А.* IBM SPSS Statistics 20 AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
 10. *Ромашева Ж.Ж., Калинин О.В., Малышев И.В.* Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 4 (40). С. 323–333.
 11. *Ромашева Ж.Ж.* Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 703–730.
 12. *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В.* Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109.
 13. Социально-экономическое положение России (январь–июнь 2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 28.11.2022).
 14. *Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Аношкин И.В.* Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 52–63.
 15. *Титов А.С., Лепишкова З.Х.* Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 140–163.
 16. *Шарипова Д., Бейменбетов С.* Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. Алматы, 2021. 98 с.
 17. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
 18. Эмиграционные настроения — 2020: где родился, там и пригодился. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (дата обращения: 29.11.2022).
 19. Эмиграционные настроения россиян. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroeniya-rossiyan-2018> (дата обращения: 29.11.2022).
 20. Эмиграционные настроения. 06.04.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/> (дата обращения: 29.11.2022).
 21. Эмиграционные настроения: мониторинг. 4 апреля 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 22.11.2022).
 22. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
 23. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
 24. *Berlinschi R., Harutyunyan A.* Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States // International Migration Review. 2019. V. 53. № 3. P. 831–868.
 25. *Carling J., Collins F.* Aspiration, desire and drivers of migration // Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 909–926.
 26. *Collins F.L.* Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants // Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 964–980.
 27. *Dommermuth L., Klüsener S.* Formation and realisation of moving intentions across the adult life course // Population Place and Space. 2018. V. 25. № 5. P. 1–24.
 28. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
 29. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
 30. *Gorgievski M.J., Stephan U., Laguna M., Moriano J.A.* Predicting Entrepreneurial Career Intentions: Values and the Theory of Planned Behavior // Journ. of Career Assessment. 2018. V. 26. № 3. P. 457–475.
 31. *Hooijen I., Meng C., Reinold J.* Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates // Population, Space and Place. 2020. V. 26. № 5. P. 1–21.
 32. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011. 432 p.
 33. *Leong C.-H.* The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore. // Immigration: Policies, challenges, and impact / Ed. E. Tarkovsky. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2013. P. 29–49.

34. *Morell-Gomis R. et al.* Predicting cannabis use among adolescents in four European Countries: combining personal values and the theory of planned behavior // *The Journal of Genetic Psychology*. 2020. № 181. P. 413–426.
35. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* / Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
36. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journ. of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.
37. *Schwartz S.H.* Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. In Documentation for ESS-1. 2003. URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf/ (accessed: 30.11.2022).
38. *Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C.* The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions // *New Zealand Journal of Psychology*. 2015. V. 44. № 2. P. 89–95.
39. *Tartakovsky E., Schwartz S.H.* Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // *International Journal of Psychology*. 2001. V. 36. № 2. P. 88–99.
40. *Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M.* Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia // *International Journal of Psychology*. 2017. № 52. P. 78–86.
41. *Van Dalen H., Henkens K.* Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10 // *Population Studies*. 2013. V. 67. № 2. P. 225–241.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение”

Инструкция:

Отметьте, пожалуйста, степень своего согласия со следующими утверждениями, используя шкалу:

1 — абсолютно не согласен(на),	4 — скорее согласен(на),
2 — не согласен(на),	5 — согласен(на),
3 — скорее не согласен(на),	6 — абсолютно согласен(на).

№	Утверждения	1	2	3	4	5	6
1	Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну						
2	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет умное						
3	Переехать жить за границу в моих силах						
4	Большинство значимых для меня людей считают, что мне следует переехать жить за границу						
5	Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу						
6	Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну						
7	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет приятное						
8	Члены моей семьи хотят, чтобы я переехал(а) жить за границу						
9	В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда						
10	Я готов в ближайшие 5 лет переехать за границу						
11	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет полезное						
12	Если я захочу, я смогу переехать жить в другую страну						
13	Большинство моих друзей считают, что мне следует переехать жить за границу						
14	Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу						

Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по шкалам.

Ключ опросника:

Шкала “Эмиграционное намерение” — 1, 6, 10.

Шкала “Поведение по реализации эмиграционного намерения” — 5, 9, 14.

Шкала “Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции” — 4, 8, 13.

Шкала “Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции” — 3, 12.

Шкала “Аттитюды в отношении эмиграции” — 2, 7, 11.

VALUES AND PLANNED EMIGRATION BEHAVIOR AMONG STUDENTS FROM THREE COUNTRIES. PART I. INTRODUCTION TO STUDY⁴

N. V. Murashchenkova^{1,*}, V. V. Gritsenko^{2,**}, M. N. Efremenkova^{2,***}

¹HSE University;

101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Moscow State University of Psychology & Education;

127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.

*PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre for Sociocultural Research.

E-mail: ncel@yandex.ru

**ScD in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Graduate Student of the Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Received 02.12.2022

Abstract. An important condition for forecasting and preventing the outflow of young people abroad is the study of psychological mechanisms of forming the emigration intentions of youth. The aim of this study is a comparative analysis of the relationship between the components of planned emigration behavior and the values of student youth in various sociocultural contexts. The participants of the study were university students aged 18–25 from Belarus ($n = 208$, 25% men, mean age = 19.8), Kazakhstan ($n = 200$, 26% men, mean age = 20.5) and Russia ($n = 250$, 26% men, mean age = 20.0). We used the questionnaire “Planned emigration behavior” which we developed as well as the shortened version of the “Survey of Portrait Values” by Sh. Schwartz (“PVQ-21 — ESS”). For statistical analysis we used SPSS Statistics version 23 and AMOS version 23. We did an ANOVA, a multi-group confirmatory factor analysis, and a multigroup path analysis. In this part of the article we showed the results of testing of the multi-group model of the author’s questionnaire “Planned emigration behavior” and cross-cultural analysis of the manifestation of values and components of planned emigration behavior among students of three countries. The configural, metric and scalar invariance of the multigroup model of the questionnaire is confirmed. According to the results, Belarusian and Kazakhstani students are more likely to implement emigration intentions in behavior than Russian students are. They are also more likely than Russian students to think that people who matter to them would approve of them moving abroad. We will present the relationships of values and components of planned emigration behavior among students of the three countries in the second part of the article in the next issue of the journal.

Keywords: theory of planned behavior, model of planned emigration behavior, emigration intention, individual values, student youth, multigroup analysis.

REFERENCES

1. Gritsenko V.V. et al. Tematicheskie onlain-forumy kak prostranstvo dlya prinyatiya resheniya ob emigratsii i preodoleniya pre-akkul'turatsionnogo stressa. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 5. P. 69–79. (In Russian)
2. Danilov A.N., Rotman D.G. Molodezh' sovremennoi Belarusi: bazovye tsennosti, zhiznennye plany i povedencheskie strategii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2021. V. 21. № 3. P. 469–481. (In Russian)
3. Il'inskii I.M., Lukov V.A. Moskovskie studenty: transformatsii tsennostnykh orientatsii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2020. V. 20. № 1. P. 50–63. (In Russian)
4. Molodezh' v Sodruzhestve Nezavisimyykh Gosudarstv: statisticheskii portret. Moscow: Statkomitet SNG, YuNFPA, 2021. 166 p. (In Russian)
5. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. “Khochu” i “mogu” v emigratsionnom diskurse rossiiskoi studencheskoi molodezhi v usloviyakh pandemii COVID-19: rol' individual'nykh tsennostei. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Izdatel'stvo “Pero”, 2022. P. 151–159. (In Russian)
6. Murashchenkova N.V. Vzaimosvyaz' tsennostei i emigratsionnykh namerenii studencheskoi molodezhi

⁴ The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 “Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis”.

- g. Smolenska. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2021. V. 12. № 1. P. 77–93. (In Russian)
7. *Murashchenkova N.V.* Psikhologicheskie faktory emigratsionnykh namerenii molodezhi: obzor zarubezhnykh issledovaniy. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2021. V. 18. № 1. P. 25–41. (In Russian)
 8. *Murashchenkova N.V.* Emigratsionnye intentsii molodezhi: teoreticheskie osnovy izucheniya i kategorial'noe raznoobrazie (obzor zarubezhnykh issledovaniy). Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. V. 10. № 3. P. 57–67. (In Russian)
 9. *Nasledov A.* IBM SPSS Statistics 20 AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh. St. Petersburg: Piter, 2013. 416 p. (In Russian)
 10. *Romasheva Zh.Zh., Kalinichenko O.V., Malyshev I.V.* Svyaz' bazovykh tsennostei s emigratsionnymi ustanovkami rossiiskoi molodezhi. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. V. 10. № 4 (40). P. 323–333. (In Russian)
 11. *Romasheva Zh.Zh.* Emigratsionnye ustanovki molodezhi severnykh i yuzhnykh regionov Kazakhstana v zavisimosti ot individual'nykh tsennostei. Minbar. Islamic Studies. 2021. V. 14. № 3. P. 703–730. (In Russian)
 12. *Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V.* Universalizm tsennostei studencheskoi molodezhi i razvitie rossiiskogo obshchestva. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2021. V. 21. № 1. P. 97–109. (In Russian)
 13. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii (yanvar'–iyun' 2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07–2022.pdf> (data obrashcheniya 28.11.2022). (In Russian)
 14. *Sychev O.A., Belousov K.I., Zelyanskaya N.L., Anoshkin I.V.* Migratsionnye namereniya rossiyan: svyaz' s identichnost'yu i moral'nymi osnovaniyami. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 52–63. (In Russian)
 15. *Titov A.S., Lepshokova Z.Kh.* Individual'nye tsennosti predprinimatelei kak prediktory ikh planiruемого blagotvoritel'nogo povedeniya [Elektronnyi resurs]. Organizatsionnaya psikhologiya, 2020. V. 10. № 3. P. 140–163. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (data obrashcheniya 28.11.2022). (In Russian)
 16. *Sharipova D., Beimenbetov S.* Molodezh' v Kazakhstane: otsenka tsennostei, ozhidaniy i stremlenii. Almaty, 2021. 98 p. (In Russian)
 17. *Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S.* Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. V. 9. № 1. P. 43–70. (In Russian)
 18. Emigratsionnye nastroyeniya — 2020: gde rodilsya, tam i prigodilsya. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroyeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
 19. Emigratsionnye nastroyeniya rossiyan — 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroyeniya-rossiyan-2018> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
 20. Emigratsionnye nastroyeniya. 06.04.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroyeniya-5/> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
 21. Emigratsionnye nastroyeniya: monitoring. 4 aprelya 2022 g. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigratsionnye-nastroyeniya-monitoring> (data obrashcheniya: 22.11.2022). (In Russian)
 22. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/aizen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
 23. *Ajzen I.* The theory of planned behavior. Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
 24. *Berlinski R., Harutyunyan A.* Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States. International Migration Review. 2019. V. 53. № 3. P. 831–868.
 25. *Carling J., Collins F.* Aspiration, desire and drivers of migration. Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 909–926.
 26. *Collins F.L.* Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants. Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 964–980.
 27. *Dommermuth L., Klüsener S.* Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. Population Place and Space. 2018. V. 25. № 5. P. 1–24.
 28. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
 29. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
 30. *Gorgievski M.J., Stephan U., Laguna M., Moriano J.A.* Predicting Entrepreneurial Career Intentions: Values and the Theory of Planned Behavior. Journ. of Career Assessment. 2018. V. 26. № 3. P. 457–475.
 31. *Hooijen I., Meng C., Reinold J.* Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates. Population, Space and Place. 2020. V. 26. № 5. P. 1–21.
 32. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011. 432 p.

33. *Leong C.-H.* The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore. Ed. E. Tartakovsky. Immigration: Policies, challenges, and impact. Hauppauge, N.Y., Nova Science Publishers, 2013. P. 29–49.
34. *Morell-Gomis R. et al.* Predicting cannabis use among adolescents in four European Countries: combining personal values and the theory of planned behavior. *The Journ. of Genetic Psychology*. 2020. V. 181. P. 413–426.
35. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences. Eds. D. Sander, T. Brosch. *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology*. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
36. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journ. of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32 (5). P. 519–542.
37. *Schwartz S.H.* Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. In Documentation for ESS-1. 2003. URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf/ (accessed: 30.11.2022).
38. *Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C.* The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions. *New Zealand Journ. of Psychology*. 2015. V. 44. № 2. P. 89–95.
39. *Tartakovsky E., Schwartz S.H.* Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journ. of Psychology*. 2001. V. 36. № 2. P. 88–99.
40. *Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M.* Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia. *International Journ. of Psychology*. 2017. V. 52. P. 78–86.
41. *Van Dalen H., Henkens K.* Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10. *Population Studies*. 2013. V. 67. № 2. P. 225–241.

УДК 316.6

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ИП РАН: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Посвящается

*50-летию лаборатории социальной и экономической психологии
Института психологии РАН и 75-летию академика А.Л. Журавлева*

© 2023 г. Т. В. Дробышева

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории
социальной и экономической психологии.*

E-mail: DrobyshevaTV@ipran.ru

Поступила 01.03.2023

Аннотация. Статья посвящена истории формирования и развития научной проблематики в деятельности лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Динамика социально-психологических проблем анализируется во взаимосвязи с социально-историческими, социально-экономическими условиями жизнедеятельности российского общества. Выделено пять основных этапов в развитии научной проблематики в лаборатории. В качестве критериев их дифференциации принимаются изменения в общественной жизни страны, порождающие социально-психологические и экономико-психологические эффекты в психике и поведении личности и группы. Показано, что характерной чертой научной деятельности лаборатории является широкий спектр и фундаментальность разрабатываемых социально-психологических проблем. Оценивается вклад деятельности научного подразделения ИП РАН в развитие отечественной науки и ее прикладных отраслей. Подчеркивается интегративный подход в изучении социально-психологических проблем, объединяющий работы сотрудников, выполненные в гуманитарной и естественнонаучной парадигмах. Намечены новые актуальные направления исследований в деятельности научного подразделения ИП РАН.

Ключевые слова: история психологии, социальная психология, экономическая психология, Институт психологии РАН, лаборатория социальной и экономической психологии, социально-психологические проблемы личности и группы, методология социальной психологии.

DOI: 10.31857/S020595920026157-8

Возросший в последние годы интерес исследователей к анализу исторической детерминации развития отечественной социальной психологии объясняется потребностью научного сообщества в осмыслении ранее накопленного знания с точки зрения современного состояния психологической науки в целом. Опубликованные в разных научных изданиях историко-психологические исследования насчитывают не один десяток работ, ориентированных на историческую реконструкцию разных периодов в развитии отечественной социальной психологии. Данная задача решается посредством

психологического анализа вклада деятельности ученых, научных подразделений и организаций в теорию и методологию российской науки, ее методическое оснащение, а также в прикладные отрасли социальной психологии [1; 28].

Проблема организации и выполнения такого рода работ определяется не столько поиском ракурса анализа, выявлением предмета исследования, выбором соответствующего материала и методического инструментария для его изучения, сколько включением уже полученных фактологических данных в общую канву истории развития науки, пониманием аутентичности, национального характера отечественной социальной психологии.

¹ Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010.

Важным аспектом историко-психологических исследований науки является изучение закономерностей и факторов развития ее проблемного поля. В истории отечественной науки выделяется несколько этапов, каждый из которых объясняется детерминацией условиями жизнедеятельности общества в конкретный исторический период [1; 20]. Зависимость социально-психологической проблематики от состояния макросоциальной среды в целом, характера протекания общественных процессов — от политических событий и идеологических установок, экономической модели развития общества, а также от нужд общественной практики в тот или иной исторический отрезок времени является одной из характерных черт отечественной социальной психологии. Другая ее особенность объясняется открытостью, тождественностью изучаемой феноменологии аналогичным социально-психологическим явлениям, разрабатываемым в американской и европейской социальной психологии. Третья — приверженностью своим научным школам, четвертая — способностью к интеграции разных парадигмальных подходов.

Выявленные особенности можно проследить на примере анализа динамики социально-психологических проблем в научной деятельности конкретного научного подразделения — лаборатории социальной и экономической психологии РАН. *Целью* настоящего исследования стало проведение анализа социально-психологических проблем в деятельности конкретного научного подразделения на разных этапах его развития. *Объект исследования* — научная деятельность лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, *предмет исследования* — проблемы социальной психологии, разрабатываемые сотрудниками научного подразделения в течение 50 лет. В качестве *метода* применялся качественный анализ текста исследовательского интервью, выполненного с целью выявления этапов развития данного подразделения Института.

Фактологический материал включал: воспоминания и представления о научной деятельности одного из основателей лаборатории — академика А.Л. Журавлева, руководившего научным подразделением более 30 лет [33, с. 11–44]; научные публикации сотрудников лаборатории, в разные годы принимавших участие в ее работе; отдельные издания — сборники научных трудов лаборатории — результаты ее междисциплинарных и межнациональных проектов; публикации других исследователей — специалистов в области социальной психологии.

СТАНОВЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ИП РАН (1970-е годы)

История становления и развития социально-психологических исследований в ИП РАН восходит к периоду реорганизации сектора философских проблем психологии Института психологии Академии наук СССР (ИП АН СССР), из которой выделился сектор социальной психологии (декабрь 1973 г.), позже переименованный в лабораторию социальной психологии ИП АН СССР. На этом этапе развития деятельности научного подразделения руководство Института поставило перед его сотрудниками спектр задач, соответствующих актуальному состоянию социальной психологии в стране. Речь шла, с одной стороны, о теоретическом оформлении социальной психологии как научной дисциплины, с другой — об эмпирическом изучении ее предметного поля и практической востребованности результатов исследований. В рамках специального научного семинара, действующего в Институте, обсуждались фундаментальные проблемы социальной психологии — вопросы о системообразующих понятиях социальной психологии, принципе опосредованности, деятельности, общения и социальных нормах как объектах социально-психологического исследования; был описан социально-психологический подход к изучению личности; изложена концепция диспозиционной регуляции социального поведения, а также представления о ценностном механизме регуляции этого поведения; затрагивались методологические проблемы изучения больших социальных групп, развития социально-психологических исследований за рубежом и т.п. [17]. Таким образом, было положено начало формированию социально-психологической проблематики, характерной для деятельности Института психологии Академии наук и релевантной общему состоянию социальной психологии в стране и мире.

В этот период деятельности сначала сектора социальной психологии, а затем и лаборатории социальной психологии на разных уровнях анализа (теоретическом, эмпирическом и практическом) решались и более конкретные задачи. Так, под руководством К.К. Платонова продолжались исследования проблемы коллектива, его взаимодействия с личностью, проблемы межличностных отношений [13]. Данная тематика работ доминировала в деятельности научного подразделения до конца 70-х годов XX в. В это же время по инициативе Е.В. Шороховой начинается активно

разрабатываться проблематика социальной психологии личности и межличностных отношений [17, с. 63–88; 36]. В рамках этого направления поднимаются вопросы теоретических и методологических оснований социальной психологии личности, определяются специфика социально-психологического подхода в ее изучении и прикладные направления исследований, формулируется предметное поле, предлагаются социально-психологические методы исследования.

Наряду с этим в лаборатории выделяется самостоятельное направление исследований социально-психологических механизмов регуляции социального поведения, прежде всего механизмов нормативной регуляции [25, с. 3–19, 44–76], которое впоследствии получит развитие в исследованиях экономического поведения личности, ее духовно-нравственных основ.

В эти же годы перед коллективом лаборатории была поставлена задача научно-практического характера, связанная с развитием психологии трудовых и производственных коллективов. Сотрудниками научного подразделения изучались актуальные проблемы адаптации личности работника в трудовом коллективе и руководства им [13, с. 28–42; 18, с. 96–108, 173–188], социально-психологического климата [38].

Еще одна задача в деятельности лаборатории предполагала проведение анализа состояния и динамики развития зарубежных исследований, прежде всего в американской и западноевропейской социальной психологии. Это дало возможность сотрудникам лаборатории ориентироваться на мировые тенденции в науке в плане сопоставления результатов, разработки новых феноменов, методов и приемов исследования, поиска альтернативной методологии и т.п. [25, с. 305–320; 27; 47].

Подводя итоги этого периода, отметим, что в деятельности научного подразделения сформировались такие направления исследований, как психология коллектива, социальная психология личности, история социальной психологии труда. В работах сотрудников затрагивались социально-психологические проблемы психологии общения, политической и экономической психологии, организационной психологии и психологии управления. В процессе сравнительного анализа работ в отечественной и зарубежной социальной психологии шел поиск своего места в мировой науке и обретение научной аутентичности.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РАБОТАХ СЕКТОРА (ЛАБОРАТОРИИ) СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ИП РАН (1980-е годы)

В этот период в Институте психологии получили широкое распространение комплексные целевые программы (КЦП), в рамках которых строилась деятельность всех научных подразделений. Программа работы лаборатории социальной психологии была ориентирована на разработку проблемы совместной деятельности как ключевой в жизнедеятельности группы [30]. Часть ее была реализована на примере коллективных форм организации труда, которые в то время активно внедрялись на производстве [39].

В целом прикладные аспекты социально-психологических проблем были определены потребностью общества в решении новых задач по управлению народным хозяйством. В связи с этим в лаборатории продолжились эмпирические исследования в области организационной психологии, социальной психологии управления, промышленной психологии [21, с. 173–202, 281–294]. Сотрудниками научного подразделения активно разрабатывались социально-психологические проблемы психологии труда, в частности поднимались вопросы аттестации руководителей производственных коллективов, механизмов регуляции внутригруппового поведения, отношений в трудовом коллективе, межгрупповых и семейных отношений и др. [21, с. 69–87, 99–116, 173–188, 203–213].

Не меньшую значимость в этот период представляла проблема выявления этнопсихологических признаков этнических общностей. Сотрудниками лаборатории предпринималась попытка описать предметную область этнопсихологических исследований; рассматривались вопросы этнического сознания личности, межэтнических отношений, методов и приемов измерения этнических стереотипов [35, с. 138–152, 225–231]. Вопросы психологии больших социальных групп разрабатывались на примере крестьянства как большой социальной группы [11]. Затрагиваемые исследователями проблемы в рамках вышеперечисленных тем в дальнейшем получили развитие на новом уровне их анализа.

В середине 1980-х годов в условиях “ускорения социально-психологического развития общества” (“перестройки”) актуализировались исследования социально-психологических и нравственных проблем личности. В работах сотрудников лаборатории поднимаются вопросы моральной, нравственной,

личностной детерминации феноменов руководства, социально-психологического климата в организации, деятельности торговых работников, супружеских отношений; затрагиваются проблемы политического и гражданского развития личности [40, с. 6–11, 23–35, 109–158].

В этот период развития научного подразделения методические вопросы социальной психологии не ограничивались проблемой расширения спектра методов и приемов, характерных для данной отрасли психологии. Наряду с приращением методического аппарата, проверкой его валидности, решалась общая проблема использования математических методов в социально-психологических исследованиях [35, с. 199–209]. Спустя десятилетия можно утверждать, что актуальность этого направления научной деятельности стала возрастать год от года.

Итак, к концу 80-х — началу 90-х годов XX в. в деятельности лаборатории сложились два основных направления исследований — в области психологии межгрупповых отношений, психологии малых групп и коллективов. Проблемы социальной психологии личности присутствовали в работах сотрудников лаборатории локально. В то же время продолжилась работа в направлении историко-психологического анализа феноменов [35, с. 5–22].

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (1990-е годы)

Третий этап в развитии социально-психологической проблематики в деятельности лаборатории был связан с разработкой нового научно-прикладного направления работ, возникшего в ответ на происходящие в стране социально-экономические трансформации. Впоследствии это привело к изменению названия научного подразделения на лабораторию социальной и экономической психологии. Стержневое направление исследований определялось проблемой изучения социально-психологической динамики личности и группы в условиях социально-экономических изменений в нашей стране. Среди них — социально-психологические эффекты изменений форм собственности в организациях, на промышленных предприятиях, в том числе в условиях приватизации, проблемы безработицы, деловой активности женщин, супружеских отношений в семьях с разным экономическим положением и т.п. [4; 37].

Проблемы совместной деятельности и руководства также получили новое направление изучения в ракурсе организационно-экономических изменений в стране. В частности, если ранее в большей степени изучалась совместная деятельность первичного трудового коллектива, то в 90-е годы феномен совместности стал изучаться в ракурсе взаимодействия личности с группой, межгруппового взаимодействия малых групп [29].

Не менее важным результатом научной деятельности лаборатории в 1990-е годы стало формирование новых разделов социальной психологии как научной дисциплины, а также ее междисциплинарных отраслей. Так, на новом уровне анализа стали разрабатываться проблемы социальной психологии личности, сформировались направления исследований психологии предпринимательской деятельности, психологии рекламы, психологии отношений к собственности и других направлений экономической психологии [14; 37; 44]. В междисциплинарной области исследований выделились кросс-культурные и гендерные аспекты изучения предпринимательства, руководства, отношения к собственности, экономической политике государства, отношений руководства и исполнителей; продолжилось изучение межэтнических и межнациональных отношений и отношений в семье [37, с. 208–212; 42].

Формирование новых разделов социальной психологии и ее междисциплинарных областей сопровождалось разработкой соответствующего методического инструментария [16]; решалась проблема применения аппаратных и программных средств анализа данных [29, с. 106–114].

Итогом деятельности лаборатории в конце 1990-х годов стало новое научное направление социальной психологии экономического поведения [37]. В работах сотрудников были описаны новые объекты социально-психологических исследований: предприниматели, деловые женщины, безработные, руководители приватизированных предприятий, вьетнамские крестьяне и представители малых народностей, многие из которых впоследствии стали изучаться более глубоко.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В НОВОМ ВЕКЕ

Четвертый этап в развитии научной деятельности лаборатории (примерно с 2000 по 2013² г.) был обусловлен происходящими в стране событиями,

² Окончание периода 2013 г. объясняется тем, что именно к этому году были опубликованы последние монографии

связанными с дефолтом 1998 г., сменой политических лидеров в 2000 г., экономическим кризисом 2008–2009 гг., выборами президента 2012 г. В деятельности лаборатории продолжились ранее сложившиеся тематические направления исследований, ориентированные на анализ социально-психологической динамики в связи с радикальными изменениями в обществе [8; 22; 23].

Уже к концу 2000-х годов экономическая психология в стране стала оформляться как новая междисциплинарная отрасль науки. Этому способствовали в том числе исследования сотрудников лаборатории, разрабатывавших новые феномены. Среди них: нравственная регуляция экономического поведения, экономическое самоопределение [9], динамика ценностного сознания в изменяющихся макро- и микроэкономических условиях [22, с. 412–444], экономическая социализация личности [5]. На новом исследовательском материале продолжились разработки проблем психологии предпринимательской деятельности, психологии рекламы [10; 15; 23, с. 267–343]; возросла актуальность исследований экономического сознания личности и группы [22, с. 167–206; 23, с. 476–512]; сформировалось новое научное направление исследований феноменов экономического самосознания личности — субъективного экономического благополучия, экономической идентичности [23, с. 513–556; 45].

В середине 2000-х годов в научной деятельности лаборатории актуализировалась проблематика макросоциальных исследований социальных проблем общества, которые в отличие от ранее выполнявшихся в русле естественнонаучной парадигмы, разрабатывались в контексте гуманитарного подхода [7]. Данное направление работ явилось предпосылкой к дальнейшему изучению в лаборатории проблем больших социальных групп в рамках интегративного подхода.

Результаты научного труда лаборатории не ограничились проблемами экономической и макросоциальной психологии. Разрабатываемые сотрудниками в первое десятилетие нового века социально-психологические проблемы экологического сознания [46], безопасности жизнедеятельности [32], этнического самосознания и менталитета [26; 43], отношения ко времени в организациях и малых группах [19] и др. продемонстрировали их актуальность и перспективность изучения в будущем.

Накопленный более чем за десять лет нового века эмпирический материал способствовал

сотрудников лаборатории, включающие результаты исследований, выполненных в первую декаду нового века.

окончательному оформлению концепций и подходов, разрабатываемых сотрудниками лаборатории: психологические отношения субъектов экономической деятельности; психология маркетинговых коммуникаций; исследования нравственно-психологических факторов экономического самоопределения; конструирование социальных представлений, их приложение в исследовании природы различных социальных групп; изучение ценностной детерминации ранней экономической социализации личности, роли актуального экологического сознания в жизнедеятельности личности и группы; социально-психологические факторы принятия решения в условиях социального выбора; роль жизненных ценностей в социальном планировании в организации; групповое отношение ко времени; этнофункциональная парадигма в исследовании менталитета; факторы макропсихологических явлений (терроризма, коррупции и др.); ценностно-ориентационные характеристики различных этносов; проблема нравственного самоопределения современной молодежи. Все они были опубликованы в серии монографических изданий, завершающих исследования периода первого десятилетия 2000-х годов.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ИП РАН

Изменение социально-психологической проблематики в научной деятельности лаборатории на современном этапе ее жизнедеятельности связано с разработкой предметного поля прежде всего макросоциальной психологии, которая стала активно развиваться в нашей стране в связи с нарастанием процессов глобализации. Экономическая интеграция европейских стран, мировой экономический кризис 2014–2016 гг., интенсивный обмен технологиями между странами и резкий скачок в развитии цифровых технологий, всемирная пандемия COVID-19 — эти и другие социальные явления актуализировали запрос общества к изучению социально-психологических эффектов их воздействия на личность и группу. В таких условиях ключевой темой работ подразделения стала совместная жизнедеятельность разных социальных групп, в первую очередь больших сообществ, в условиях неопределенности, трудности прогнозирования будущего, в экстремальных условиях жизни общества. Заметим, что проблемы социетального анализа социально-психологических явлений, которые

ранее присутствовали в тематике работ лаборатории локально, на современном этапе ее развития стали изучаться в ракурсе сразу двух парадигмальных подходов — естественнонаучном и гуманитарном. По нашему мнению, такая методологическая интеграция способствует более глубокому всестороннему психологическому анализу социальных явлений, порождаемых быстро изменяющейся средой [6; 33, с. 190–212].

В современных условиях развития российского общества перспективным направлением исследований явилось изучение социально-психологических механизмов формирования отношения россиян к глобальным рискам, вызовам и угрозам в обществе, новым технологиям, а также массового поведения больших социальных групп [3; 24, с. 787–695, 696–705, 711–718, 725–733, 776–782; 31]. Актуальность тематики обусловлена поиском критериев формирования больших социальных групп, выделением глобальных форм больших групп, новых форм проявления массовости. В этом контексте изучение информационного пространства как особой среды жизнедеятельности разных социальных групп, социально-психологических механизмов обмена информацией, психологических особенностей сетевых сообществ и т.п. является перспективным с точки зрения развития научного знания [2, с. 358–378; 24, с. 877–884; 34, с. 321–336, 397–405].

Исследование макросоциальных явлений в лаборатории осуществляется при сохранении интереса к традиционно разрабатываемым проблемам социальной психологии личности и группы в рамках ранее сформированных и новых тематических направлений работ. Так, активно изучаются социально-психологические проблемы досуга, патриотических чувств, субъективного экологического благополучия, социализации личности в семьях с наемным работником и в учебной группе полукрытого типа [12, с. 386–388; 24, с. 907–914; 34, с. 99–115, 454–462].

В последние годы в научной деятельности лаборатории оформилось новое прикладное направление работ, направленное на изучение социально-психологических феноменов, порождаемых взаимодействием горожан и предметно-пространственной, социальной, природной среды мегаполиса — особенностей его восприятия и свободного времяпрепровождения, ресурсов жизнеспособности горожан, их социально-психологической пресыщенности условиями проживания в городе, социально-психологического и субъективного экологического благополучия личности в мегаполисе [12, с. 353–355; 24, с. 907–914; 34, с. 182–197; 41].

Данные исследования на разных уровнях анализа — личностном, групповом, социальном — раскрывают особенности обыденного сознания и поведения горожан в мегаполисе.

Разрабатываемое сотрудниками лаборатории направление исследований негативных социальных явлений — терроризма, коррупции, угрозы распространения и применения ядерного оружия в период активного распространения вируса COVID-19 — получило дополнительный вектор развития, направленный на изучение психологических последствий пандемии и способов совладания с ними [2].

В условиях экономической нестабильности резко возрос интерес к изучению экономико-психологических явлений, порождаемых динамичной средой. Предметное поле отечественной экономической психологии, сформировавшееся во многом благодаря работам сотрудников лаборатории в 90-е годы прошлого века и первое десятилетие века нового, на современном этапе дополнено не только личностными, но и групповыми феноменами [34, с. 84–98, 314–320].

Завершая анализ социально-психологической проблематики в развитии деятельности конкретного научного подразделения, следует заметить, что сложившаяся к настоящему времени геополитическая и экономическая ситуация в развитии российского общества на фоне общей смены вектора глобализации в экономике на вектор локализации, переноса внимания к национальным интересам, по всей видимости, повлияет и на содержание будущих исследований в научном подразделении. Можно лишь предположить, что на новом уровне развития отечественной социальной психологии станут более востребованными проблемы не столько макросоциальной, сколько микросоциальной психологии — взаимодействия личности и социальной среды, становления и развития разных социальных групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование намеренно не было ограничено только историческими периодами и включало современный этап в развитии научного творчества лаборатории. Такое изложение фактологического материала преследовало конкретную цель — сопоставить тематическое и методологическое разнообразие, выявить повторяемость тем в разных условиях развития российского общества, общие перспективные тенденции, реализованные к настоящему времени.

Анализ показал, что характерными чертами научной деятельности лаборатории являются широкий спектр и фундаментальность разрабатываемых социально-психологических проблем, представленных в докторских и кандидатских диссертационных исследованиях, в специальных научно-исследовательских проектах, в монографиях. Вклад лаборатории в развитие отечественной науки связан в том числе со становлением и развитием ее новых прикладных отраслей — психологии управления, промышленной, организационной, экономической, кросс-культурной и этнической психологии; новых междисциплинарных областей исследований — социальной и экономической психологии труда, экономической психологии развития; отдельных разделов науки — социальной психологии личности, психологии малых и больших социальных групп, психологии массовых явлений.

На разных этапах развития социально-психологической проблематики в лаборатории два ее ключевых направления — макро- и микросоциальная психология — никогда не конкурировали между собой. Доминирование того или иного направления в научной деятельности определялось социальным заказом, востребованностью в обществе научного знания о закономерностях и механизмах социального поведения личности и группы, больших общностей, что свидетельствует о социальной релевантности научных разработок лаборатории.

Смена монопарадигмальности в исследовательских подходах на интеграцию гуманитарной и естественнонаучной парадигм отражает общую тенденцию в развитии мировой психологической науки, которая в новом веке успешно реализовалась в исследованиях лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН.

В целом анализ динамики социально-психологических явлений в работах научного подразделения показал, что развитие представлений о них характеризуется тремя взаимосвязанными процессами — прогресса, стагнации и регресса. В первом случае речь идет о планомерном поэтапном приращении знания о социально-психологических явлениях, во втором — о его накоплении для объяснения изучаемых явлений на ином уровне анализа и наконец в третьем — о редукции старого знания с целью поиска нового. Обнаруженная в процессе анализа преемственность в развитии социально-психологической проблематики в научной деятельности лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН позволяет строить предположения о дальнейшем развитии не только исследовательских тем, но и самого подразделения как коллективного субъекта научного труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Первые годы научной деятельности Сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 197–226.
2. Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
3. Грачев А.А. Психологические основания макросоциального проектирования: мотивационные характеристики человека // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 105–114.
4. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
5. Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
6. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
7. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
8. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
9. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
10. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
11. Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства: (прошлое и настоящее). М.: Наука, 1983.
12. История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук: Материалы Межд. юбилейной науч. конф. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022.
13. Коллектив и личность / Под ред. К.К. Платонова и др. М.: Наука, 1975.
14. Лебедев А.Н., Боковиков А.К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: Академия, 1995.
15. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.

16. Методики социально-психологического исследования личности и малых групп: сборник научных трудов. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
17. Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
18. Методология и методы социальной психологии: Сборник статей. М.: Наука, 1977.
19. *Нестик Т.А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
20. *Парыгин Б.Д.* История отечественной социальной психологии // Методология и история психологии. 2006. № 2. С. 5–20.
21. Прикладные проблемы социальной психологии: Сборник научных статей. М.: Наука, 1983.
22. Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
23. Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
24. Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
25. Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979.
26. *Резников Е.Н.* Методические проблемы этнической психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
27. *Роцин С.К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980.
28. *Свенцицкий А.Л., Гуриева С.Д.* Дорога длиною в полвека: первой отечественной кафедре социальной психологии — пятьдесят лет // Психологический журнал, 2019. Т. 40. № 1. С. 84–93.
29. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997.
30. Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Наука, 1988.
31. *Соснин В.А.* Психология массового поведения. М.: ИНФРА-М, 2018.
32. *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
33. Социальная и экономическая психология: Состояние и перспективы исследований: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
34. Социальная и экономическая психология: Состояние и перспективы исследований: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
35. Социальная психология и общественная практика: Сб. науч. статей / Отв. ред. Е.В. Шорохова, В.П. Левкович. М.: Наука, 1985.
36. Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1979.
37. Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
38. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М.: Наука, 1979.
39. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М.: Наука, 1983.
40. Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности: Сб. науч. тр. М.: Институт психологии АН СССР, 1988.
41. Социально-психологические исследования города. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
42. Социально-психологические исследования межнациональных отношений / Под ред. П.Н. Шихирева. М.: Институт психологии РАН, 1993.
43. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
44. *Тугарева Е.В.* Соотношение психологических процессов принятия и отвержения альтернатив в ходе социального выбора: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
45. *Хащенко В.А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2012.
46. *Хащенко Н.Н.* Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях: Чернобыльский след: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
47. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология США. М.: Изд-во “Наука”, 1979.

DEVELOPMENT OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN SCIENTIFIC ACTIVITY OF IP RAS LABORATORY: HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCH³

T. V. Drobysheva

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

DSc (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology.

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

Received 01.03.2023

Abstract. Article is devoted to history of scientific problems formation and development in activity of social and economic psychology laboratory Institute of psychology RAS. Dynamic of social-psychological problems is analyzed in connection with social-historical, social-economic conditions of Russian society living. Five main stages of scientific problematic development in laboratory are highlighted. Changes in social life of the country, that generates social-psychological, economic-psychological effects in psyche and behavior of personality and group are accepted as criteria of these stages' differentiation. It is shown that specific feature of laboratory scientific activity is variety and fundamentality of researching social-psychological problems. Contribution of IP RAS scientific department activity in development of Russian science and its applied branches is estimated. An integrative approach is emphasized in the study of socio-psychological problems, which combines works of employees performed in the humanitarian and natural science paradigms. New promising areas of research in IP RAS department scientific activity are highlighted.

Keywords: history of psychology, social psychology, economic psychology, Institute of psychology RAS, laboratory of social and economical psychology, social-psychological problems of personality and group, methodology of social psychology.

REFERENCES

1. *Belopolskii V.I., Zhuravlev A.L., Kostrigin A.A.* Pervie godi nauchnoi deyatel'nosti Sektora sotsialnoi psikhologii v Institute psikhologii AN SSSR. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2020. V. 5. № 3 (19). P. 197–226. (In Russian)
2. Vliyanie pandemii na lichnost i obshchestvo: psikhologicheskie mekhanizmi i posledstviya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. (In Russian)
3. *Grachev A.A.* Psikhologicheskie osnovaniya makrosotsialnogo proektirovaniya: motivatsionnye kharakteristiki cheloveka. Nauka. Kultura. Obshchestvo. 2015. № 4. P. 105–114. (In Russian)
4. Dinamika sotsialno-psikhologicheskikh yavlenii v izmenyayushchemsya obshchestve. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1996. (In Russian)
5. *Drobysheva T.V.* Ekonomicheskaya sotsializatsiya lichnosti: tsennostnyi podkhod. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2013. (In Russian)
6. *Yemelyanova T.P.* Kollektivnaya pamyat o sobitiyakh otechestvennoi istorii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
7. *Yemelyanova T.P.* Konstruirovaniye sotsialnykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.* Aktualnye problemi sotsialno orientirovannykh otraslei psikhologii. Moscow: Izd-vo Institut psikhologii RAN, 2011. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* Ekonomicheskoe samoopredeleniye: teoriya i empiricheskie issledovaniya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007. (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P.* Sotsialnaya psikhologiya rossiiskogo predprinimatelstva: kontseptsiya psikhologicheskikh otnoshenii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2012. (In Russian)
11. *Zotova O.I., Novikov V.V., Shorokhova Ye.V.* Osobennosti psikhologii krestyanstva: (proshloe i nastoyashchee). Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
12. Istoriya, sovremennost i perspektivi razvitiya psikhologii v sisteme Rossiiskoi Akademii nauk: Materiali Mezhdunarodnoi yubileinoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu sozdaniya Instituta psikhologii RAN. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2022. (In Russian)
13. Kollektiv i lichnost. Eds. K.K. Platonov i dr. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)

³ The research was carried out within the framework of the state assignment № 0138-2023-0010.

14. *Lebedev A.N., Bokovikov A.K.* Eksperimentalnaya psikhologiya v rossiiskoi reklame. Moscow: Akademiya, 1995. (In Russian)
15. *Lebedev-Lyubimov A.N.* Psikhologiya reklami. Saint Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)
16. Metodiki sotsialno-psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti i malikh grupp: sbornik nauchnikh trudov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1996. (In Russian)
17. Metodologicheskie problemi sotsialnoi psikhologii. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)
18. Metodologiya i metodi sotsialnoi psikhologii: Sbornik statei. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
19. *Nestik T.A.* Otnoshenie k vremeni v malikh gruppakh i organizatsiyakh. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. (In Russian)
20. *Parigin B.D.* Istoriya otechestvennoi sotsialnoi psikhologii. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2006. № 2. P. 5–20. (In Russian)
21. Prikladnie problemi sotsialnoi psikhologii: Sbornik nauchnikh statei. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
22. Problemi ekonomicheskoi psikhologii. Ch. 1. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2004. (In Russian)
23. Problemi ekonomicheskoi psikhologii. Ch. 2. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. (In Russian)
24. Psikhologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti. Eds. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
25. Psikhologicheskie mekhanizmi regul'yatsii sotsialnogo povedeniya". Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)
26. *Reznikov Ye.N.* Metodicheskie problemi etnicheskoi psikhologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. (In Russian)
27. *Roshchin S.K.* Zapadnaya psikhologiya kak instrument ideologii i politiki. Moscow: Nauka, 1980. (In Russian)
28. *Sventsitskii A.L., Gurieva S.D.* Doroga dlinoyu v polveka: pervoi otechestvennoi kafedre sotsialnoi psikhologii — pyatdesyat let. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 1. P. 84–93. (In Russian)
29. Sovmestnaya deyatel'nost v usloviyakh organizatsionno-ekonomicheskikh izmenenii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1997. (In Russian)
30. Sovmestnaya deyatel'nost: metodologiya, teoriya, praktika. Eds. A.L. Zhuravlev i dr. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)
31. *Sosnin V.A.* Psikhologiya massovogo povedeniya. Moscow: INFRA-M, 2018. 160 p. (In Russian)
32. *Sosnin V.A., Nestik T.A.* Sovremennii terrorizm: sotsialno-psikhologicheskii analiz. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. (In Russian)
33. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya: Sostoyanie i perspektivi issledovaniy. Ch. 1. Eds. Yu.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
34. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya: Sostoyanie i perspektivi issledovaniy. Ch. 2. Eds. Yu.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
35. Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvennaya praktika: Sb. nauch. statei. Eds. E.V. Shorohova, V.P. Levkovich. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)
36. Sotsialnaya psikhologiya lichnosti. Eds. M.I. Bobneva, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)
37. Sotsialnaya psikhologiya ekonomicheskogo povedeniya. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. Moscow: Nauka, 1999. (In Russian)
38. Sotsialno-psikhologicheskii klimat kollektiva: teoriya i metodi izucheniya. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)
39. Sotsialno-psikhologicheskie problemi proizvodstvennogo kollektiva. Moscow, 1983. (In Russian)
40. Sotsialno-psikhologicheskie i нравstvennie aspekti izucheniya lichnosti. Sb. nauch. tr. Moscow: Institut psikhologii AN SSSR, 1988. (In Russian)
41. Sotsialno-psikhologicheskie issledovaniya goroda. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. (In Russian)
42. Sotsialno-psikhologicheskie issledovaniya mezhnatsionalnikh otnoshenii. Ed. P.N. Shikhirev. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1993. (In Russian)
43. *Sukharev A.V.* Etnofunktsionalnaya paradigma v psikhologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. (In Russian)
44. *Tugareva Ye.V.* Sootnoshenie psikhologicheskikh protsessov prinyatiya i otverzheniya alternativ v khode sotsialnogo vibora. Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. Moscow, 1995. (In Russian)
45. *Khashchenko V.A.* Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 2012. (In Russian)
46. *Khashchenko N.N.* Sotsialno-psikhologicheskie faktori zhiznedeyatel'nosti lichnosti na ekologicheskii neblagopriyatnikh territoriyakh: Chernobil'skii sled: Dis. ... kand. psikh. nauk. Moscow, 2002. (In Russian)
47. *Shikhirev P.N.* Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya SShA. Moscow: Izd-vo "Nauka", 1979. (In Russian)

УДК 159.9.019

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН ПО НАУЧНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ ПСИХОЛОГИИ НРАВСТВЕННОСТИ В 2002–2021 гг. ЧАСТЬ I. БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

© 2023 г. А. Л. Журавлев*, А. А. Костригин**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории
истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 17.04.2023

Аннотация. Авторы обращаются к изучению развития научного направления психологии нравственности в Институте психологии РАН в 2002–2021 гг. Исследовательским материалом выступили издания Института психологии по психологии нравственности (монографии, сборники научных трудов; всего 20 книг). Описываются корпус анализируемых изданий, библиометрические показатели, которые определяют характеристики формирования научного направления в научно-исследовательском центре. В первой части статьи рассматриваются показатели динамики количества и объема изданий, частоты авторов, частоты словосочетаний, ключевые термины. Определено, что научное направление психологии нравственности активно разрабатывалось в Институте психологии РАН (особенно в 2007–2016 гг.); возникшее на его основе научно-исследовательское сообщество было узким и в основном состояло из сотрудников Института. Содержательными характеристиками нравственно-психологических исследований являлось обращение к нравственным аспектам экономической активности, нравственным проблемам и состоянию современного российского общества, духовно-нравственному воспитанию и развитию личности. Делается вывод об основной траектории развития направления психологии нравственности в Институте психологии РАН.

Ключевые слова: история психологии, психология нравственности, психология духовности, Институт психологии РАН, научное направление, научно-исследовательский центр, библиометрический анализ.

DOI: 10.31857/S020595920026158-9

Многообразие направлений историко-психологических исследований последних лет — от традиционных (изучение биографии и творчества выдающихся ученых, выявление этапов становления определенной психологической проблемы/феномена/понятия, описание деятельности психологических центров в различные исторические периоды и др.) до новых (библиометрический и наукометрический анализ, объединение методологических подходов и проблематики истории психологии и исторической психологии) — ставит актуальные вопросы об объектном и предметном поле исследований по истории психологии [8; 10]. В частности,

в настоящее время особое внимание получает такой подход в историко-психологических исследованиях, как изучение истоков, становления и развития различных научных направлений [5; 13; 15; 17].

Под научным направлением понимается “наука, комплекс наук или научных проблем, в области которых ведутся исследования, характеризующиеся принципиальной общностью исследуемой научной/научно-технической проблематики на протяжении определенного времени” [14, с. 203]. Специфика научного направления как объекта исследования заключается, с одной стороны, в сужении изучаемого поля научных вопросов (меньше всей науки и отдельных отраслей), с другой — в его расширении за счет объединения нескольких научных

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2023-0001.

проблем в пространство определенного направления исследований. Последнее свидетельствует о связи отдельных проблем с общим строем науки и различными крупными отраслями, а также об их вхождении в более широкий контекст решения значимых для конкретного исторического периода фундаментальных и прикладных вопросов.

Одним из актуальных научных направлений в современной психологии является *психология нравственности*. К истокам и этапам развития этого направления обращалось множество авторов [2; 3; 6; 11; 16], в частности, обосновывалась связь нравственной проблематики с разработкой вопросов психологии духовности [4; 12]. В данной работе ставится цель изучения становления направления психологии нравственности на современном этапе развития психологической науки в определенном научно-исследовательском центре — Институте психологии РАН. Дискуссионность признания последних лет и десятилетий историческими периодами и обращения к ним в рамках историко-психологического исследования, по нашему мнению, решается современными количественными методами, которые прочно входят в ее методологический и методический аппарат, — библиометрическим и наукометрическим видами анализа: если выводы качественного характера могут быть подвержены влиянию принадлежности авторов к текущему историческому периоду, то выводы количественного характера представляют более объективную картину состояния исследований в рамках определенной науки, отрасли, направления, проблемы и др. [1; 5; 7; 13].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование развивает такой подход к количественному анализу публикационной активности научной организации, как изучение публикаций по определенному научному направлению [5; 9]. Исследовательским материалом выступают научные издания (монографии и сборники научных трудов) сотрудников научно-исследовательского центра, посвященные совокупности научных проблем, объединенных в научное направление и исследовавшихся на протяжении конкретного периода. Предметом исследования является структура и динамика психологического знания в рамках конкретного научного направления, отраженного в публикациях сотрудников научной организации.

Способами предлагаемого количественного анализа являются библиометрический и наукометрический

методы (подробнее см. [9]). В первой части статьи будут определены библиометрические показатели корпуса изданий, во второй — наукометрические. К библиометрии относится рассмотрение различных количественных показателей текстового документа: распределение количества и объема публикаций по периодам; количество новых и повторяющихся авторов; частоты авторов и редакторов; частоты словосочетаний; ключевые словосочетания. Частоты словосочетаний и ключевые словосочетания рассчитываются с помощью сервиса Sketch Engine (<https://www.sketchengine.eu>). Эти показатели будут определены по отношению к корпусу научных изданий сотрудников Института психологии РАН по направлению психологии нравственности, состоящему из названий, заголовков глав и аннотаций монографий, названий и аннотаций сборников научных трудов, заголовков авторских статей в сборниках. Опишем содержание данного корпуса.

Монографии и сборники научных трудов являются наиболее фундаментальными изданиями для развития определенного научного направления. По критерию фундаментальности не рассматривались сборники тезисов научных конференций (это раздел второго тома материалов конференции “Человек, субъект, личность в современной психологии” (2013), посвященный психологическому здоровью и духовно-нравственным детерминантам личности). Другим критерием отбора изданий являлась принадлежность авторов и редакторов изданий к Институту психологии, а также выход изданий в издательстве Института. В частности, поэтому в корпус не была включена книга В.Д. Шадрикова “Духовные способности” (2020). Большинство монографий и сборников статей были включены полностью, за исключением тех изданий, в которых были специальные разделы, посвященные проблемам психологии нравственности (по одному разделу было использовано из следующих книг: А.Л. Журавлев “Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии” (2011); “Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества” (2014); “Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления” (2020); отметим также, что из этих книг в корпус не были включены аннотации, так как по содержанию они шире, чем рассматриваемый раздел). Если же в книге была только одна глава или несколько статей, не объединенных соответствующим разделом, то данное издание не включалось в перечень анализируемых изданий (это книга А.А. Гостева “Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-

нравственные аспекты” (2017), коллективные труды “Макропсихология современного российского общества” (2009) и “Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна” (2011)). Кроме того, не анализировались те издания, которые содержали главы и статьи по психологии нравственности, но сами монографии или сборники статей относились к другому научному направлению (В.В. Знаков “Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии” (2007), В.А. Кольцова и Е.Н. Холондович “Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского” (2013), “Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен” (2020)). Наконец не рассматривались те работы, в которых авторы обобщали предыдущие свои публикации, т.е. проблематика их исследований относилась к прошлому периоду или была ими раскрыта в других изданиях (А.В. Юревич “Психология социальных явлений” (2014)).

Таким образом, анализируемыми изданиями выступили следующие публикации (всего 20 книг): А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко “Нравственно-психологическая регуляция экономической активности” (2003); М.И. Воловикова “Представления русских о нравственном идеале” (2005); “Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.)” (2009); “Психология нравственности” (2010); А.Л. Журавлев “Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии” (2011); “Проблемы нравственной и этической психологии в современной России” (2011), “Психологические исследования духовно-нравственных проблем” (2011); А.А. Гостев, Н.В. Борисова “Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия” (2012); “Нравственность современного российского общества: психологический анализ” (2012); А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьева “Нравственное самоопределение молодежи” (2013); “Психологические исследования нравственности” (2013); “Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире” (2013); А.Б. Купрейченко “Нравственная детерминация экономического самоопределения” (2013); “Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества” (2014); М.И. Воловикова, Л.Ш. Мустафина “Представления о совести в российском

менталитете” (2016); Г.В. Ожиганова “Духовные способности как ресурс жизнедеятельности” (2016); “Духовно-нравственные проблемы современной личности” (2018); К.Р. Арутюнова, Ю.И. Александров “Мораль и субъективный опыт” (2019); “Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления” (2020); Г.В. Ожиганова “Духовная личность” (2020).

Корпус изданий был разделен на подкорпусы по хронологическому критерию согласно пятилетиям — 2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021 гг. В отношении этих подкорпусов были определены библиометрические показатели, перечисленные выше и подробно описанные (с процедурой расчета) в нашей прошлой статье, посвященной количественному анализу научного направления методологии психологии [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Формализованный библиометрический анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности за 2002–2021 гг. Был проведен библиометрический анализ общего корпуса названий и содержаний (аннотации в данном случае не использовались; при анализе же показателей, связанных с содержательными характеристиками корпусов, аннотации будут добавлены) книг Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности за 2002–2021 гг. Определены количество публикаций по пятилетним периодам, количество новых и повторяющихся авторов, наиболее часто публикующиеся авторы и редакторы (табл. 1–3).

Первый исследуемый период (2002–2006 гг.) характеризовался небольшим количеством и малым объемом публикаций по проблематике психологии нравственности. Кроме того, отличием данного периода является отсутствие разнообразия в типах публикаций — были опубликованы только две монографии. Это объясняется происходившими

Таблица 1. Распределение количества и объема изданий Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг.

Период	Количество публикаций	Объем (в печатных листах)
2002–2006	2	44
2007–2011	5	107.7
2012–2016	9	161.9
2017–2021	4	66.7
Всего	20	380.3

Таблица 2. Количество новых и повторяющихся авторов изданий Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг.

Период	Новые авторы	Сотрудники ИП РАН от общего числа новых авторов (в скобках — процент от общего количества авторов)	Повторявшиеся авторы (от двух раз и больше; в скобках — процент от общего количества авторов)	Сотрудники ИП РАН от общего числа повторяющихся авторов (в скобках — процент от общего количества авторов)
2002–2006	3	3 (100)	0 (0)	0 (0)
2007–2011	100	23 (23)	27 (27)	11 (40.7)
2012–2016	70	20 (28.6)	19 (27.1)	13 (68.4)
2017–2021	37	20 (54.1)	9 (24.3)	6 (66.7)
За весь период (2002–2021)	167	35 (20.9)	43 (25.7)	20 (46.5)

Таблица 3. Частоты авторов, публиковавшихся в изданиях Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг.

№ п/п	Авторы	Форма авторского участия	2002–2006	2007–2011	2012–2016	2017–2021	Всего по отдельной форме участия	Итого
1	Большунова	Автор статьи	0	2	1	2	5	5
2	Борисова	Автор монографии	0	0	1	0	1	6
		Автор статьи	0	1	1	2	4	
		Редактор сборника	0	0	0	1	1	
3	Воловикова	Автор монографии	1	0	1	0	2	16
		Автор статьи	0	5	2	2	9	
		Редактор сборника	0	2	1	2	5	
4	Воробьева	Автор монографии	0	0	1	0	1	5
		Автор статьи	0	3	1	0	4	
5	Гостев	Автор монографии	0	0	1	0	1	8
		Автор статьи	0	3	2	2	7	
6	Журавлев	Автор монографии	1	1	0	0	2	15
		Автор статьи	0	2	2	1	5	
		Редактор сборника	0	3	3	2	8	
7	Знаков	Автор статьи	0	3	2	0	5	5
8	Купрейченко	Автор монографии	1	0	2	0	3	13
		Автор статьи	0	9	1	0	10	
9	Соснин	Автор статьи	0	2	2	1	5	5
10	Стрижов	Автор статьи	0	3	2	0	5	5
11	Юревич	Автор статьи	0	3	5	2	10	15
		Редактор сборника	0	2	2	1	5	

Примечание. В таблицу включены только те авторы, кто опубликовал не менее пяти работ.

в рассматриваемые годы научно-организационными (сменой руководства) и научно-издательскими (реорганизацией издательства и стандартов подготовки и выпуска изданий) изменениями в деятельности Института психологии РАН. К содержательным причинам может быть отнесено собственно зарождение и постановка задачи целенаправленной разработки нравственно-психологической проблематики, решение же вновь сформулированных психологических проблем реализовывалось в смежных отраслях — социальной (монография М.И. Воловиковой о представлениях о нравственном идеале) и экономической (монография

А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко о нравственно-психологической регуляции экономической активности) психологии.

В 2007–2011 гг. начался рост количества и объема изданий по психологии нравственности в Институте психологии РАН. Были выпущены четыре сборника научных трудов по собственно нравственно-психологическим вопросам, обсуждались социально-психологические аспекты нравственной элиты, нравственного самоопределения личности и нравственно-психологических компонентов экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров в монографии А.Л. Журавлева

о социально ориентированных отраслях психологии. Важной характеристикой этого периода являлось преобладание изданий коллективного характера (сборников статей), что способствовало расширению как проблематики исследований, так и научно-исследовательского сообщества за счет привлечения других сотрудников Института и авторов из внешних организаций.

Наибольшее количество и объем книг по нравственно-психологическим вопросам относилось к 2012–2016 гг. В данный период проблематика исследований была значительно расширена за счет, во-первых, продолжения издания специальных работ по данному направлению и развития проблем нравственности в экономической психологии и психологии менталитета, а во-вторых, появления оригинальных разработок, относившихся к изучению нравственно-психологического наследия ученых прошлого (на примере И.А. Ильина), анализу духовно-нравственных проблем в области психологического здоровья и семейной психологии и обоснованию новых феноменов — духовных способностей.

Два этих пятилетних периода (2007–2011 и 2012–2016 гг.) отражали интенсивное развитие научного направления психологии нравственности, которое осуществлялось в достаточно стабильных социально-экономических и научно-организационных условиях и отвечало вызовам современности, согласно поставленным в разных изданиях научно-исследовательским задачам (собственно нравственно-психологическим, социально-психологическим, экономико-психологическим, историко-психологическим, семейным и др.).

Последний анализируемый период (2017–2021 гг.) характеризовался спадом количества и объема изданий, что, вероятно, было связано с переходным периодом — организационными изменениями в Институте (сменой руководства в 2018 г., коррекцией научно-исследовательских ориентиров и принципов издательской деятельности). Хотя выпуск книг по тематике собственно психологии нравственности сохранился, но сократился до одного сборника статей; продолжилась дальнейшая разработка нового вектора исследований — *психологии духовности*. Вероятно, в этот период произошло изменение статуса и структуры данного научного направления: если в предыдущие периоды широта проблематики и научно-исследовательского сообщества достигалась их объединением в изданиях общего характера (все вопросы психологии нравственности, этичности, духовности обсуждались в одних и тех же изданиях), то в последний период начала происходить

дифференциация, поэтому в эти годы стали выходить работы монографического характера по конкретным вопросам. Это выражалось, в частности, в появлении системно-эволюционных психологических идей в области психологии морали и нравственности в монографии К.Р. Арутюновой и Ю.И. Александрова.

Учитывая низкие значения количества новых и повторявшихся авторов в 2002–2006 гг., анализ этих показателей данного периода не является целесообразным. Можно лишь отметить, что проблематика психологии нравственности в изданиях Института психологии РАН только начала формироваться, вышли всего две авторские монографии, которые стали отправной точкой для дальнейших исследований. При этом авторами этих книг являлись авторитетные исследователи (М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко) и тех лет, и в целом за весь 20-летний анализируемый период, что также было показателем значимости проблем психологии нравственности для Института психологии.

В 2007–2011 гг. произошел максимальный прирост новых авторов по данной проблематике в изданиях Института. Это свидетельствовало о привлечении авторов как из Института, так и других организаций, стимулировании их участия в обсуждении нравственно-психологических вопросов. Как было показано при количественном анализе публикаций Института психологии РАН по методологии психологии [9], начальные этапы развития определенного научного направления характеризуются самыми высокими показателями авторов, на основе которых формируется ядро данного научно-исследовательского сообщества на базе конкретной организации. Эта позиция подтверждается и здесь: большое количество авторов означало, вероятно, даже не их непосредственное включение в проблематику психологии нравственности, а поиск в широком научном психологическом сообществе тех исследователей, которые потенциально останутся в нем и в дальнейшем. В 2012–2016 и 2017–2021 гг. количество новых авторов снижалось, что говорит именно о “кристаллизации” как самой тематики, так и исследователей (теперь авторы знали об обсуждаемых вопросах, научных традициях и подходах, распространенных в изданиях Института, и более целенаправленно в них участвовали).

Показатели повторявшихся авторов во всех периодах (за исключением первого) имеют примерно близкие значения — повторно участвовавших авторов было всегда около четверти от общего количества, при этом их количество снижалось

вместе с количеством новых авторов. Во-первых, это вновь говорит о формировании научно-исследовательского сообщества через сохранение тех исследователей, которые действительно имели соответствующие научные интересы и были мотивированы участвовать в обсуждении нравственно-психологических вопросов на базе Института психологии РАН. Во-вторых, близкое относительное значение повторявшихся авторов может свидетельствовать и о том, что исходно это была ограниченная и вместе с тем стабильная совокупность исследователей. Вероятно, это объясняется самой проблематикой: вопросы психологии нравственности являются достаточно специфическими (отсутствует самостоятельная отрасль), а личностное и научное мировоззрение автора, как правило, релевантно обсуждаемым вопросам.

Особый интерес представляет обсуждение доли публикаций авторов из Института психологии РАН как одних из ведущих участников становления проблематики психологии нравственности и возникновения такого сообщества. Исключая период 2002–2006 гг., можно отметить, что абсолютное значение количества новых авторов среди сотрудников Института, публиковавшихся в изданиях по психологии нравственности, находилось примерно на одном уровне (с незначительным снижением с 23 до 20). При этом относительные показатели новых сотрудников, вовлеченных в работы по данному научному направлению, росли (до более чем 50% в последнее пятилетие), что говорит о доминирующем участии авторов из Института психологии в разработке проблематики психологии нравственности, а также о возникновении постоянно действующего сообщества на базе данного научно-исследовательского центра. При анализе показателей повторного участия сотрудников Института в рассматриваемых изданиях обнаруживается сначала увеличение, а затем снижение абсолютных значений (11–13–6), что может говорить о неровной динамике формирования ядра сообщества (возможно, в связи с изменениями индивидуальных интересов и мотивов отдельных сотрудников), однако относительные показатели в целом согласуются с таковыми в блоке новых авторов — увеличение доли сотрудников Института означает возникновение небольшого ядра авторов на базе этой организации, специализировавшихся на вопросах психологии нравственности.

Наибольший вклад в развитие проблематики психологии нравственности внесли четыре сотрудника Института психологии РАН (М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, А.Б. Купрейченко), двое из них опубликовали по две монографии

(М.И. Воловикова и А.Л. Журавлев), а А.Б. Купрейченко — даже три, т.е. именно они занимались непосредственной теоретико-методологической и эмпирической разработкой нравственно-психологических вопросов. Кроме того, трое исследователей из этой группы также участвовали в сборниках научных трудов в качестве ответственных редакторов (М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич) — определяли тематику коллективных трудов, привлекали сотрудников Института и авторов из других организаций, отбирали материалы и др. Таким образом, формирование данного научного направления и научно-исследовательского сообщества курировалось сотрудниками, занимавшими руководящие должности, — директором Института психологии (под редакцией А.Л. Журавлева вышло восемь сборников научных трудов), заместителем директора (под редакцией А.В. Юревича вышло пять сборников научных трудов) и заведующей лабораторией (под редакцией М.И. Воловиковой вышло пять сборников научных трудов). Сюда же следует добавить старшего научного сотрудника Н.В. Борисову, под редакцией которой вышел один сборник статей. В качестве авторов монографий и статей участвовали и другие сотрудники: главный (В.В. Знаков), ведущие (А.А. Гостев, А.Б. Купрейченко) и старшие (Н.В. Борисова, А.Е. Воробьева, В.А. Соснин) научные сотрудники.

Другой важной, хотя и малочисленной группой исследователей, участвовавших в изданиях Института психологии РАН по психологии нравственности, являются авторы статей из других научных и образовательных организаций. Это представители Новосибирского государственного педагогического университета (Н.Я. Большунова) и Академии управления МВД России (Е.Ю. Стрижов). Они внесли вклад, во-первых, в расширение проблематики исследований, во-вторых, привнесение Всероссийского статуса научно-исследовательскому сообществу на базе Института. Однако стоит отметить, что других высоких показателей участия у внешних авторов в анализируемых изданиях не было, что тоже свидетельствует о доминирующем преобладании сотрудников Института психологии РАН в разработке нравственно-психологических вопросов и составе данного сообщества.

Содержательный библиометрический анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности за 2002–2021 гг. Перейдем к содержательному анализу общего корпуса и подкорпусов названий, содержаний (оглавлений) и аннотаций изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии

нравственности за 2002–2021 гг. (по пятилетиям). Прежде всего будут представлены *частоты терминов* (словосочетаний из двух и трех слов) для корпуса за весь исследуемый период, определенные с помощью сервиса Sketch Engine и встречавшиеся пять раз и более (табл. 4).

Наиболее значимыми вопросами, обсуждавшимися авторами в изданиях Института по психологии нравственности, являлись: нравственные проблемы и состояние современного российского общества; нравственное самоопределение личности и различных групп населения, в том числе старшекласников, молодежи, руководителей (к этой же группе можно добавить разные феномены духовно-нравственного становления личности и воспитания детей, школьников и молодежи); концепции духовной личности; личностные аспекты и механизмы нравственного поведения и нравственных отношений человека; проблемы нравственных представлений в структуре российского менталитета; нравственные аспекты экономической активности личности; общие проблемы психологического исследования нравственности.

Как представляется, доминирующей проблематикой исследований в изданиях Института психологии РАН являлись социальные, социально-психологические, экономико-психологические и личностные аспекты нравственности, таким образом, преобладало обсуждение конкретных психологических феноменов

нравственности. Разработка теоретико-методологических проблем психологии нравственности занимала небольшое место в анализируемых работах. Возможно, последняя характеристика исследований является причиной в целом невысокой активности научно-исследовательского сообщества по нравственно-психологическим вопросам по сравнению с другими научными направлениями, развивавшимися на базе Института психологии РАН.

Особый интерес представляет обсуждение прикладных психологических вопросов, связанных с нравственностью: это прежде всего исследование нравственных аспектов экономической активности и экономического самоопределения личности (обратим внимание, что именно с этой проблематики в целом началась разработка психологии нравственности в Институте психологии в изучаемый период — в монографии А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко 2003 г.); важно отметить работы по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи как перспективы приложения результатов теоретических и эмпирических исследований, а также решению социальных, конкретнее, нравственных проблем российского общества.

Другой группой показателей содержательного анализа корпуса изданий по психологии нравственности являются *ключевые термины* (из двух и трех слов), выявленные также с помощью сервиса Sketch

Таблица 4. Частоты встречаемости терминов в изданиях Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг.

№ п/п	Термин	Частота встречаемости
1	Российское общество	26
2	Нравственное самоопределение	25
3	Духовная личность	15
4	Духовно-нравственное становление	14
5	Моральная оценка	9
6	Нравственный идеал	9
7	Экономическая активность	9
8	Духовно-нравственное воспитание	8
9	Экономическое самоопределение	8
10	Современная Россия	7
11	Современное общество	7
12	Отношения нравственности	6
13	Психология нравственности	6
14	Экономическое сознание	6
15	Исследование нравственности	5
16	Норма делового поведения	5
17	Нравственное состояние	5
18	Отношение личности	5
19	Проблема нравственности	5
20	Психологическая дистанция	5
21	Российский менталитет	5

Engine (см. [9; 18]). Ключевые термины выступают наиболее характерными для фокусного подкорпуса (каждого рассматриваемого пятилетия) по отношению к референтному общему корпусу изданий (за 2002–2021 гг.), т.е. наиболее специфичными для данного периода и отличающимися от других периодов (табл. 5).

При определении *показателей ключевости* возникло ограничение в представлении данных: из-за разного объема подкорпусов сравниваемых пятилетий оказалось невозможным указать одинаковое количество ключевых терминов. Поэтому для периодов 2002–2006 и 2017–2021 гг. было представлено менее 10 терминов, так как низкий объем этих подкорпусов не позволил выделить больше специфичных содержательных словосочетаний. Противоположная ситуация сложилась с подкорпусами 2007–2011 и 2012–2016 гг.: их объем был больше подкорпусов первого и последнего пятилетий, а у нескольких терминов показатель ключевости был одинаковым, и их перечень превышал 10; таким образом, чтобы не отсекал значимые термины, этот перечень был расширен, но только до завершения ряда с одинаковыми показателями.

Специфическими ключевыми словосочетаниями для периода 2002–2006 гг. стали в первую очередь те, которые относились к нравственным феноменам в экономической психологии. Обсуждались нравственные аспекты и механизмы нравственно-психологической регуляции экономической активности; различные личностные феномены в экономической деятельности, связанные с формированием нравственных регуляторов поведения, аспекты межличностных и деловых отношений; внешние экономические и организационные факторы межличностного, в частности нравственного, взаимодействия субъектов экономической деятельности. Ранее было отмечено, что в Институте психологии РАН проблематика нравственности начала разрабатываться в области экономической психологии, поэтому выявленная специфика исследований в первый анализируемый период являлась закономерной. Она заключалась в прикладных аспектах нравственно-психологической регуляции организационно-экономического поведения человека; таким образом, нравственно-психологические исследования отталкивались от конкретных психологических вопросов.

Для 2007–2011 гг. оригинальной тематикой работ по психологии нравственности являлись духовно-нравственное развитие личности, развитие нравственных качеств и их воспитание у подростков, нравственные компоненты поведения субъектов экономической сферы, прикладные аспекты

профилактики нравственного поведения человека, теоретико-методологические проблемы психологии нравственности, нравственные проблемы общества. Данный период вновь характеризовался специальным вниманием к социальным и прикладным нравственно-психологическим вопросам, возник интерес к развитию личности с духовно-нравственной точки зрения, начали разрабатываться теоретико-методологические проблемы.

В 2012–2016 гг. отличительными вопросами исследований были новые аспекты нравственности в экономической сфере, в частности: теоретические обобщения закономерностей нравственного и экономического самоопределения, семейное воспитание нравственных качеств у детей, более широкое обсуждение развития духовно-нравственной сферы личности, социальные аспекты нравственности российского общества, нравственные компоненты ментальности, теоретические проблемы изучения нравственных феноменов в современной психологии. Уточнялись нравственные феномены в экономической деятельности, появились семейные вопросы воспитания нравственных качеств, расширилась проблематика нравственной психологии личности, продолжился анализ социально-нравственных проблем России. Таким образом, развивалась тематика исследований предыдущих периодов.

Оригинальные исследования по данному научному направлению в 2017–2021 гг. касались перехода к новой группе морально-психологических феноменов, которые разрабатывались на основе системно-эволюционного подхода, разработки нового важнейшего концепта духовной личности, современных проблем нравственности человека.

По результатам анализа частотных и ключевых словосочетаний корпусов изучаемых пятилетий, можно сделать *выводы* о содержательной характеристике исследований по направлению психологии нравственности: 1) как представляется, источником многих исследований во всех периодах были конкретные, прикладные проблемы нравственного поведения человека, характерные для современного российского общества и, в частности, для экономической сферы; 2) теоретико-методологические проблемы рассматривались авторами лишь частично, не составляя основной вектор исследований, при этом только к последнему периоду проявились новые специфичные подходы и феномены в данном направлении, однако они были связаны не столько с исходной нравственной проблематикой, сколько с вопросами морали и духовности.

Таблица 5. Ключевые термины пятилетних подкорпусов изданий при сравнении с общим корпусом изданий Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг.

2002–2006	ПК	2007–2011	ПК	2012–2016	ПК	2017–2021	ПК
Нравственно-психологическая регуляция	9.13	Духовно-нравственное становление	2.95	Исследование нравственного самоопределения	2.36	Моральная оценка	5.51
		Проблема нравственности	2.83	Нравственная оценка	2.33		
Феномен доверия	9.13	Нравственная психология	2.79	Семейное воспитание	2.33	Моральное развитие	5.07
		Духовно-нравственное развитие	2.73	Духовное развитие	2.28		
Работник предприятий	8.58	Воспитание личности	2.61	Нравственная детерминация	2.28	Модель духовной личности	4.8
		Методологическая основа	2.61	Современная психология	2.28		
Субъективно-экономический статус	8.58	Механизм поддержания нравственности	2.61	Дошкольный возраст	2.19	Проблемы современной молодежи	4.8
		Надежность личности	2.61	Духовное познание	2.19		
		Нравственная элита	2.61	Неравенство доходов	2.19		
Форма собственности	8.58	Нравственный принцип	2.61	Основы человеческого общения	2.19	Продуктивная жизнедеятельность	4.8
		Представления современной молодежи	2.61	Проблема искажений	2.19		
		Психологическая реальность	2.61	Проблемы современной России	2.19		
Экономическое сознание	8.16	Российская психология	2.61	Психология воспитания	2.19	Современная личность	4.8
				Психология духовно-нравственной сферы	2.19		
Экономическая активность	7.8	Самоопределение старшеклассников	2.61	Развитие ментальности	2.19	Современный человек	4.8
				Ресурс жизнедеятельности	2.19		
Отношения нравственности	7.73	Современный подросток	2.61	Социальное взаимодействие	2.19	Социокультурная эволюция	4.8
				Социальный процесс	2.19		
				Сфера личности	2.19		
Психологическая дистанция	7.73	Экономическое самоопределение предпринимателей	2.61	Фактор нравственного самоопределения	2.19	Феномен морали	4.8
				Экономическое самоопределение личности	2.19		

Примечание. ПК — показатель ключевости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный библиометрический анализ изданий Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг. показал, что данное научное направление сформировалось и активно развивалось в Институте в исследуемый период; результатом этого развития стали фундаментальные труды, идеи и концепции по нравственно-психологической проблематике. Безусловно, динамика количества работ и других библиометрических показателей свидетельствует об изменявшемся статусе и востребованности этой области в научно-исследовательском и публикационном пространстве Института в разные пятилетия.

Наиболее активными для разработки проблем психологии нравственности были 2007–2011 и 2012–2016 гг., что было обусловлено социально-историческими (специальной постановкой исследовательских задач со стороны руководства Института, относительно стабильными социальными и экономическими условиями в стране, общественными запросами) и логико-научными (осмыслением междисциплинарных вопросов на пересечении психологии нравственности и других областей психологии — социальной психологии, экономической психологии, психологии личности) факторами. Содержательными характеристиками данного направления являлось обращение к нравственным феноменам в обществе и компонентам в структуре менталитета, нравственным аспектам экономической активности и принципам духовно-нравственного воспитания и развития личности. Обобщая ключевые позиции исследований, можно сделать вывод о том, что *траектория развития психологии нравственности* на базе Института психологии РАН проходила следующие содержательные стадии: экономическая нравственная психология — социальная нравственная психология и нравственная психология личности — психология морали и психология духовности. Если вначале концептуальное поле психологии нравственности было единым, то в конце анализируемого периода оно стало дифференцированным.

Полученные в первой части статьи результаты показали формализованную и содержательную динамику развития направления психологии нравственности. Во второй части работы эти данные будут дополнены показателями цитирования изданий и статей, доли цитирований изданий по психологии нравственности среди всех изданий Института психологии РАН. На основе проведенного библиометрическим и наукометрическим методами анализа планируется сопоставить комплекс значений

и сформулировать некоторые тенденции разработки научного направления психологии нравственности в Институте психологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н.* Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019 гг.). М.: Проспект, 2020.
2. *Бражникова А.Н.* Психология нравственности: история и современность. М.: МИУ, 2018.
3. *Воловикова М.И., Журавлев А.Л.* Вместо введения: вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 15–31.
4. *Гостев А.А., Борисова Н.В.* Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
5. *Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н.* Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории “индивидуальность” в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 218–233.
6. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
7. *Зуев К.Б.* Наукометрический анализ творческого наследия Б.Ф. Ломова // Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 340–362.
8. *Кольцова В.А.* История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
9. *Костригин А.А., Журавлев А.Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
10. *Мазилев В.А.* Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 202–210.

11. Мироненко И.А. Проблемы нравственности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 5. № 4. С. 62–75.
12. Моисеева В.С. Духовно-нравственное развитие личности в истории психологической науки: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Ставрополь, 2011.
13. Моргунов А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.
14. Сарыбеков М.Н., Сыдыкназаров М.К. Словарь науки. Общонаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории. Алматы: Триумф "Т", 2008.
15. Семенов И.Н. Обзор направлений российской психологии творчества и одаренности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 6А. С. 3–22.
16. Шафикова Г.Р., Бондаренко Г.В. История психологии нравственности: религиозно-философские аспекты (от древности до современной психологии). Уфа, 2007.
17. Ясин М.И. Современные направления исследований в психологии религии // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 2. С. 76–79.
18. Kilgariff A. Simple maths for keywords // Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009) / Eds. M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF THE PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ON THE SCIENTIFIC DIRECTION OF PSYCHOLOGY OF MORALITY IN 2002–2021. PART I. BIBLIOMETRIC ANALYSIS²

A. L. Zhuravlev*, A. A. Kostrigin**

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;
129366, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Moscow, Russia.*

**Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Candidate of Psychological Sciences, Research Associate,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: artdzen@gmail.com

Received 17.04.2023

Abstract. In the article the authors turn to the study of the development of the scientific field of psychology of morality at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences in 2002–2021. The Institute's publications on the psychology of morality (monographs and collections of scientific works, a total of 20 books) were used as research material. It describes the corpus of the analyzed publications, bibliometric indicators that determine the characteristics of the formation of a scientific direction in a research center. The first part of the article considers the indicators of the dynamics of the number and volume of publications, frequency of authors, frequency of word combinations, and keywords. It is determined that the scientific direction of psychology of morality was actively developed at the Institute of Psychology (especially in 2007–2011 and 2012–2016), the merged research community was narrow and consisted mainly of employees of the Institute. The substantive characteristics of moral-psychological research were an appeal to the moral aspects of economic activity, moral problems and the state of modern Russian society, spiritual and moral education and personal development. A conclusion is made about the main trajectory of development of the direction of moral psychology at the Institute of Psychology.

Keywords: history of psychology, psychology of morality, psychology of spirituality, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, scientific direction, research center, bibliometric analysis.

² The research was carried out according to the state assignments № 0138-2023-0001.

REFERENCES

1. *Antsupov A.Ya., Kandybovich S.L., Timchenko G.N.* Problemy otechestvennoi psikhologii. Ukazatel' 1410 doktorskikh dissertatsii (1935–2019 gg.). Moscow: Prospekt, 2020. (In Russian)
2. *Brazhnikova A.N.* Psikhologiya npravstvennosti: istoriya i sovremennost'. Moscow: MIU, 2018. (In Russian)
3. *Volovikova M.I., Zhuravlev A.L.* Vmesto vvedeniya: vklad Instituta psikhologii RAN v issledovanie dukhovno-npravstvennykh problem lichnosti i obshchestva. Dukhovno-npravstvennye problemy sovremennoi lichnosti. Eds. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 15–31. (In Russian)
4. *Gostev A.A., Borisova N.V.* Psikhologicheskie idei v tvorchestvom nasledii I.A. Il'ina: na putyakh sozdaniya psikhologii dukhovno-npravstvennoi sfery chelovecheskogo bytiya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2012. (In Russian)
5. *Eliseeva I.N., Oleinik Yu.N.* Naukometricheskii analiz kak metod izucheniya sostoyaniya i dinamiki nauchnogo napravleniya (na primere ispol'zovaniya kategorii "individual'nost'" v nazvaniyakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.). Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 218–233. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Psikhologiya npravstvennosti kak oblast' psikhologicheskogo issledovaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 3. P. 4–14. (In Russian)
7. *Zuev K.B.* Naukometricheskii analiz tvorcheskogo naslediya B.F. Lomova. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnye bazy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 340–362. (In Russian)
8. *Kol'tsova V.A.* Istoriya psikhologii. Problemy metodologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. (In Russian)
9. *Kostrigin A.A., Zhuravlev A.L.* Kolichestvennyi analiz izdaniy Instituta psikhologii RAN po nauchnomu napravleniyu metodologii psikhologii v 2002–2021 gg. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 5. P. 99–120. (In Russian)
10. *Mazilov V.A.* Aktual'nye metodologicheskie problemy sovremennoi otechestvennoi istorii psikhologii. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2014. V. 2. № 2. P. 202–210. (In Russian)
11. *Mironenko I.A.* Problemy npravstvennosti. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010. V. 5. № 4. P. 62–75. (In Russian)
12. *Moiseeva V.S.* Dukhovno-npravstvennoe razvitie lichnosti v istorii psikhologicheskoi nauki: Dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. Stavropol', 2011. (In Russian)
13. *Morgun A.N., Oleinik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Tematicheskie napravleniya otechestvennoi istorii psikhologii kak vnutrennie faktory razvitiya otrasli: naukometricheskii analiz na materiale RINTs. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 1 (21). P. 219–251. (In Russian)
14. *Sarybekov M.N., Sydyknazarov M.K.* Slovar' nauki. Obshchenauchnye terminy i opredeleniya, nauchovedcheskie ponyatiya i kategorii. Almaty: Triumf "T", 2008. (In Russian)
15. *Semenov I.N.* Obzor napravlenii rossiiskoi psikhologii tvorchestva i odarennosti. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2017. V. 6. № 6A. P. 3–22. (In Russian)
16. *Shafikova G.R., Bondarenko G.V.* Istoriya psikhologii npravstvennosti: religiozno-filosofskie aspekty (ot drevnosti do sovremennoi psikhologii). Ufa, 2007. (In Russian)
17. *Yasin M.I.* Sovremennye napravleniya issledovaniy v psikhologii religii. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2016. T. 22. № 2. S. 76–79. (In Russian)
18. *Kilgariff A.* Simple maths for keywords. Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009). Eds. M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.019

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА
А. В. БРУШЛИНСКОГО И СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНО-
ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
(К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО)**

© 2023 г. И. Н. Семенов

Московский городской педагогический университет;

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Россия.

Доктор психологических наук, академик АПСН, профессор департамента психологии

Института педагогики и психологии МГПУ.

E-mail: i_samenov@mail.ru

Поступила 06.04.2023

Аннотация. В связи с 90-летним юбилеем А.В. Брушлинского представлены результаты науковедческого изучения его жизненного пути и творческой деятельности. Обоснована определяющая роль С.Л. Рубинштейна в формировании научно-психологического мировоззрения А.В. Брушлинского и приемов его теоретико-экспериментальной-реализации на материале исследования мышления средствами процессуально-деятельностного подхода. Охарактеризованы различные направления познавательных поисков А.В. Брушлинского в изучении природы психики, процессов мышления и общения, типов личности и форм ее сознания, видов взаимодействия социальных представлений и коммуникаций с позиций принципа единства сознания и деятельности. Показано взаимодействие процессуально-деятельностного подхода с принципом субъектности психики в школе С.Л. Рубинштейна, что привело А.В. Брушлинского к разработке субъектно-деятельностной парадигмы, ставшей одной из ведущих в различных областях современной психологии.

Ключевые слова: методология, рефлексия, субъектно-деятельностный подход, творчество, мышление, общение, континуально-генетический принцип, субъект, личность, деятельность.

DOI: 10.31857/S020595920026159-0

**АКТУАЛЬНОСТЬ, НОВИЗНА
И СТРУКТУРА НАУКОВЕДЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

Одним из ведущих российских специалистов в сфере таких областей психологии, как изучение природы психики, процесса мышления, развития личности, организации деятельности и социальных коммуникаций, на рубеже XX–XXI вв. являлся Андрей Владимирович Брушлинский (1933–2002), воспитавший научную школу субъектно-деятельностного изучения психических процессов в современном человекознании.

Обратимся с позиций развиваемого нами институционально-персонологического подхода [23; 24] к анализу житнетворчества А.В. Брушлинского как непосредственного ученика С.Л. Рубинштейна и наиболее последовательного продолжателя его

идей совместно с К.А. Абульхановой-Славской как многолетней соратницей по созданной им научной школе [2; 3; 25]. Именно благодаря их во многом совместным трудам 1989–2002 гг. [4] содержащий-ся в трудах С.Л. Рубинштейна [22] середины XX в. субъектно-деятельностный подход трансформировался к началу XXI в. в системно-интегральную парадигму, определившую одно из наиболее конструктивных и перспективных направлений современной российской психологии.

Необходимостью изучения их фундаментального наследия и ассимиляции эвристического опыта оригинальных исследований мышления и сознания, личности и деятельности, творчества и коммуникаций объясняется актуальность рефлексивно-методологического анализа жизни и творчества А.В. Брушлинского в год его 90-летнего юбилея. Его достижения оказали существенное влияние на развитие современной психологической науки

и человекознания в целом. В контексте становления разработанной им субъектно-деятельностной парадигмы охарактеризуем логику развития, функциональные уровни и основные направления личностно-профессиональной эволюции научной и организационной деятельности А.В. Брушлинского. В итоге обобщим научное значение и многогранный вклад в отечественную психологию позднего советского и раннего постсоветского времени.

Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые в истории человекознания с методологических позиций развиваемого нами институционально-персоналистического подхода [23; 24] системно эксплицируется и целостно характеризуется логика развития его жизнетворчества, дифференцируются функциональные уровни и предметные направления разнообразной научной и организационной деятельности А.В. Брушлинского как творческой личности и одного из руководителей российской психологической науки рубежа XX–XXI вв.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ А.В. БРУШЛИНСКОГО

А.В. Брушлинский родился и воспитывался в высокообразованной семье: внук бывшего царского генерала, сын советского философа, интерпретатора Б. Спинозы и переводчика трудов Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса — В.К. Брушлинского и младший брат математика, профессора К.В. Брушлинского. Они оказали решающее воздействие на становление научно-философского мировоззрения, рационального мышления и волевого характера юного А.В. Брушлинского. Окончив с золотой медалью среднюю московскую школу № 34, он поступил на философский факультет МГУ. Формирование научно-профессионального менталитета студента психологического отделения А.В. Брушлинского происходило в непростое переломное время “оттепели” середины 1950-х годов и осуществлялось в школе С.Л. Рубинштейна — дипломным исследованием Брушлинского мэтр руководил непосредственно.

Подготовленная под его же руководством кандидатская диссертация была защищена А.В. Брушлинским в 1964 г., уже после смерти руководителя в январе 1960 г. До этого печального события учитель и ученик почти десять лет общались в рамках научной школы [3; 24], созданной С.Л. Рубинштейном в МГУ, где он был заведующим кафедрой и отделением психологии философского факультета,

а также в Институте философии АН СССР, в котором он занимал должность заместителя директора и организовал сектор философских проблем психологии. Во время обучения в университете А.В. Брушлинский слушал лекции С.Л. Рубинштейна и под его руководством вел дипломное исследование. Затем, по его рекомендации, А.В. Брушлинский был распределен в Институт философии (ИФ АН) АН СССР в сектор философских проблем психологии, где в качестве научно-технического сотрудника начал вести свое руководимое С.Л. Рубинштейном диссертационное исследование до самой его кончины. В дальнейшем А.В. Брушлинский более сорока лет проработал в системе Академии наук: сначала в этом секторе в ИФ АН (1960–1972) и затем в ИП РАН (в 1972–2002).

В ИФ АН в возглавляемом Е.В. Шороховой секторе А.В. Брушлинский анализировал опыт советской и зарубежной психологии мышления, а перейдя в 1972 г. в ИП АН, разрабатывал также методологические проблемы природы психики, взаимодействия биологического и социального в ее развитии в контексте кибернетики и проблемного обучения. При поддержке директора ИП АН Б.Ф. Ломова в 1977 г. А.В. Брушлинский защитил здесь докторскую диссертацию и далее организовал группу по психологии мышления. Поскольку в 1980-е годы А.В. Брушлинский был заместителем главного редактора старейшего советского журнала в области человекознания “Вопросы психологии” и с 1988 г. главным редактором “Психологического журнала”, а также председателем Московского отделения Общества психологов СССР и с 1989 г. директором ИП АН/ИП РАН, то фактически он более 20 лет был одним из руководителей отечественного человекознания, во многом определяя в нем публикационную и научную политику.

Среди множества организованных им в РПО и ИП РАН исследовательских проектов отметим в качестве примера поддержанные им инициативные исследования интуиции и творчества Я.А. Пономарева и рефлексивного мышления И.Н. Семенова в рамках организованной ими (с Н.Г. Алексеевым) на базе ИП АН Всесоюзной секции РПО “Психология творчества” [21]. Так, например, А.В. Брушлинский одобрил в 1980–1990-е годы публикацию цикла инновационных статей Я.А. Пономарева и И.Н. Семенова на экзотические — для рубежа 1970–1980-х годов — темы о роли интуиции и рефлексии в творческом мышлении в обоих ведущих журналах (см. ссылки в: [21]). При этом А.В. Брушлинский поддержал организацию издания в научных трудах института трех коллективных

монографий (в том числе по системно-деятельностному изучению творческого мышления [21]) участников этой секции, предложил нам расширить тезисы об обобщении в трудах С.Л. Рубинштейна трактовки им рефлексии для публикации статьи в “Психологическом журнале” (1989, № 4) как в его советском, так и в американском издании [27], а также поддержал нашу инициативную рецензию на фундаментальную монографию германского ученого В. Маттеуса о достижениях советской психологии мышления. Аналогично А.В. Брушлинский содействовал ряду инновационных проектов в ИП РАН: работам В.А. Барабанщикова, К.В. Бардина, М.И. Володиковой, А.Л. Журавлева, Д.Н. Завалишиной, В.В. Знакова, А.В. Карпова, В.А. Кольцовой, Я.А. Пономарева, И.Н. Семенова, Е.А. Сергиенко, А.Н. Славской, Л.В. Темновой и др.

Параллельно с обширной институционально-координационной деятельностью общероссийского и международного масштаба А.В. Брушлинский как член ряда российских и зарубежных академий продолжал вести интенсивное изучение стратегических вопросов современной психологии в различных перспективных направлениях ее взаимодействия со смежными науками, в том числе в русле развития философско-психологических идей С.Л. Рубинштейна и его научной школы [3–5; 17; 22] о субъектно-деятельностном подходе.

Этот подход был эксплицирован в 1973 г. К.А. Абульхановой [1] посредством философско-психологического анализа фундаментальных трудов С.Л. Рубинштейна второй половины 1950-х годов. В результате обобщения его наследия в контексте 100-летнего юбилея ученого в 1989 г. содержание этого подхода было отрефлексировано и сформулировано в качестве принципа субъектности психики [2]. Познавательные поиски А.В. Брушлинского (в том числе в контексте его избрания коллективом ИП АН директором в 1989 г.) привели к инициативному выделению им [9; 10] этого принципа в качестве теоретической основы для построения с 1994 г. научно-исследовательской стратегии [11] изучения ряда актуальных проблем современной психологии. В результате концептуально-методологической разработки в цикле статей и монографий проблематики субъекта А.В. Брушлинским [12; 14–17] — с опорой на исследования соратников (К.А. Абульханова [1; 2], Л.И. Анцыферова [5], М.Г. Ярошевский) по школе С.Л. Рубинштейна [3] — этот принципиальный подход был трансформирован в инновационную субъектно-деятельностную парадигму. Она интенсивно реализуется (В.С. Агапов, К.В. Бардин, В.А. Барабанщиков, Д.Б. Богоявленская, М.И. Володикова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков,

О.К. Конопкин, В.И. Моросанова, В.И. Панов, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, Е.Б. Старовойтенко, И.С. Якиманская и др.) в различных фундаментальных и прикладных направлениях [20; 23; 25; 26] современной психологической науки.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.В. БРУШЛИНСКОГО

В развитии идей С.Л. Рубинштейна о деятельностном подходе [22 и др.] и в процессе полувековых собственных оригинальных изысканий в области изучения общей психологии мышления и личности его талантливый ученик А.В. Брушлинский также продуктивно осуществлял их на всех основных уровнях, присущих научному творчеству в сфере человекознания. Спроецировав разработанную нами [23; 24; 27] структурно-уровневую концепцию научно-познавательной деятельности (реализованную на материале как науковедческого анализа [24] творчества С.Л. Рубинштейна, так и инновационного построения рефлексивной психологии творческого мышления [27]), мы видим, что он осуществил их в процессе фундаментального изучения актуальных проблем современной психологии, а также при разработке ее методологии, теории и истории.

В науковедческом плане важно отметить, что исследования, относящиеся к конкретному уровню научно-познавательной деятельности ученого, ведутся им в различные ее периоды и в разные временные сроки, причем при пересечении и взаимодействиями с другими уровнями. Однако эти исследования в своей совокупности и последовательности выражают предметно-тематическую развертку определенного изучаемого содержания на данном уровне как на функциональном компоненте целостной познавательной-творческой деятельности.

На исходном — аксиологическом — уровне научной деятельности происходит формирование познавательных интересов, социокультурных ценностей, этических критериев и установок рационального мышления. В целом все эти компоненты аксиологического уровня образуют научное мировоззрение ученого. Оно начало формироваться у А.В. Брушлинского в семье и школе, прежде всего под влиянием его отца и старшего брата — носителей рационального мышления. Это дало К.А. Абульхановой-Славской основание характеризовать стиль мышления своего многолетнего

друга А.В. Брушлинского как “человека текста”. Конкретизируем: текста психологического, философского, логического, математического, кибернетического, технического, естественнонаучного, гуманитарного.

Этот универсально-текстовый стиль рационального мышления стал мощным средством развития познавательной активности А.В. Брушлинского на втором — историко-научном — уровне его исследовательской деятельности, посредством которой он досконально изучал историю философии и психологии со студенческой скамьи и до постов главного редактора “Психологического журнала” и директора Института психологии РАН. Ибо эти ответственные посты, как и собственные исследования, требовали и эрудиции в истории, и ориентировки в современных тенденциях человекознания для формирования научной политики и перспективных стратегий развития психологической науки. При этом А.В. Брушлинский тщательно изучал наследие учителя, эксплицировал его положения и подходы, анализировал факты жизненного пути, выстраивал интерпретацию [4; 9; 10; 14; 15] разработанной им философско-психологической системы, оказывающей конструктивное воздействие и на современную психологию [20; 21; 23; 26].

Аналогично А.В. Брушлинский ряд лет критически изучал культурно-историческую теорию Л.С. Выготского (презентируя [6] ее достижения не только на русском, но также на немецком и японском языках) и развитие его подхода в трудах последователей, особенно А.Н. Леонтьева и В.В. Давыдова [23]. Редакторами посмертных изданий Л.С. Выготского отмечалось, что поскольку он страдал приступами туберкулеза, то часто писал, цитируя наизусть нужные ему источники с неизбежными неточностями. Отталкиваясь от этих персонологических обстоятельств, А.В. Брушлинский обратился к сверке цитируемых Л.С. Выготским источников и к соответственному изучению историко-научного обоснования некоторых его положений, поставив в психологии и решив проблему дополнения историко-научного анализа наследия ученых его текстологическим исследованием [13], о технологии которого он консультировался со своим отцом — крупным переводчиком трудов Г. Гегеля и К. Маркса.

На третьем — интенциональном — уровне научной деятельности ученым, соответственно проявившимся его склонностям, определяется область его познавательных интересов и изучается проблемное поле собственных изысканий в избранной сфере науки. Интенции познавательных изысканий А.В. Брушлинского формировались в диалогах:

сначала в семье с отцом и братом, затем в МГУ с сокурсниками и профессорами, но особенно с боготворимым им научным руководителем дипломной и будущей кандидатской работы С.Л. Рубинштейном в русле тех его исследовательских стратегий, реализация которых предназначалась для участников созданной им в ЛГПИ, МГУ и ИФ АН московской научной школы [24].

Несмотря на идеологическую опалу С.Л. Рубинштейна в 1948–1953 гг. (увольнение с руководящих постов и запрет публиковать авторские труды) и на связанные с этим институционально-карьерные риски, А.В. Брушлинский продолжал писать свою дипломную работу по психологии мышления под руководством профессора МГУ и научного сотрудника ИФ АН С.Л. Рубинштейна.

После смерти в 1953 г. И.В. Сталина С.Л. Рубинштейн в 1956 г. был восстановлен в заведовании созданным им сектором в ИФ АН. В его новый состав он принял представителей не только старшего поколения учеников своей научной школы (Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, Н.С. Мансуров, Л.И. Анцыферова), но и младшего (К.А. Славская), в том числе научно-технического сотрудника — своего дипломника А.В. Брушлинского. Параллельно с выполнением в секторе должностной работы А.В. Брушлинский продолжал вести поисковые опыты с мышлением, интенция на изучение направленности которого определила в конечном счете целеполагание темы будущей кандидатской диссертации. На это повлияли, помимо стратегической установки С.Л. Рубинштейна [24] на логико-психологическое исследование в его научной школе процессов мышления с учетом ассимиляции зарубежной психологии, также опубликованный Л.И. Анцыферовой обзор ее достижений и позднее готовившийся к изданию в 1965 г. под редакцией А.М. Матюшкина их перевод в сборнике “Психология мышления”, где в статье Н. Майера анализировалась проблема направленности мыслительного поиска.

В дальнейшем при определении интенций своей научной деятельности А.В. Брушлинский анализировал логику развития мировой науки, ее актуальные проблемы и разрабатывал инновационные стратегии как своих теоретико-экспериментальных изысканий (по изучению соотношения: в психике биологического и социального, кибернетики и психологии мышления, в его процессе дизъюнктивности и недизъюнктивности, ментальности и презентативности, воображения и творчества и т.д.), так и перспективные планы руководимых и координируемых им институций (Московского отделения Психологического общества,

“Психологического журнала”, ИП РАН и зарубежных научных ассоциаций современной психологии). Поражает масштабный диапазон его познавательных поисков и исследовательских интенций: от гипотезы о внутриутробном формировании психики через субъект-деятельностную трактовку сознания человека функционирования социума до конструктивного снятия альтернативности естественнонаучной и гуманитарной психологии, а также к системно-философскому и логико-методологическому обоснованию инновационной концепции интегративной диалектической логики.

Реализация всех этих интенций осуществлялась на четвертом — предметном — уровне научной деятельности. Здесь, анализируя и обобщая концептуальные положения философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна [4; 22], его талантливый ученик и оригинальный последователь А.В. Брушлинский выстраивал субъектно-процессуальную онтологию психического. При этом он разрабатывал теоретические представления о ее проявлениях (в формах мышления и сознания, личности и коммуникаций) и концептуальные модели о механизмах их функционирования и развития посредством организации различных форм индивидуальной и коллективной деятельности [17], что специально изучается в современной общей, социальной и педагогической психологии [17; 18; 20; 21; 23; 26].

Разработка принципов и методов верификации этих теоретических конструктов осуществлялась на пятом — методологическом — уровне научной деятельности. Здесь — в развитие осуществленного С.Л. Рубинштейном синтеза субъектности в понимании неокантианства (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) и деятельности в трактовке марксизма (А.А. Богданов, М.Я. Басов, С.Г. Геллерштейн) — его ученик и последователь А.В. Брушлинский разработал системно-функциональную методологию субъектно-деятельностного подхода [17] к изучению процессов мышления. Изучая ранее в 1970 г. специфику мышления человека в отличие от функционирования компьютера [7], он позднее предложил оригинальную трактовку системного подхода в виде континуально-генетического (недизъюнктивного) метода исследования человека как субъекта процессов его психики, поведения, деятельности. На основе этого метода экспериментально изучалось мышление как деятельность и как непрерывный процесс прогнозирования. Это позволило — посредством конструктивной критики классической гештальт-психологии — открыть такой новый вид инсайта, как “немгновенный инсайт”, а также путем применения субъектно-деятельностного подхода к анализу

бытия личности в социокультурных взаимодействиях раскрыть особенности психологических явлений, происходящих в период быстрых социальных изменений и радикального реформирования [17] общества.

Экспериментальная верификация разработанных теоретических конструктов и реализующих их методологических подходов и средств осуществляется на шестом — эмпирическом — уровне научной деятельности. Здесь А.В. Брушлинский изучал феноменологию процессов мышления и проявлений личности, начиная от поисковых опытов дипломной работы в научной школе С.Л. Рубинштейна через собственные эксперименты при подготовке кандидатской и докторской диссертаций и далее вплоть до совместных исследований со своими учениками, аспирантами и сотрудниками.

Так, например, А.В. Брушлинский совместно с М.И. Воловиковой исследовал взаимодействие процессуально-динамического и личностно-мотивационного аспектов мышления, с Л.В. Темновой — решение нравственных задач как потенциальный компонент сознания личности [19], с В.В. Знаковым — роль процессов понимания в осознании бытия личности [26], с Л.И. Анцыферовой и В.А. Кольцовой начал деидеологизацию истории психологии и т.д. [14].

Средствами разработанного А.В. Брушлинским континуально-генетического метода экспериментально изучалось мышление как динамическая деятельность и как непрерывный процесс прогнозирования. Онтологическая рефлексия открытого А.В. Брушлинским “немгновенного инсайта” позволила ему вновь обратиться к проблематике творчества. В отличие от его давнего первоначального теоретического анализа [8] и с учетом проведенной позднее критики традиционной трактовки воображения и обратных связей [12] им был обоснован вывод о том, что любое мышление (хотя бы в минимальной степени) является творческим и поэтому не существует репродуктивного мышления. Критически анализируя в тестологии связь логических (прерывных) и процессуальных (непрерывных) уровней познания, А.В. Брушлинский обосновал конструктивность взаимодействия в ней количественных и качественных средств диагностики интеллекта [12]. В итоге обобщения этих разработок А.В. Брушлинским были предложены оригинальные концепции творчества, умственного и нравственного развития, а также структуры социальной компетентности личности [11; 14; 15].

На седьмом — прикладном — уровне познавательной деятельности ученого результаты его исследований проектируются на запросы общественной

практики и в целях ее научного обеспечения разрабатываются принципы и технологии решения социально актуальных задач. Здесь А.В. Брушлинский участвовал (с И.О. Александровым, В.В. Давыдовым, А.Л. Журавлевым, В.П. Зинченко, А.В. Петровским, М.Г. Ярошевским и др.) в создании учебников по общей и педагогической психологии, а также с учениками С.Л. Рубинштейна (Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин) и с рядом психологов и педагогов (И.И. Ильясов, В.И. Панов, А.И. Савенков, В.Д. Шадриков и др.) в разработке “Рабочей концепции одаренности” [18]. Но главное — А.В. Брушлинский формулировал организационно-прикладные стратегии применения субъектно-деятельностного подхода для психологического обеспечения развития мышления и личности в различных сферах социальной практики: от науки и образования до управления и политики. Беспрецедентный факт трехкратного избрания коллективом сотрудников выдающегося ученого-психолога А.В. Брушлинского на пост директора ИП РАН в социальной ситуации “лихих” 1990-х годов свидетельствует об эффективности применения парадигмальной субъектно-деятельностной концепции применительно к разработке стратегии и тактики психологического обеспечения прикладного управления коллективно-распределенной деятельностью в сфере научного творчества, которым он интересовался с начала [7] и до трагического конца [17] своего героического жизненного пути, завершившегося насильственной гибелью в лихолетье передела собственности.

На восьмом — организационном — уровне научной деятельности крупный ученый (создатель научной школы или исследовательского направления, координатор научно-общественных объединений или руководитель научных учреждений) управляет возглавляемыми им институтами, определяя перспективы развития и разрабатывая планы их реализации, проектируя направления научных исследований и обеспечивая пути их прикладного использования, кадровый состав, распределяя финансирование и оборудование, создавая организационные условия для научной работы и социализируя межведомственную интеграцию ее результатов. Занимая десятилетиями выборные должности в Обществе психологов и в РАН, а также в ряде международных научных ассоциаций, А.В. Брушлинский — по примеру своего выдающегося учителя С.Л. Рубинштейна [4; 22; 24] — конструктивно осуществлял координацию психологических исследований советских и позднее российских ученых в научно-общественных организациях, как отечественных, так и международных. Руководя три десятка лет редакциями ведущих

отечественных журналов, он во многом определял направления и критерии публикационной политики в научном сообществе психологов. В качестве трижды избранного директора ИП АН/ИП РАН, А.В. Брушлинский более десятка лет успешно руководил главным научным центром отечественной психологической науки, сохранив его и обеспечив институционально-творческий прогресс, пожалуй, в самое тяжелое время — от ее послесталинского до послеперестроечного развития — в катастрофических условиях слома советской политической системы и драматичного перехода в 1990-е годы к стихийно-рыночной экономике с ориентацией на построение потребительского общества. Параллельно с обширной организационно-управленческой работой А.В. Брушлинский не только руководил ИП РАН и участвовал в работе отделений философии, психологии и права РАН и психологии и возрастной физиологии РАО, но продолжал вести собственные разнообразные оригинальные теоретические изыскания и руководить эмпирическими исследованиями [9–11; 14–19; 25]. При этом он также проектировал обобщение изучения актуальных проблем современной психологии посредством издания собственных и коллективных монографий и редактируемых им сборников трудов ИП РАН и материалов проводимых в нем конференций.

На девятом — публицистическом — уровне научной деятельности порой она принимает общественное значение, когда ученый, откликаясь на запросы социума, разрабатывает в ответ на них активную профессиональную позицию и презентует ее обоснование публично. На рубеже 1980–1990-х годов, став главным редактором “Психологического журнала” и впервые избранным директором ИП АН в разгар политико-экономического кризиса (“перестройка”, переход к рынку), лидер отечественной психологической науки А.В. Брушлинский мужественно определил ее профессиональные отклики [17] на возникшие риски цивилизационного развития в эпоху радикальных социальных перемен. Не ограничившись психологическим наблюдением происходивших социальных изменений и анализом экзистенций личности в этих драматичных быстроменяющихся условиях, А.В. Брушлинский спроектировал стратегию их социально-психологического изучения и персонологической поддержки, а также принял смелое участие по линии РАН в научно-социальной экспертизе проводимых реформ.

К глубокому сожалению, выдающаяся научная и организационная деятельность Андрея Владимировича Брушлинского внезапно трагически

оборвалась. Светлой памяти А.В. Брушлинского в конце 2002 г. были посвящены: специальная научная конференция “Психология: современные направления междисциплинарных исследований”, ряд других конференций и сборников, а также мемориальный выпуск “Психологического журнала” № 3 за 2003 г. с публикацией его предсмертных рукописей, воспоминаний сотрудников (К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, В.Т. Кудрявцева, Е.А. Сергиенко, Е.В. Шороховой, И.С. Якиманской и др.) и содержательных отношений коллег к его выдающемуся вкладу в российскую психологическую науку.

На десятом — философско-гносеологическом — уровне научной деятельности выдающегося ученого она масштабно осуществляется им в различных монопредметных и междисциплинарных направлениях познания. Его результаты в итоге рефлексированы теоретически и методологически синтезируются, как правило, средствами комплексного, системного подхода. Здесь конструктивным примером является творчество С.Л. Рубинштейна: полвека поступательно постигая жизнь и наследие своего учителя [22], А.В. Брушлинский не только приобщился к различным аспектам его философско-психологической системы [4], но и стремился выстраивать [9–11] собственную, концептуальное завершение которой хотя трагически и не свершилось в полной мере, однако все же в ней рельефно определились векторы междисциплинарного синтеза достижений современного научного познания. В историко-научном плане под руководством А.В. Брушлинского им с коллегами (К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, В.А. Кольцовой и др.) была разработана инновационная — неидеологизированная — концепция истории российской психологии XX в. [14] и развития основных ее предметных областей. При этом А.В. Брушлинский обосновывал различные виды взаимодействия субъектно-деятельностного и дискурсивно-знакового подходов посредством методологического соотношения с концепциями М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, О.К. Тихомирова, М.Г. Ярошевского, С. Московичи, Ж. Пиаже, С.Л. Франка и др. Обобщение А.В. Брушлинским [11; 12; 14–16; 25] теоретико-деятельностной проблематики и ее изучение им в русле школы С.Л. Рубинштейна [12] послужили одним из оснований экспликации [14; 15] парадигмы деятельности [23] в качестве методологической доминанты развития российской психологии в XX–XXI вв.

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ВКЛАДА А.В. БРУШЛИНСКОГО В СОВРЕМЕННУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Обращение А.В. Брушлинского к междисциплинарным взаимодействиям психологии (с философией, логикой, биологией, физиологией, социологией, политологией, культурологией, кибернетикой, математикой, информатикой, системологией, когнитологией, педагогикой) привело к продуктивной постановке таких инновационных проблем, как внутриутробное возникновение психики человека, недизъюнктивное мышление, новый вариант диалектической логики, когнитивное развитие, ментальные репрезентации, нравственные решения, дискурсивная рефлексия, немгновенный инсайт, понимание бытия, континуально-генетическая психологии субъекта, взаимодополнительность двух ветвей психологии др. [11–13; 15].

В начале 1990-х годов он в качестве директора ИП АН и за выдающиеся достижения в психологии мыслительной деятельности был награжден Премией Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна и избран соучредителем и академиком РАО, членом-корреспондентом АН РАН, координатором от российских ученых ряда международных научных организаций психологов. Он был награжден (совместно с учениками С.Л. Рубинштейна К.А. Абульхановой и М.Г. Ярошевским) премией Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна. В 1991–1995 гг. он был членом Европейского центра по координации исследований и документации в социальных науках (так называемый “Венский центр”). В 1994 г. А.В. Брушлинский был избран академиком Международной академии наук, в этом же году он стал одним из соучредителей РПО и был избран в члены его президиума.

А.В. Брушлинским подготовлено более 10 кандидатов психологических наук, ставших участниками его научной школы субъектной психологии мышления и личности. С 1995 г. А.В. Брушлинский являлся членом Генеральной ассамблеи Международного союза психологических наук, а также с 1997 г. — Международной кадровой академии, которая аккредитована при Европейской сети национальных центров ЮНЕСКО. В 1999 г. он был награжден Премией Президента РФ в области образования.

Дальнейшее развитие восходящего в базовым трудам С.Л. Рубинштейна фундаментального наследия А.В. Брушлинского в научной деятельности наших современников (его учеников, аспирантов, коллег и последователей) служит важным перспективным направлением российской психологической науки

начала XXI в. Рефлексии научных достижений А.В. Брушлинского, вклада в человекознание и дальнейшего развития различных аспектов его творчества посвящен ряд международных научных конференций в ИП РАН и МГУ: “Психология: современные направления междисциплинарных исследований”, 2003 г.; “Личность и бытие: субъектный подход”, 2008 г.; “Человек субъект, личность в современной психологии”, 2013 г., и др. Обсуждение докладов их участников свидетельствует о конструктивности разработанной А.В. Брушлинским субъектно-деятельностной парадигмы для перспектив развития современной психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова (Славская) К.А. О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
2. Абульханова (Славская) К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции Сергея Леонидовича Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 10–60.
3. Абульханова (Славская) К.А. Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 75–84.
4. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
5. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъекта и грани субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
6. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М.: Наука, 1968 (пер. на яп. яз., 1986).
7. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970 (изд. на нем. яз., 1975; яп. яз., 1976).
8. Брушлинский А.В. О природных предпосылках психического развития человека. М.: Наука, 1977.
9. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке: Статья первая // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
10. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке: Статья вторая // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.
11. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1994; 2-е изд., доп. М.: Педагогика, 2001; 3-е изд., доп. / Под ред. В.В. Знакова. М.; СПб.: Изд-во “Институт психологии РАН”; Алетеия, 2003.
12. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. Педагогика, 1996; 2-е изд. доп. изд. / Под ред. А.Л. Журавлева. Серия: Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
13. Брушлинский А.В. Первые уточнения текстов Л.С. Выготского // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 19–25.
14. Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: ИП РАН, 1997. С. 208–268.
15. Брушлинский А.В. Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 110–121.
16. Брушлинский А.В. Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и С.Л. Франк // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 6–12.
17. Брушлинский А.В. К психологии индивидуального и группового субъекта в условиях реформирования России // Психология индивидуального и группового субъекта / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: Пэр Сэ, 2002. С. 34–50.
18. Брушлинский А.В., Матюшкин А.М., Савенков А.И. и др. Рабочая концепция одаренности / Под ред. Д.Б. Богоявленской, В.Д. Шадрикова. М.: Самара: СГПУ, 2002.
19. Брушлинский А.В., Темнова Л.В. Интегральный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Отв. ред. К.А. Абульханова, М.И. Воловикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1993. С. 45–56.
20. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Сергей Леонидович Рубинштейн. Серия: Философия России второй половины XX века / Под ред. К.А. Абульхановой. М.: ИФ РАН: Ин-т развития им Г.П. Щедровицкого, 2010. С. 270–316.
21. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Отв. ред. Я.А. Пономарев. М.: Наука, 1990.
22. Рубинштейн С.Л. Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С. 67–84.
23. Семенов И.Н. Становление парадигмы деятельности как теоретико-методологической доминанты развития российской психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 2. С. 271–294.
24. Семенов И.Н. Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости “Я” как субъекта культуросозидающего

- научного творчества (К 100-летию юбилею школы С.Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022. № 4. С. 5–22.
25. Субъект и социальная компетентность личности / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1995.
26. Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009.
27. *Semenov I.N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein // The psychology journal. 1989. № 4. P. 67–74.

METHODOLOGICAL REFLECTION ON THE PERSONOLOGY OF A. V. BRUHLINSKY'S LIFE CREATION AND THE FORMATION OF THE SUBJECT-ACTIVITY PARADIGM OF MODERN PSYCHOLOGY (TO THE 90TH ANNIVERSARY OF THE OUTSTANDING SCIENTIST)

I. N. Semenov

Moscow City University;

129226, Moscow, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, 4, Russia.

ScD (Psychology), Professor, Member of Academy of Pedagogical and Social sciences, Psychology department, Institute of Pedagogy and Psychology of Education.

E-mail: i_samenov@mail.ru

Received 06.04.2023

Abstract. In connection with the 90th anniversary of A.V. Brushlinsky, the article presents the results of a scientific study of his life path and creative activity. The key role of S.L. Rubinstein in the formation of the scientific and psychological worldview of A.V. Brushlinsky and the methods of its theoretical and experimental implementation on the material of the study of thinking by means of a procedural-activity approach is substantiated. Various directions of A.V. Brushlinsky's cognitive searches in the study of the nature of the psyche, the processes of thinking and communication, personality types and forms of her consciousness, types of interaction of social representations and communications from the standpoint of the principle of unity of consciousness and activity are characterized. The interaction of the process-activity approach with the principle of subjectivity of the psyche in the school of S.L. Rubinstein is shown, which led A.V. Brushlinsky to develop the subject-activity paradigm, which has become one of the leading in various fields of modern psychology.

Keywords: methodology, reflectivity, subject-activity approach, creativity, thinking, communication, continual-genetical principle, subject, personality, activity.

REFERENCES

1. *Abul'hanova (Slavskaja) K.A.* O sub'ekte psichicheskoy dejatel'nosti. Metodologicheskie problemy psichologii. K.A. Abul'hanova. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)
2. *Abul'hanova (Slavskaja) K.A.* Princip sub'ekta v filosofsko-psichologicheskoy koncepcii Sergeja Leonidovicha Rubinshtejna. Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Ocherki. Vospominanija. Materialy. Moscow: Nauka, 1989. P. 10–60. (In Russian)
3. *Abul'hanova (Slavskaja) K.A.* Retrospektiva i perspektiva principa sub'ekta v issledovanijah myshlenija shkoloj S.L. Rubinshtejna. Voprosy filosofii. 2021. № 9. P. 75–84. (In Russian)
4. *Abul'hanova-Slavskaja K.A., Brushlinskij A.V.* Filosofsko-psichologicheskaja koncepcija S.L. Rubinshtejna. K 100-letiju so dnja rozhdenija. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
5. *Antcyferova L.I.* Psichologicheskoe sodержanie fenomena sub'ekta i grani sub'ektno-dejatel'nostnogo podhoda. Problema sub'ekta v psichologicheskoy nauke. Eds. A.V. Brushlinskij, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. P. 27–42. (In Russian)
6. *Brushlinskij A.V.* Kul'turno-istoricheskaja teorija myshlenija. Moscow: Nauka, 1968 (per. na jap. jaz., 1986). (In Russian)
7. *Brushlinskij A.V.* Psichologija myshlenija i kibernetika. Moscow: Mysl', 1970 (izd. na nem. jaz., 1975; jap. jaz., 1976). (In Russian)

8. *Brushlinskij A.V.* O prirodnyh predposylkah psihicheskogo razvitija cheloveka. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
9. *Brushlinskij A.V.* Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke: Stat'ja pervaja. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991. V. 12. № 6. P. 3–11 (In Russian)
10. *Brushlinskij A.V.* Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke: Stat'ja vtoraja. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1992. V. 13. № 6. P. 3–12. (In Russian)
11. *Brushlinskij A.V.* Problemy psihologii sub'ekta. Moscow: IP RAN, 1994; 2-nd add. ed. Moscow: Pedagogika, 2001; 3-rd add. ed. Ed. V.V. Znakov. Moscow; Saint Petersburg: Izd-vo "Institut psihologii RAN"; Aletejja, 2003. (In Russian)
12. *Brushlinskij A.V.* Sub'ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie. Moscow: Pedagogika, 1996; 2-nd izbr. add. ed. Ed. A.L. Zhuravlev. Serija: Vydajushhiesja uchenye Instituta psihologii RAN. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2006. (In Russian)
13. *Brushlinskij A.V.* Pervye utochnenija tekstov L.S. Vygotskogo. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1996. V. 17. № 3. P. 19–25. (In Russian)
14. *Brushlinskij A.V.* Ishodnye osnovanija psihologii sub'ekta i ego dejatel'nosti. *Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija*. Ed. A.V. Brushlinskij. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1997. P. 208–268. (In Russian)
15. *Brushlinskij A.V.* Sub'ektno-dejatel'nostnaja koncepcija i teorija funkcional'nyh sistem. *Voprosy psihologii*. 1999. № 5. P. 110–121. (In Russian)
16. *Brushlinskij A.V.* Filosofija i psihologija: S.L. Rubinshtejn i S.L. Frank. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1999. V. 20. № 6. P. 6–12. (In Russian)
17. *Brushlinskij A.V.* K psihologii individual'nogo i gruppovogo sub'ekta v uslovijah reformirovanija Rossii. *Psihologija individual'nogo i gruppovogo sub'ekta*. Eds. A.V. Brushlinskij, M.I. Volovikova. Moscow: Per Se, 2002. P. 34–50. (In Russian)
18. *Brushlinskij A.V., Matjushkin A.M., Savenkov A.I. et al.* Rabochaja koncepcija odarennosti. Ed. D.B. Bogojavlenskaya, V.D. Shadrikov. Moscow; Samara: SGPU, 2002. (In Russian)
19. *Brushlinskij A.V., Temnova L.V.* Integral'nyj potencial lichnosti i reshenie нравstvennyh zadach. *Psihologija lichnosti v uslovijah social'nyh izmenenij*. Eds. K.A. Abul'hanova, M.I. Volovikova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1993. P. 45–56. (In Russian)
20. *Zhuravlev A.L.* Psihologija kolektivnogo sub'ekta. Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Serija: Filosofija Rossii vtoroj poloviny XX veka. Ed. K.A. Abul'hanova. Moscow: IF RAN: In-t razvitija im G.P. Shhedrovickogo, 2010. P. 270–316. (In Russian)
21. *Ponomarev Ja.A., Semenov I.N., Stepanov S.Ju.* Psihologija tvorchestva: obshhaja, differencial'naja, prikladnaja. Ed. Ja.A. Ponomarev. Moscow: Nauka, 1990. (In Russian)
22. *Rubinshtejn S.L.* Puti i dostizhenija sovetskoj psihologii (o soznanii i dejatel'nosti cheloveka). *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1945. № 4. P. 67–84. (In Russian)
23. *Semenov I.N.* Stanovlenie paradigmy dejatel'nosti kak teoretiko-metodologicheskoy dominanty razvitija rossijskoj psihologii. *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki*. 2020. V. 17. № 2. P. 271–294. (In Russian)
24. *Semenov I.N.* Jekzistencial'no-lichnostnaja fenomenologija refleksivnogo razvitija processov samosti "Ja" kak sub'ekta kul'turosozidajushhego nauchnogo tvorchestva (K 100-letnemu jubileju shkoly S.L. Rubinshtejna). *Izvestija RAO*. 2022. № 4. P. 5–22. (In Russian)
25. Sub'ekt i social'naja kompetentnost' lichnosti. Ed. A.V. Brushlinskij. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1995. (In Russian)
26. Sub'ektnyj podhod v psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian)
27. *Semenov I.N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein. *The psychology journal*. 1989. № 4. P. 67–74.

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

© 2023 г. В. А. Мазиллов*, Ю. Н. Слепко**

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.*

**Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.*

E-mail: v.mazilov@yspu.org

***Доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета.*

E-mail: slepko@inbox.ru

Поступила 15.11.2022

Аннотация. Обсуждается цикл исследований сотрудников Института психологии РАН (2018–2022), выполненных в преддверии 50-летнего юбилея Института и посвященных оценке состояния изучаемых ими научных проблем. Отдельно рассматриваются издания, в которых представлены результаты разработки основных понятий в общей теории современной психологии, в ее отдельных отраслях, в прикладной психологии. Утверждается, что представленные в изданиях результаты исследований являются важнейшим теоретическим и методологическим срезом актуальных проблем современной психологии. Помимо этого, представленный в изданиях широкий спектр исследований реализует важнейшую функцию структурирования понятийного пространства современной психологической науки. Обсуждается цикл публикаций, подготовленных А.Л. Журавлевым и Е.А. Сергиенко и посвященных комплексной оценке понятийного пространства исследований, реализуемых сотрудниками Института психологии РАН. Рассматривается используемый авторами системно-сетевой подход к анализу организации современных понятий психологии. Выделяются его достоинства и ставятся дискуссионные вопросы. Утверждается, что в современной психологической науке реализуется несколько подходов к анализу понятийного пространства психологических исследований — системно-сетевой, наукометрический, предметный и др. Выделяются их достоинства и ограничения.

Ключевые слова: психология, понятия, понятийное пространство, системно-сетевой подход, предмет психологии.

DOI: 10.31857/S020595920026160-2

Круглые даты в истории научных, образовательных, административных учреждений принято отмечать с размахом, тем более если речь идет о 50-летнем юбилее. Традиционно вспоминаются события, уже ставшие историей на глазах их непосредственных участников, обсуждаются перспективы, планируются новые дела. Конечно же, звучат поздравительные адреса, вручаются благодарственные письма. Все это и многое другое было организовано и в рамках празднования юбилея ведущего отечественного научно-исследовательского Института психологии Российской академии наук. Однако главный подарок, как водится, Институт сделал себе сам, попытавшись не только обобщить сделанное, но и представить

на суд широкой общественности сводку современного состояния научных дел в своем учреждении.

Речь идет о публикации в 2018–2021 гг. поистине уникального издания — коллективного труда сотрудников лабораторий Института, в котором представлено фактически все многообразие проводимых ими исследований [13–15]. Нельзя не отметить, что осуществление этого монументального проекта является, вероятно, лучшим подтверждением концепции коллективного субъекта и тезиса о возможности *реального функционирования* коллективного субъекта: осуществить подобного рода объемную работу (напомним, в трех томах сборника проанализированы 70 теоретических, эмпирических и используемых в практической психологии понятий, а также их взаимосвязи) под силу только

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

целому научному коллективу, объединенному общей целью. По объему проделанной работы проект следует признать уникальным в истории нашей науки.

Конечно, в ограниченной небольшим объемом статье не представляется возможным дать сколь-нибудь подробную характеристику этому циклу изданий. Да и потребность в ней не столь очевидна — редакторы издания взяли на себя труд описать представленные в каждом томе исследования в формате развернутых предисловий [5–7]. Тем не менее ряд обобщающих суждений высказать важно.

Несмотря на многообразие исследуемых сотрудниками ИП РАН проблем, необходимо особо отметить заботу редакторов коллективного издания о читателе. Весь спектр проводимых в Институте исследований представлен в соответствии с традиционной вертикальной структурой организации научного знания и включает результаты разработок в области общей теории современной психологии, в современных отраслях психологии и в прикладной психологии. Учитывая, что интерес редакторов издания сконцентрирован вокруг систематизации понятийного пространства проводимых исследований, в каждом направлении представлены результаты, раскрывающие суть соответствующей понятийной группы. Например, в рамках *общей теории современной психологии* раскрываются понятия индивидуального и коллективного субъекта, понятий отношения, интеллекта, инсайта, ментальных ресурсов, ментального опыта и др.; в предметном поле *современных отраслей психологии* (общей, социальной, психологии речи, психолингвистики, психологии труда и др.) оцениваются понятия стресса, дискурсивных способностей, контроля поведения, психологической сепарации, групповой рефлексивности, экономической социализации и др.; содержание *прикладных отраслей психологии* отражено в понятиях жизнеспособности, субъективного возраста, компенсации, психологического здоровья, патриотизма и многих других.

Всего в трехтомном издании представлено 70 понятий — как традиционных для психологии и хорошо известных в психологическом сообществе, так и новых, вошедших в психологический лексикон относительно недавно. Уникальность издания состоит в том, что авторами проведен не только подробный анализ содержания каждого понятия, но и раскрывается история его появления в психологии, определяются межпонятийные отношения и взаимосвязи. В целом можно с уверенностью утверждать, что в издании не только представлены результаты работы сотрудников лабораторий

Института, но и дан целостный срез современного состояния теоретических, методологических, прикладных исследований в отечественной психологической науке. Ввиду этого можно рекомендовать редакторам и авторам впоследствии трансформировать издание в формат психологического словаря, востребованность которого в психологическом сообществе неоспорима. Стоит подчеркнуть, что отбор важнейших понятий произведен и тщательно, и удачно, так как охвачены важнейшие тенденции развития психологической науки и заметных лакун не обнаруживается, хотя авторы самокритично сообщают, что “пласт понятий, разрабатываемый в Институте психологии РАН, отражает круг проблем, изучаемых его сотрудниками, который безусловно не охватывает все поле отечественной психологии, что ограничивает возможности процесса систематизации всего пласта понятий, используемых в психологической науке” [2, с. 5]. Вероятно, этот впечатляющий результат стоит рассматривать как следствие качественного перспективного планирования научных исследований в академическом институте.

Особый интерес в рамках обсуждаемого вопроса представляет цикл научных статей, подготовленных редакторами издания по результатам публикации трехтомника [2–4]. В статьях одновременно обобщаются представленные в изданиях материалы и предпринимается попытка встраивания понятийного разнообразия исследований сотрудников Института в понятийное пространство современной психологической науки. Отметим, что в последние годы периодически открываются методологические дискуссии по проблеме понятий в психологии [9; 10; 17], однако число их весьма ограничено. Особенность же цикла статей А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко заключается в том, что в них не просто обобщаются изучаемые в Институте понятия, а предпринимается попытка встраивания институционально ограниченных результатов исследований в общую логику развития современной психологической науки.

Согласимся с авторами, что разработка проблемы понятийного пространства является актуальной задачей для современной психологии: “В последние десятилетия в научном знании отмечаются изменения методологии и прирост знаний, что приводит к развитию и содержания, и объема понятий, отражающих перемены как в науке, так и обществе. Психология занимает особое место среди наук, объединяя естественно-научные и социогуманитарные дисциплины. Это определяет ее специфику, своеобразие понятийного строя,

но вместе с тем его большую размытость и неопределенность” [2, с. 6].

Необходимость обращения к проблеме содержания современных понятий и понятийного пространства определяется не только современным состоянием психологии, но и функциональной значимостью используемых в науке понятий. Авторы, безусловно, правы, когда пишут, что “психологические понятия позволяют структурировать сверхсложную, многослойную психологическую реальность, часто текучую и ускользающую от статических и формальных определений. Психологические понятия в науке, обозначая некоторый феномен или событие, содержат невидимые, не эксплицированные латентные знания и представления, теоретические конструкторы, индивидуальные ориентиры, пытаясь понятийно осмыслить психологию человека” [2, с. 6].

Ввиду актуальности и сверхсложности решения проблемы понятийного пространства современного психологического знания авторы использовали системно-сетевой подход к анализу организации понятий психологии. Рассматривавшееся выше коллективное трехтомное издание выступило предметом системно-сетевого анализа. Сущность последнего состоит в том, что “для анализа понятий, которые отражают развитие знаний в психологической науке, данное предположение (о взаимодополнении системного и сетевого подходов. — В.М., Ю.С.) имеет большое значение, поскольку демонстрирует, что сетевая организация понятийной системы имеет и гиперсети, в которые встроены сети понятий, связанные с ней. Каждое рассмотренное понятие включает в себя сети, которые могут быть латентными, но активно вступающими во взаимосвязи как с узловыми понятиями, так и гиперсетями. В нашем анализе такими метапонятиями, или гиперсетями, выступают индивидуальный и коллективный субъект, с которыми все понятия (узлы) образуют эксплицированные авторами взаимосвязи. Сами узлы, как уже отмечалось, включают встроенные сети” [4, с. 10]. Не претендуя на сколь-нибудь подробный анализ достоинств и недостатков системно-сетевого подхода к структурированию научного знания, все же воспользуемся неоднократно высказывавшимся на страницах обсуждаемых статей приглашением авторов к дискуссии.

Обратимся к первому дискуссионному моменту, связанному с представлением о смене глобальных этапов теории и методологии научных исследований. Так, авторы используют идею М.С. Гусельцевой о том, “что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности

происходит переход от борьбы методологий в разных психологических школах к большей толерантности, когерентности исследований, поиску консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики” [2, с. 11]. Дискуссионным представляется не столько использование в отношении анализа развития психологии идеи смены научных эпох, сколько попытка включить психологическую науку в схему парадигмального и полипарадигмального анализа ее статуса как научной дисциплины. В теории и методологии психологии до сих пор открытым остается вопрос о правомерности признания ее как парадигмальной науки в классическом куновском понимании этой идеи.

Вместе с тем и не столь однозначным видится противопоставление плюрализма теорий психического единой теории психики. Ввиду специфических отношений советской психологии с официальной идеологией говорить о построении единой теории психического в истории отечественной психологии вряд ли представляется возможным. Да и в зарубежной психологии не все так однозначно. Поэтому вполне естественным будет задаться вопросом о том, что если единая теория психики не была построена ранее, то не вполне понятно, что может дать плюрализм теорий, кроме простого их множества. Речь, как нам представляется, должна идти не столько о поиске “единой теории психики”, сколько о необходимости единого понимания предмета психологической науки. При этом возможна формулировка настолько широкого предметного пространства науки, чтобы оно вместило в себя и множество теорий психического, и все многообразие понятийного пространства науки.

В рамках выбранной авторами обсуждаемого цикла статей методологии понимания эволюции науки отдельный интерес представляет характеристика ключевых тенденций развития современных психологических понятий. В качестве таковых авторами определены *междисциплинарность, интегративность, антиномичность и субъектность*. К сожалению, в рамках небольшого текста не представляется возможным обсудить интересную идею, однако хотелось бы обратить внимание на характеристику авторами степени сложности современных понятий и их организации. Авторы отмечают, что “сложность структурной организации современных понятий аналогична понятийным способностям экспертов, где сплав и интегрированность достигают такого уровня, на котором попытка дифференцированного выделения признаков приводит к потере сути и возможности эффективного

использования знания. Это, безусловно, не означает, что не могут быть выделены составляющие понятия, но свидетельствует о очень высоком уровне интегрированности, что осложняет данный процесс, с одной стороны, с другой — знаменует переход к иному типу организации понятийной структуры, а именно свернутому, сжатому, максимально интегрированному, и поэтому часто ускользающему от точных определений” [3, с. 12].

Именно в этом, на наш взгляд, и кроется одна из причин использования системно-сетевого подхода в изучении структурной организации понятийного пространства. Данный подход позволяет раскрыть сущность понятия не только через его анализ, но и посредством обращения к тем психологическим понятиям (более или менее высокого уровня), с которыми оно связано в гиперсети. Отметим, что такое понимание структуры психологических понятий и сути каждого элемента системы не лишено дискуссионности. Проблема, например, состоит в том, как осуществлять передачу знаний внутри психологического сообщества без потери сущностной характеристики понятий в условиях сетевой организации понятийного пространства? Представляется, что высокая степень дифференцированности компонентов понятийной системы неизбежно приведет к потере качественных характеристик понятий и возможной замене одних понятий другими.

Помимо этого, немаловажным остается вопрос передачи сущности психологических понятий в вертикальной системе организации подготовки научных кадров. Если использовать применяемую авторами аналогию с понятийными способностями эксперта, то дифференциация понятий до более простых конструкций для большего их понимания начинающими исследователями может привести к формулировке последними ошибочных суждений о сути самого понятия.

Конечно, высказанные нами суждения являются не менее дискуссионными. Однако необходимо обратить внимание, что системно-сетевой подход к анализу понятийного пространства психологической науки конкурирует сегодня с рядом других подходов. Можно говорить о набирающем популярность наукометрическом подходе к анализу использования психологических понятий в пространстве науки. В качестве примера можно привести исследования, в которых проводится наукометрический анализ отдельных психологических понятий [1], анализ отраслей психологического знания [8; 12] и др. Помимо этого, проводятся исследования, раскрывающие объяснительные возможности отдельных психологических понятий [11; 18] и др.

Безусловно, важным является реализуемый авторами *исторический подход*, бережное и внимательное рассмотрение работ предшественников в разработке проблемы (К.К. Платонова, Л.И. Анцыферовой, М.Г. Ярошевского, А.В. Петровского, В.А. Петровского, Я.А. Пономарева и др.). Однако жаль, что авторы не включили в их число инициатора обсуждения данной проблематики в новейшей истории отечественной психологии М.С. Роговина, в книге которого “Введение в психологию” целый раздел посвящен интеграции понятий [16]. В данной работе интеграция понятий тесно связывается с проблемой объяснения, что представляется и очень важным, и перспективным. Декларируемый некоторыми сторонниками сетевого подхода отказ от причинного объяснения вряд ли стоит полагать дальновидным, так как объяснение пока все же остается одной из основных функций науки.

Так или иначе, но насколько бы дискуссионными ни были представленные в обсуждаемых публикациях идеи, их авторы поднимают действительно актуальные для современной психологической науки темы. Ввиду этого можно высказать предложение о продолжении и развитии начатой ими дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н.* Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории “индивидуальность” в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 218–233.
2. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
3. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
4. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
5. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев,

- Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 5–63.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е., Виленская Г.А. Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия) // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 7–63.
 7. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е., Виленская Г.А. Системно-сетевая организация понятий современной психологии (вместо предисловия) // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 5–59.
 8. Зуев К.Б., Нестик Т.А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google) // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 671–697.
 9. Иванников В.А. О понятийном аппарате общей психологии // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 9–104.
 10. Мазилев В.А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 71–83.
 11. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Способности как объяснительное понятие в современной психологии // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 35–51.
 12. Моргунов А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 111–121.
 13. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
 14. Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
 15. Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
 16. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
 17. Федоров А.А. Типы научной рациональности в психологии: критика подходов // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 88–99.
 18. Холодная М.А. “Ментальный опыт” как объяснительное понятие в психологических исследованиях // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 135–161.

PROBLEMS OF RESEARCH OF ABILITIES IN MODERN RUSSIAN PSYCHOLOGY: IN SEARCH OF A NEW THEORY²

V. A. Mazilov*, Yu. N. Slepko**

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaia str., 108/1, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.*

E-mail: v.mazilov@yspu.org

***ScD (Psychology), Dean of the Faculty of Education.*

E-mail: slepko@inbox.ru

Received 15.11.2022

Abstract. The article discusses a series of studies by employees of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (2018–2022), carried out on the eve of the 50th anniversary of the Institute and dedicated to assessing the state of the scientific problems they study. Separately, there are considered publications in which the results of the development of basic concepts in the general theory of modern psychology, in its individual branches, in applied psychology are presented. It is argued that the research results presented in the publications are the most important theoretical and methodological cut of the actual problems of modern psychology. In addition, the wide range of studies presented in publications implements the most important

² The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

function of structuring the conceptual space of modern psychological science. The series of publications prepared by A.L. Zhuravlev and E.A. Sergienko, and devoted to a comprehensive assessment of the conceptual space of research carried out by the staff of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The system-network approach used by the authors to the analysis of the organization of modern concepts of psychology is considered. Its merits are highlighted and debatable questions are raised. It is argued that modern psychological science implements several approaches to the analysis of the conceptual space of psychological research — system-network, scientometric, subject, etc. Their advantages and limitations are highlighted.

Keywords: psychology, concepts, conceptual space, system-network approach, subject of psychology.

REFERENCES

1. *Eliseeva I.N., Oleinik Iu.N.* Naukometricheskii analiz kak metod izucheniia sostoianii i dinamiki nauchnogo napravleniia (na primere ispolzovaniia kategorii "individualnost" v nazvaniakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.). Metodologiya, teoriia, istoriia psikhologii lichnosti. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 218–233. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh poniatii v psikhologii. Chast I. Opyt sistematizatsii poniatii. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh poniatii v psikhologii. Chast II. Razrabotka sovremennykh poniatii uchenymi Instituta psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaia organizatsiia sovremennykh poniatii psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Vmesto vvedeniia. Sovremennye ponatiia v psikhologicheskoi nauke: popytka analiza. Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 5–63. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Harlamenkova N.E., Vilenskaia G.A.* Ponatiia sovremennoi psikhologii: sodержanie, vzaimosvazi, mesto v sisteme (vmesto predisloviia). Razrabotka poniatii v sovremennoi psikhologii. V. 2. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 7–63. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Harlamenkova N.E., Vilenskaia G.A.* Sistemno-setevaia organizatsiia poniatii sovremennoi psikhologii (vmesto predisloviia). Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. V. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova, G.A. Vilenskaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. P. 5–59. (In Russian)
8. *Zuev K.B., Nestik T.A.* Bibliometricheskii analiz razvitiia osnovnykh napravlenii psikhologicheskikh issledovaniy (po dannym WoS i statistike poiskovykh zaprosov Google). Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 671–697. (In Russian)
9. *Ivannikov V.A.* O poniatiiom apparate obshchei psikhologii. Voprosy psikhologii. 2018. № 3. P. 94–104. (In Russian)
10. *Mazilov V.A.* O psikhologicheskikh ponatiakh i metodologii psikhologii. Voprosy psikhologii. 2020. № 1. P. 71–83. (In Russian)
11. *Mazilov V.A., Slepko Iu.N.* Sposobnosti kak obiasnitelnoe poniatie v sovremennoi psikhologii. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 85. P. 35–51. (In Russian)
12. *Morgun A.N., Oleinik Iu.N., Zhuravlev A.L.* Instituttsionalnye faktory razvitiia otechestvennoi istorii psikhologii (na materiale RINTC). Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 1. P. 111–121. (In Russian)
13. Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
14. Razrabotka poniatii v sovremennoi psikhologii. V. 2. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
15. Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. V. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova, G.A. Vilenskaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. (In Russian)
16. *Rogovin M.S.* Vvedenie v psikhologiu. M.: Vysshiaia shkola, 1969. (In Russian)
17. *Fedorov A.A.* Tipy nauchnoi ratsionalnosti v psikhologii: kritika podhodov. Voprosy psikhologii. 2018. № 6. P. 88–99. (In Russian)
18. *Holodnaia M.A.* "Mentalnyi opyt" kak obiasnitelnoe poniatie v psikhologicheskikh issledovaniakh. Razrabotka poniatii sovremennoi psikhologii. V. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova, G.A. Vilenskaia. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. P. 135–161. (In Russian)

ДИСКУССИЯ

УДК 159.922.73

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПСИХОЛОГИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

© 2023 г. Н. В. Гришина*, С. Н. Костромина**

Санкт-Петербургский государственный университет;

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности.*

E-mail: n.v.grishina@spbu.ru; grinat07@gmail.com

***Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности.*

E-mail: s.kostromina@spbu.ru; lanank68@gmail.com

Поступила 12.01.2023

Аннотация. В условиях изменений современной реальности, приводящих к появлению новой феноменологии и новых понятий, входящих в научный дискурс психологии, возникает необходимость методологической рефлексии, уточнения предметного поля, понятийного и категориального аппарата психологической науки. Предметом статьи является обсуждение работ А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко, посвященных анализу понятийного аппарата психологической науки. Исходя из того что на современном этапе развития психологического знания прежних координат рассмотрения психологических понятий недостаточно и обращаясь к принципам построения системы психологических понятий, сформулированных классиками отечественной психологии, авторы предлагают системно-сетевой принцип описания понятийного аппарата. Масштабность поставленной авторами задачи не предполагает простых и однозначных решений. Логика современного методологического анализа психологических понятий должна быть сопряжена с пониманием современного мира как неопределенного, изменчивого, незавершенного, избыточного и разнообразного. На основе обсуждения методологических предложений А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко формулируются актуальные задачи развития — разработка универсальных критериев систематизации психологических понятий, создание универсального алгоритма их описания, что позволит внести строгость в формирование понятийного аппарата за счет более корректного определения статуса новых понятий, вводимых в научный дискурс, равно как и использования понятий смежных наук и др. Решение этих и других задач по уточнению понятийного аппарата и категориального строя современной психологии может стать существенным вкладом в отечественную психологическую науку.

Ключевые слова: понятийный аппарат психологии, методологический анализ, систематизация психологических понятий, системно-сетевой принцип.

DOI: 10.31857/S020595920026161-3

Прошедшие десятилетия XX в. стали временем становления психологической науки с ее мощной современной инфраструктурой, охватывающей практически все сферы жизнедеятельности человека, с множеством теорий, концепций, объяснительных подходов, диагностическим инструментарием, прикладными областями и развитой практикой психологической работы. Однако изменения современной реальности порождают новые вызовы для психологической науки — появляются новая феноменология, новые понятия, входящие в научный дискурс психологической науки, наконец новые практические задачи, связанные как с решением прикладных проблем, так и с психологической работой с людьми.

Помимо поиска ответов на конкретные актуальные запросы, возникающие по отношению к современной психологии, вызванные новыми реалиями современного мира, перед психологией встают и более масштабные задачи, связанные с ее “самоопределением” в новых условиях.

Эта задача представляется тем более значимой, что для современной психологической науки характерно явное преобладание эмпирических исследований, что подтверждается анализом материалов международных психологических конгрессов и конференций и публикаций в ведущих зарубежных и отечественных журналах. Данная тенденция усиливается возможностями современных технологий, позволяющих оперировать большими

базами эмпирических данных. Очевидно, однако, что само по себе “накопление фактов” не может обеспечить существенное продвижение психологической науки, поскольку вне теоретических рамок их обоснования остается непонятным, на какие вопросы эти данные отвечают. В свое время один из крупнейших методологов XX в. Курт Левин категорически возражал против превращения психологии в собирание эмпирических фактов. На это с не меньшей остротой обращают внимание и современные ученые, по мнению которых психология становится заложницей информационного шума, данных, собираемых и накапливаемых ради самих данных, что зачастую лишь затрудняет понимание исследуемых проблем и не способствует их решению [14, с. 5].

Необходимость методологической рефлексии, поиска теоретически релевантных ответов на задачи развития психологии в современных условиях, актуальность задачи обсуждения базовых основ психологии, в том числе уточнения ее предметного поля, понятийного и категориального аппарата, все более ощущается отечественной наукой [2].

В течение длительного времени коллектив ученых Института психологии РАН ведет работу над данной тематикой, результатом которой стал трехтомный труд “Разработка понятий современной психологии” (2018–2021) [12]. Его продолжением стала серия статей А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко, в которой осуществляется дальнейший анализ понятийного аппарата психологической науки [6–8].

Справедливое замечание авторов о том, что изменение представлений о понятийной системе влечет за собой переход к новому типу научной рациональности — рациональности метамодерна [6, с. 6], определяет постановку вопроса о подходах, которые могут быть использованы для анализа и систематизации понятий психологической науки на современном этапе ее развития. Ответ на него открывает обращение к богатому наследию отечественной психологии, к работам К.К. Платонова, М.Г. Ярошевского, А.В. Петровского, Я.А. Пономарева, Л.И. Анциферовой и др. Ценность этой части публикации — в актуализации классических принципов построения системы психологических понятий, до сих пор выполняющих свою аналитическую функцию. Так, дихотомия “общее (общепсихологические) — частное (частнопсихологические)”, предложенная К.К. Платоновым для оценки объема понятий, позволяет выделить “смысловые гнезда” — тезаурус отдельных психологических наук, а введенные им исторический и генетический принципы описывают их иерархическое соотношение через

взаимосвязь и взаимообусловленность уровней. В работах М.Г. Ярошевского и А.В. Петровского можно увидеть, как историко-генетический принцип преломляется в едином пространстве природы и социума — координатах биосферы и ноосферы, задавая структуру понятийной сетки психологической науки (психосферы) через уровневые плеяды (биоцентрические, протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и социоцентрические) и кластеры категорий.

Системное построение понятийного аппарата психологии по принципу категориальной сетки позволило отечественным психологам в свое время не только выделить классы психологических конструктов, но и показать их связанность, взаимообусловленность и иерархичность развития. В то же время структурно-функциональная организация разработанной системы категорий обладала определенной статичностью и предполагала свое расширение за счет уточнения элементов сетки при сохранении принципов взаимосвязи категорий. Такой подход к анализу и систематизации понятий во многом определялся методологией классической рациональности, в значительной степени подчиняющейся идеям матричного построения с центрацией на объекте (целое), стратегиях его фрагментации (части) и способах уровневой организации (отношений) частей, компонентов и элементов.

Ограничения категориальной сетки достаточно явны, поскольку при описании сложных систем они оставляют за ее рамками парадоксальные или не укладывающиеся в заданные параметры конструкты. Поэтому следующий шаг в развитии понятийной системы психологии во многом оказался связан с динамическим взглядом на такие построения. Обращение Я.А. Пономарева [10] к идеям *трансформации* этапов развития системы и функциональным ступеням развивающих взаимодействий позволило разработать концептуальную схему этапов развития психологического знания. В работах Т.В. Зеленковой [5] и Е.А. Сергиенко [13] речь идет об интегративных процессах в ходе самоорганизации психологического знания, отражающих *эволюцию* понятийной системы психологии, ее переход от иерархических систем к сетевым и холярхическим — сложным открытым саморазвивающимся системам. Об этой открытости в свое время говорила Л.И. Анциферова [1], описывая связь психологии с другими науками, которая реализуется в том числе через переход общенаучных конструктов (время, пространство, возможность, развитие, непрерывность и др.) в психологический дискурс. Т.Д. Марцинковская [11] использует метафору “сети” и “невода”,

подчеркивая не только многомерность построения психологического знания, но и принципы встраивания новых категорий в систему знаний.

Этот этап методологических построений трудно отнести к неклассическому типу рациональности, опирающемуся на идеи саморегуляции и обратной связи, но он однозначно свидетельствует о потребности в новых схемах теоретико-методологического построения категориальной системы психологии, контуры которой прослеживаются в понимании ее открытости, структурной изменчивости (эволюционности), самоорганизации и пластичности. В некотором роде можно сказать, что психология “проскочила” этап неклассической рациональности, перейдя от классических построений понятийного ряда сразу к постнеклассическому, где ключевым моментом выступает описание структурной организации элементов через их способность порождать в своем развитии новые уровни и перестраивать прежние. Примером таких построений может служить активная разработка процессуального подхода в психологии личности [3], опирающаяся на принципы существования неравновесных систем и философию нестабильности И. Пригожина, а также преодоление бинарных оппозиций (гомеостаз—гетеростаз, стабильность—изменчивость, элементаризм—холизм и др.), длительное время доминировавших в представлениях о природе человека.

В значительной степени происходящий “методологический скачок” обусловлен, с одной стороны, наследием отечественной психологии, опирающимся на традиции методологической рефлексии и осмысление логики психологического знания прошлого, сохраняющего свою актуальность до сих пор. Как следствие, принципы построения понятийной системы психологии на основе описания иерархической организации элементов, связанности конструктов, их соотношения в понятийной сетке, смысловой группировки с выделением так называемых “гнезд”, довольно органично ложатся в оптику пост- и метамодерна, превращающего стратегию “или/или” в принцип “и/и”, подразумевающего взаимопроникновение теории и практики в психологии, интеграции и дифференциации знания, естественнонаучных и гуманитарных ориентаций в науке [4, с. 332]. С другой стороны, современное состояние психологического знания, которое сами авторы описывают как характеризующееся “большой неопределенностью, размытостью границ, субъектностью содержания, многослойностью с зачастую перекрывающимися друг друга полями понятий” [6, с. 6], есть отражение процессов децентрализации научного знания, его открытости,

перетекания из одной области в другую, порождения внутри себя новых понятийных конструктов, выпадающих из иерархизированной структуры и обладающих свойствами разных реальностей.

Как следствие, логика современного методологического анализа психологических понятий не может не быть сопряжена с пониманием современного мира как неопределенного, изменчивого, незавершенного, избыточного и разнообразного. Как множествен и непредсказуем мир в своей “цветущей сложности” (К. Леонтьев), так многогранно и бесконечно в своем развитии психологическое знание, которое постоянно самообновляется и порождает себя в новых формах и вариантах. Поэтому сама постановка вопроса о необходимости вернуться к системному анализу перманентно эволюционирующего понятийного ряда психологии на современном этапе ее развития является в сложившихся условиях масштабной и амбициозной задачей. И очевидно, что она не может быть решена быстро и легко. Цель авторов в том числе состояла в вовлечении широкого круга научного сообщества в решение этих задач; как отмечают они сами, “проведенный анализ понятий современной психологии — это приглашение к дискуссии” [7, с. 5].

Здесь не может быть простых и однозначных решений, поскольку необходимо учесть сразу несколько важных тенденций, характерных для пост- и метамодернистской рациональности: разрушение имеющихся стереотипов, смешение и интеграцию стилей, противоречивость идей и совмещение несовместимого, относительность понятий, множественность точек зрения на одну и ту же проблему и т.д. Авторы делают первый шаг к решению этой сложной в своей масштабности задачи, выбирая в качестве основного подхода сетевой анализ, одновременно сохраняя преемственность в психологии (категориальная сетка, системный принцип), но при этом отказываясь от идеи жесткой детерминации и иерархических отношений при описании понятийной системы психологии. На первый план выходят координационные и сетевые связи, что открывает доступ для включения в понятийный ряд конструктов из других областей, а также аргументирует междисциплинарный статус значительной части используемых самой психологией понятий. Кроме того, системно-сетевой принцип описания позволяет перейти от смысловых “гнезд” — тематических тезаурусов к проблемно ориентированному типу построения и осуществления научного поиска, объяснить сосуществование феноменов объективной и субъективной реальности (например, поведенческих паттернов и переживаний,

опирающихся на разные исследовательские парадигмы и методы изучения). При таком описании “ахиллесова пята” психологии — ее дисциплинарная раздробленность — обретает очертания целостной области знаний, поскольку понятийный ряд избавляется от своей привязки к уровневой организации (например, индивид, субъект, личность или биосфера/ноосфера) и принципа “от общего к частному” (фундаментальное знание — прикладное), а фокус внимания переносится с “элементов” понятийной системы на взаимосвязи и отношения между ними [9]. Не так важно, что первично, личность или деятельность, гораздо большее значение имеет то, как эти понятия связаны, в каких отношениях находятся и какие новые элементы (понятия) порождаются этими отношениями.

Значимой характеристикой сетевого принципа организации (в том числе и системы понятий) является его децентрализация — отсутствие управляющего центра, но это не означает, что не может быть “организующего звена”. Его место не задано. Понятийная сеть постоянно находится под влиянием изменяющейся психологической феноменологии, приводящей к появлению новых явлений и необходимости встраивания новых конструкторов. Их появление изменяет структуру связей. Степень такого влияния может быть различной и зависеть от множества факторов, но чем значительнее явление, тем больше его потенциальное влияние на понятийную систему. Внешне оно может выглядеть как “модный тренд” в психологических исследованиях, сопровождающийся взрывом публикаций на определенную тему. В этом случае новый “модный” конструктор (элемент) становится “организующим началом”, вокруг которого формируется новое проблемное поле, а система имеющихся между понятиями взаимосвязей переструктурируется. Понятийная доминанта может оказаться недолговечной и вскоре сместиться на периферию понятийной сети или вообще выпасть из нее. Но связность элементов (категорий и понятий) продолжит обеспечивать устойчивость понятийной системы за счет нелинейности отношений, прямых и обратных проекций.

Не углубляясь в возможности использования сетевого подхода для анализа и систематизации психологического знания, уточним, что в рассматриваемых статьях он выступает скорее как предложение к решению проблемы упорядочивания психологических понятий и категорий на современном этапе развития психологии. Слишком масштабна и сложна поставленная задача. На этом этапе авторы ограничиваются сопоставлением системного

и сетевого принципов организации психологического знания, а также приводят в качестве примера схему сетевой организации некоторого ряда понятий [12], выделяя метапонятия (гиперсети), сами понятия, являющиеся по своей организации встроенными сетями, и описывая их внутреннюю связанность. Пока за пределами внимания оказываются наиболее значимые объяснительные принципы пост- и метамодерна — идея эволюции понятийной системы. Причем не только в ее самовоспроизведении, но и в самообновлении (воспроизводстве на новом уровне в ходе познания и усложнения) и в самопорождении (создании новых понятий и отношений между ними), изменения системного качества в процессе развития структуры психологического знания, его подвижность и вариативность (многоликость), пространственно-временные характеристики понятийной психологической системы, механизмы появления новых понятий, отражающие текущие изменения и разнообразие взглядов на один и тот же конструктор или смешение взглядов.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что какие бы плодотворные идеи в отношении разработки понятийного аппарата и категорий психологии ни предлагались на разных стадиях развития отечественной психологической науки, сегодня прежних координат рассмотрения психологических понятий недостаточно.

В качестве возможных направлений разработки методологических оснований формирования системы психологических понятий и категорий необходимо уточнение критериев их упорядочивания. Разработка универсальных критериев позволила бы не только обозначить основания систематизации, но и могла бы быть использована для анализа научного дискурса отдельных областей психологии с возможным последующим сравнением и соотношением с понятийным и категориальным аппаратом всей психологической науки.

Создание универсального алгоритма описания психологических понятий является актуальной задачей в силу увеличения числа новых понятий, которые сегодня появляются в психологии для описания психологической феноменологии и претендуют на терминологический статус в науке. В ряде случаев речь идет скорее о новых вариациях (самообновлении) известных феноменов, но исследователи нередко предпочитают давать им “авторские” обозначения. Принятые критерии соответствия понятий обозначаемой ими феноменологии позволят не только внести строгость в формирование понятийного аппарата, но и более корректно определять статус вводимых понятий в психологической науке.

Аналогичные проблемы возникают и при использовании психологической наукой понятий, относящихся к другим областям научного знания или общественной практики, которые прямо не могут рассматриваться как психологические понятия. Например, в приводимой в статье сетке понятий фигурирует понятие “счастье”, которое, однако, не является психологическим понятием. И это далеко не единичный случай, когда психология “присваивает” себя “чужие” понятия или, как в данном случае, слова из обыденной лексики. Речь не идет о запрете на ее использование в профессиональном языке, многие психологические понятия имеют свои аналоги в обыденном языке или прямо используются им. Скорее речь опять-таки идет о критериях, на основании которых то или иное общепотребительное понятие претендует на место в профессиональной системе понятий.

Другой вышеупомянутый аспект этой проблемы связан с использованием психологией терминов или понятий, имеющих междисциплинарный или трансдисциплинарный характер. В качестве примера можно привести понятие контекста, которое используется современной психологией, но может быть скорее отнесено к общенаучным категориям. Это понятие, как известно, изначально принадлежало литературоведению и относилось к письменным текстам, однако в последние десятилетия фактически входит в общегуманитарный дискурс и активно используется в самых различных областях гуманитарного знания.

Понятие контекста оказалось чрезвычайно востребовано современной психологией, поскольку оно позволило заполнить “белое пятно” в пространстве психологических понятий. На начальных этапах классическая психология для обозначения окружающего индивида мира обходилась понятием среды. По мере развития эмпирических исследований оно редуцировалось до более конкретного понятия ситуации, которое становится основным в психологии XX в. Однако уже в конце прошлого века и тем более в первые десятилетия нынешнего становится очевидной ограниченность этого понятия, описывающего взаимодействие индивида с конкретными условиями его жизни или деятельности. Современный человек сегодня фактически находится в постоянном взаимодействии, а зачастую и в постоянном диалоге с окружающим миром, и его отношения с ним уже не могут быть описаны ни понятием среды, ни понятием ситуации. Отсюда и широкое использование современной психологией понятия контекста, которое соответствует описанию той реальности, в которой существует человек. Психологическое содержание

понятия контекста (что и наделяет его существенным эвристическим потенциалом) связано с его смыслообразующей функцией. Соответственно, включение этого понятия в описание жизнедеятельности индивида позволяет увидеть более широкие основания его активности, мотивации, психологического благополучия и т.д., построить объяснительные модели, адекватные всему многообразию жизнедеятельности человека. Однако, если обратиться к проблемам формирования понятийного аппарата в психологии, каков статус понятия “контекст” в современной психологической науке, в ее категориальном строе? Мы вновь возвращаемся к проблеме критериев оценки психологических понятий, необходимости разработки алгоритмов их описания.

Учитывая особое место психологии в системе человекознания, междисциплинарный и трансдисциплинарный характер современной науки, стоит ожидать расширения понятийного аппарата психологии за счет понятий и концептов из других областей знания. В этой связи поставленные задачи — разработки алгоритмов описания психологических понятий, критериев их систематизации, равно как и критериев/требований, предъявляемых к самим этим понятиям, — представляются весьма актуальными.

Предложенный в серии статей А.Л. Журавлевым и Е.А. Сергиенко подход, опираясь на богатое наследие отечественной психологической науки, обладает несомненным эвристическим потенциалом, позволяющим не только искать ответы на поставленные вопросы, но и — что придает ему особую ценность — ставить новые задачи, решение которых может стать существенным вкладом в отечественную психологическую науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Материалистическая диалектика и психологическая наука (Вместо предисловия) // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 3–21.
2. *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1.
3. *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
4. *Гусельцева М.С.* Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения

- субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 327–340.
5. *Зеленкова Т.В.* Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 332–367.
 6. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
 7. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
 8. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
 9. *Костромина С.Н.* Классический “парадокс личности”: есть методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30.
 10. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
 11. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
 12. Разработка понятий современной психологии: В 3 т. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018–2021.
 13. *Сергиенко Е.А.* От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 308–331.
 14. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer, 2017.

TO THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF PSYCHOLOGY: FROM THE PAST TO THE FUTURE

N. V. Grishina*, S. N. Kostromina**

St. Petersburg State University;

199034, St. Petersburg, nab. Makarova, 6, Russia.

**Doctor of Psychology, Professor of Personality Psychology Department.*

E-mail: n.v.grishina@spbu.ru; grinat07@gmail.com

***Doctor of Psychology, Head of Personality Psychology Department.*

E-mail: s.kostromina@spbu.ru; lanank68@gmail.com

Received 12.01.2023

Abstract. In the context of changes in modern reality, leading to the emergence of a new phenomenology and new concepts included in the scientific discourse of psychology, there is a need for methodological reflection, clarification of the subject field, conceptual and categorical apparatus of psychological science. The subject of the article is a discussion of the works of A.L. Zhuravleva and E.A. Sergienko devoted to the analysis of the conceptual apparatus of psychological science. Based on the fact that at the present stage of development of psychological knowledge, the previous coordinates of considering psychological concepts are not enough, and referring to the principles of constructing a system of psychological concepts, formulated by the classics of Russian psychology, the authors propose a system-network principle for describing the conceptual apparatus. The scale of the tasks set by the authors does not imply simple and unambiguous solutions. The logic of the modern methodological analysis of psychological concepts should be associated with the understanding of the modern world as indefinite, changeable, incomplete, redundant and diverse. Based on the discussion of the methodological proposals of A.L. Zhuravleva and E.A. Sergienko, the article formulates the actual tasks of their development — the creation of universal criteria for the systematization of psychological concepts and a universal algorithm for their description, which will make it possible to introduce rigor into the formation of the conceptual apparatus due to a more correct determination of the status of new concepts introduced into scientific discourse, as well as the use of related concepts sciences, etc. The solution of these and other tasks

to clarify the conceptual apparatus and categorical structure of modern psychology can become a significant contribution to domestic psychological science.

Keywords: conceptual apparatus of psychology, methodological analysis, systematization of psychological concepts, system-network principle.

REFERENCES

1. *Anczy'ferova L.I.* Materialisticheskaya dialektika i psikhologicheskaya nauka (Vmesto predisloviya). Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psikhologii. Ed. L.I. Anczy'ferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 3–21. (In Russian)
2. *Grishina N.V., Kostromina S.N.* Psihologiya lichnosti: pereosmyslenie tradicionnykh podhodov v kontekste vyzovov sovremenности. Psihologicheskie issledovaniya. 2017. V. 10. № 52. P. 1. (In Russian)
3. *Grishina N.V., Kostromina S.N.* Processual'nyy podhod: ustojchivost' i izmenchivost' kak osnovanie celostnosti lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 39–51. (In Russian)
4. *Gusel'ceva M.S.* Metamodernizm v psikhologii: novye metodologicheskie strategii i izmeneniya sub"ektivnosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. 2018. V. 8. № 4. P. 327–340. (In Russian)
5. *Zelenkova T.V.* Integrativnye tendencii v razvitiі psikhologii: ot monologa k polilogu // Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 332–367. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' I. Opyt sistemizatsii ponyatij. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' II. Razrabotka sovremennykh ponyatij uchenymi Instituta psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizatsiya sovremennykh ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
9. *Kostromina S.N.* Klassicheskij "paradoks lichnosti": est' metodologicheskie osnovaniya dlya resheniya? Novye psikhologicheskie issledovaniya. 2021. № 2. P. 7–30. (In Russian)
10. *Ponomarev YA.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
11. *Marcinkovskaya T.D.* Problema socializatsii v istoriko-geneticheskoy paradigme. Moscow: Smysl, 2015. (In Russian)
12. Razrabotka ponyatij sovremennoy psikhologii: V 3 t. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018–2021. (In Russian)
13. *Sergienko E.A.* Ot differentsiatsii k integratsii podhodov i kategorij v sovremennoy psikhologicheskoy znaniy. Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 308–331. (In Russian)
14. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer, 2017.

УДК 159.9:061.2/3

ТРАНСМИССИЯ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ЭПОХУ ТРАНЗИТИВНОСТИ: ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

© 2023 г. В. Ю. Хотинец*, О. В. Кожевникова**

*Удмуртский государственный университет;
426008, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Россия.*

**Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии.
E-mail: khotinets@mail.ru*

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.
E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com*

Поступила 06.01.2023

Аннотация. Представлены результаты обсуждения трансдисциплинарных проблем передачи культурного опыта растущему поколению, использования инновационных технологий в психологической практике, выбора образовательных стратегий в современной социокультурной ситуации на Международной научно-практической конференции “Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности”, организованной Удмуртским государственным университетом (г. Ижевск) 15–18 ноября 2022 г. По результатам конференции отмечается необходимость разработки новых научных подходов к решению поставленных проблем в целях сохранения молодого поколения в эпоху глобальных геополитических и социокультурных трансформаций, изучения новой социальной ситуации развития человека в условиях сетевой организации общества с неоднородным поколением и разнонаправленной межпоколенной трансмиссией. В современной науке и психологической практике одной из наиболее обсуждаемых является проблема цифрового разрыва между различными поколениями, осложнения межпоколенных отношений. В условиях цифровизации перед системой образования стоит важная задача, связанная с разработкой новых технологий социализации растущего поколения, направленных на согласование современных техногенных ценностей мировой цивилизации и непреходящих традиционных ценностей народов России, служащих консолидации современного поликультурного российского общества. Конференция, приуроченная к 30-летию психолого-педагогического образования в Удмуртском государственном университете, проводилась в 2022 г., объявленном Главой Удмуртской Республики Годом образования Удмуртии.

Ключевые слова: международная конференция, трансмиссия культурного опыта, межпоколенные отношения, перспективные направления исследований.

DOI: 10.31857/S020595920026162-4

Международная научно-практическая конференция “Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности”, приуроченная к 30-летию психолого-педагогического образования в Удмуртском государственном университете (Ижевск), была проведена в смешанном (онлайн, дистанционном (видеоклады) и очном) формате 15–18 ноября 2022 г. при поддержке Министерства образования и науки Удмуртской Республики, Российского психологического общества и Лиги преподавателей высшей школы. Целью конференции стало профессиональное обсуждение актуальных трансдисциплинарных проблем передачи культурного опыта растущему поколению,

использования инновационных технологий в психологической практике, выбора образовательных стратегий в современных условиях нестабильной реальности. В конференции приняли участие более 400 специалистов из Российской Федерации, Беларуси, Ирака, КНР, Узбекистана, ЮАР, представляющих органы власти, научно-исследовательские организации, учреждения дошкольного, среднего, среднего специального, высшего, дополнительного образования, центры психологического и психолого-педагогического сопровождения населения.

В рамках **первой секции** рассматривался широкий диапазон вопросов, связанных с культурной

трансмиссией в мире множественной (Е.А. Зиброва, Йоханнесбург, ЮАР) и постидентичности (В.Ю. Рубцова, Ижевск), порожденных трансгуманизацией языка и сознания в ответ на хрупкость внешнего мира (И.В. Родин, Москва), спецификой функционирования субъекта в контексте виртуальной реальности и киберпространства цифровых коммуникаций (Д.С. Быльева, Санкт-Петербург; Д.Ш. Ражабова, Хива, Узбекистан; Л.А. Сабурова, Ижевск), разрывом межпоколенных отношений (А.В. Жидченко, Москва; Ю.М. Рахманова, Ургенч, Узбекистан), интенсификацией межэтнического взаимодействия на фоне усиления миграционных процессов (М.К.А. Аль Гаррави, Басра, Ирак; Н.В. Бибарсова, М.Г. Голубева, С.В. Мерзлякова, Астрахань; Мо Цимань, Чунцин, КНР; В.В. Пономарев, Салехард; Цой Гунвон, Москва), трансформацией традиционных культурных ценностей (Е.Н. Баженов, Глазов, Удмуртская обл.; С.В. Гусарова, Москва; У.Р. Тажиева, Ургенч, Узбекистан). В докладе В.Ю. Хотинец (Ижевск) были проанализированы тенденции и перспективы психологических исследований полилингвального опыта. Ю.В. Бекреева (Минск, Беларусь) предложила лингвистические инструменты изучения национально-государственной идентичности. О.В. Кожевникова (Ижевск) описала результаты применения методов экспериментальной психосемантики, используемых для выявления конструкторов сознания индивидуального и коллективного субъекта. Ю.О. Новгородова (Ижевск) рассмотрела би- и полилингвизм в качестве ресурса личности в современном образовательном пространстве. Санникова О.В. (Ижевск) подчеркнула необходимость интеграции естественнонаучной и гуманитарной культур в содержании образования в целях обращения будущего специалиста к ценностно-смысловой определенности оснований его профессиональной деятельности.

Обсуждение вопросов формирования субъектного потенциала поколения будущего в системе современного образования было продолжено на **второй секции**. В.Л. Бенин (Уфа) акцентировал внимание на важности философского осмысления вопросов образования в эпоху глобальных изменений и неопределенности. А.А. Баранов (Ижевск) обозначил актуальность концептуальной трансформации программы подготовки педагогов-психологов в целях соответствия новым вызовам и рискам. Г.Е. Соловьев (Ижевск) подчеркнул важность учета зарубежного опыта в процессе сопровождения обучающихся в переходные жизненные периоды. В рамках тематических площадок активно обсуждались вопросы цифровизации образования, актуализирующей проблему цифрового разрыва

поколений (Н.Ю. Ерофеева, Ижевск; Л.А. Колыванова, Самара; Е.Н. Кролевецкая, Белгород; А.И. Мезенцева; А.Г. Михайлова, Севастополь); формирования исследовательского потенциала (Г.В. Макотрова, Белгород), проектной культуры (И.А. Дегтярева, А.А. Шаропова, Омск; Е.Н. Дятлова, Самара; М.В. Луканина, Москва), финансовой грамотности и предпринимательских способностей субъектов образовательных отношений (Н.А. Баранова, Т.М. Банникова, О.М. Немцова, Ижевск; А.Б. Чумакова, Ижевск).

Третья секция была посвящена рассмотрению возможностей психологической практики в трансформации процессов социализации и презентации инновационных технологий в практической деятельности психолога. П.А. Кисляков (Москва), А.-Л.С. Мейерсон, Е.А. Шмелева (Иваново) обозначили ограниченность адаптационных возможностей психики в условиях общества риска и катастроф, в связи с чем была отмечена необходимость поиска альтернативных моделей саморегулирования субъекта (К.Ю. Строкова, Ижевск) для преодоления кризисных переживаний на основе совершения осознанного выбора (А.П. Кузнецова, Ижевск), поиска смысла жизни (Я.С. Сунцова, Ижевск), достижения личностной автономии (Т.В. Шрейбер, Ижевск) с помощью новых техник танцевально-двигательной терапии (И.В. Митус, А.В. Йилмаз, Майкоп), приемов арт-терапии (Е.А. Молчанова, Ижевск), телесных практик (С.А. Вьюжанина, Ижевск). Специфика межпоколенного взаимодействия в процессе семейной и школьной социализации анализировалась в контексте перцептивной составляющей родительно-детских отношений на примере приемных и биологических матерей (А.А. Стреленко, Витебск, Беларусь), психологических особенностей современных первоклассников (О.Е. Мухордова, Ижевск), эмоциональной коммуникации в семьях подростков, склонных к аддитивному поведению (Р.К. Махмутова, Ижевск). Особое внимание было уделено проблеме вооруженных нападений в учебных учреждениях (скул-шутинга): А.В. Фефилов (Ижевск) указал на необходимость всестороннего междисциплинарного изучения факторов, провоцирующих аномалии поведения и мышления, последствиями которых становятся антисоциальные деяния. А.Ю. Внутских (Пермь) отметил, что на сегодняшний день не имеется эффективных программ превенции подобных преступлений, порождаемых в том числе деструктивной трансгрессией субъекта виртуальной коммуникации.

В студенческой (<https://vk.com/interstud2022>) и школьной (<https://vk.com/interschool2022>) секциях

было представлено более 30 видеодокладов по широчайшему диапазону вопросов в рамках общей тематики конференции. Большой отклик у педагогов, психологов-практиков и студентов получили мастер-классы, практикумы и круглые столы, в ходе проведения которых были представлены эффективные технологии и техники коррекционной работы с детьми с ОВЗ, проанализированы цели и приоритеты мультикультурной практики в современном образовании.

По результатам работы секций содержательные итоги конференции выразим в трех обобщениях, раскрывающих перспективные направления в научной и практической деятельности психологов и педагогов.

Первое. Проблема межпоколенных отношений с нарастающей напряженностью в деструктивировании всей системы культурно-исторического наследования человеческого сообщества в новой социокультурной ситуации обретает принципиально новые грани актуальности. Возникает необходимость разработки новых научных подходов к решению этой проблемы в целях сохранения молодого поколения в эпоху глобальных геополитических и социокультурных трансформаций, понимания усилившейся функциональной нагрузки на человека как реального, действующего субъекта в решении конкретных и сложных задач будущего, изучения новой социальной ситуации развития человека в условиях сетевой организации общества с формирующимся меж- и внутривнутрипоколенным взаимодействием, осознания субъектного потенциала человека будущего с учетом эпохальных трендов физиологического и психического развития.

Второе. В современной науке и психологической практике одной из наиболее обсуждаемых является проблема цифрового разрыва между различными поколениями, осложнения межпоколенных отношений. Ключевым становится вопрос, насколько семейная экосистема как важнейший агент социализации растущего человека и современная цифровая культура согласуются друг с другом, обеспечивая психическое развитие и личностное становление современного ребенка? В традиционной семейной практике старшее поколение

культивирует сакраментальные ограничительные ценности локального культурного домена, тогда как цифровой мир выводит ребенка из объективной жизни в мир дополненной реальности и искусственного интеллекта со свободными правилами беспрепятственного существования. Вызовы современного непостижимого и нелинейного мира усиленно требуют от растущего человека так называемой антихрупкости, сверхактивности в достижении успеха, толерантности к неопределенности, изменчивости и противоречивости контекста жизнедеятельности.

Третье. Современная постиндустриальная префигуративная культура (М. Мид) отличается транзитивностью и текучестью реальности с неоднородным поколением в синхроническом и диахроническом срезах и разнонаправленной межпоколенной трансмиссией с весомой прерогативой у социализирующихся. Перед системой образования в условиях цифровизации стоит важная задача, связанная с разработкой новых технологий социализации растущего поколения, с одной стороны, направленных на сохранение традиционных ценностей народов России, служащих установлению и поддержанию групповой сплоченности и единения, духовности в экзистенциальном и профессиональном контекстах, консолидации современного поликультурного российского общества, и формирование техногенных ценностей современной мировой цивилизации, с другой.

Работа конференции освещалась на сайте <https://conf.udsu.ru/conference/transmission2022>, по итогам работы конференции опубликован сборник тезисов [1], включенный в РИНЦ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности: сборник тезисов докладов: Материалы международной научно-практической конференции “Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности”, 15–18 ноября 2022 г., Ижевск / Под ред. О.В. Кожениковой, В.Ю. Хотинца. Ижевск: Изд. центр “Удмуртский университет”, 2022. 275 с.

TRANSMISSION OF CULTURAL EXPERIENCE AND SOCIAL PRACTICES IN THE AGE OF TRANSITIVITY: THE OUTCOME OF AN INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

B. Y. Khotinets^{*}, O. V. Kozhevnikova^{}**

Udmurt State University;

426008, Izhevsk, Universitetskaya str., 1, Russia.

^{}ScD (Psychology), Professor, Head of General Psychology Chair.*

E-mail: khotinets@mail.ru

^{**}PhD (Psychology), Associate Professor, General Psychology Chair.

E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com

Received 06.01.2023

Abstract. The results of the discussion of transdisciplinary problems of cultural experience transfer to the growing generation, the use of innovative technologies in psychological practice, the choice of educational strategies in the current socio-cultural situation at the International Research and Practice Conference “Transmission of Cultural Experience and Social Practices in the Age of Transitivity” organized by the Udmurt State University (Izhevsk) on November 15–18, 2022 are presented. As a result of the conference, the need to develop new scientific approaches to address the issues raised in order to preserve the young generation in an era of global geopolitical and socio-cultural transformation, to study the new social situation of human development in a network society organization with a heterogeneous generation and multidirectional intergenerational transmission is noted. One of the most debated issues in contemporary science and psychological practice is the digital gap between different generations, the complication of intergenerational relations. In the context of digitalisation, the education system is faced with the important task of developing new technologies for socialization of the growing generation, aimed at harmonizing the modern technogenic values of world civilization with the timeless traditional values of the peoples of Russia, serving to consolidate modern multicultural Russian society. The conference, marking the thirtieth anniversary of psycho-pedagogical education at Udmurt State University, took place in 2022, declared the Year of Education in Udmurtia by the Head of the Udmurt Republic.

Keywords: international conference, transmission of cultural experience, intergenerational relations, promising areas of research.

REFERENCES

1. Transmissija kul'turnogo opyta i social'nyh praktik v jepohu tranzitivnosti: sbornik tezisov dokladov: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii

“Transmissija kul'turnogo opyta i social'nyh praktik v jepohu tranzitivnosti”, 15–18 nojabrja 2022 g., Izhevsk / Pod red. O.V. Kozhevnikovoj, V. Ju. Hotinec. Izhevsk: Izdatel'skij centr “Udmurtskij universitet”, 2022. 275 p. (In Russian).

УДК 159.9:061.2/3

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ”

© 2023 г. В. В. Константинов

*Пензенский государственный университет;
440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Россия.*

**Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru*

Поступила 12.05.2023

Аннотация. 24–25 марта 2023 г. состоялась Седьмая международная научно-практическая конференция “Актуальные проблемы исследования массового сознания”. Организаторами выступили Пензенский государственный университет и Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынова (Казахстан). Работа конференции была организована в гибридном формате — очно и онлайн. Участники обсудили ключевые вопросы, связанные с проблемным полем массового сознания, сделав акцент на многоуровневости и противоречивости данного феномена. По итогам работы конференции был опубликован сборник материалов, раскрывающий широкий спектр исследований современных психологов в области психологии массового сознания.

Ключевые слова: массовое сознание, личность, группа, международная конференция.

DOI: 10.31857/S020595920026163-5

Конференция включала пленарное заседание и работу двух секций — “Личность и группа в экстремальных условиях жизнедеятельности” и “Психологические и социальные механизмы продвижения мировоззренческих установок” и круглого стола “Антропологические и психологические вызовы в науке и обществе”. В работе приняли участие ученые из Российской Федерации, Алжира, Египта, Йемена, Казахстана, Филиппин.

Со словами приветствия к участникам конференции обратились С.М. Васин — проректор по научной работе и инновационной деятельности ПГУ и Ж.Б. Жарлыгасов — член Правления — проректор по исследованиям, инновациям и цифровизации Костанайского регионального университета им. Ахмета Байтурсынова (Казахстан). Работа конференции была организована в гибридном формате (очные и дистанционные выступления) и состояла из пленарного заседания, двух секций (“Личность и группа в экстремальных условиях жизнедеятельности” и “Психологические и социальные механизмы”) и круглого стола (“Антропологические и психологические вызовы в науке и обществе”). В работе конференции приняли участие ученые

из России, Казахстана, Индии, Йемена, Египта и Филиппин.

Научная часть пленарного заседания была открыта выступлением Т.В. Дробышевой (Москва), в котором была затронута проблема детерминации экономического сознания. На примере исследования представлений о бедности и богатстве раскрыта, с одной стороны, функция ценностных ориентаций в процессе их конструирования, с другой — роль территориального фактора. Исследование показало, что система ценностных ориентаций молодых людей, сформированная в разных условиях их проживания (регион, большой и малый город, семьи с разным уровнем доходов), выполняет роль “фильтра”, отбирая прежде всего наиболее значимую для субъекта информацию о явлениях экономического мира. Ценностные ориентации, которые проявили наибольшую активность в процессе конструирования, “связывают” разрозненные элементы в целостное представление в сознании человека. В данном процессе может быть задействована не вся система, а лишь те ценностные ориентации, которые придают конструируемому представлению субъективную значимость, ценность в обыденном сознании.

О.Д. Воробьева (Москва) свой доклад посвятила проблеме репродуктивного поведения молодежи, тесно взаимосвязанного с решением задачи получения образования, которое в представлении современных россиян превратилось в важный социальный лифт, которое при этом отодвигает решение задачи обзаведения семьей и потомством. В российском обществе отсутствуют возможности для одновременного достижения этих двух целей. Воспитательные, пропагандистские меры, нацеленные на изменение структуры потребностей представителей раннего репродуктивного возраста, безусловно, должны быть расширены. Нужно осознать их важность. В структуре демографической политики они должны занимать куда более серьезное положение, чем сейчас. Без подобного изменения набора инструментов демографической политики в России не произойдет увеличения рождаемости.

В докладе *Р.М. Шамина* (Саратов) были затронуты вопросы социализации личности в среде социальной активности, эмпирические исследования, в которых установлены изменения отношения молодежи к различным областям социальной деятельности в результате вовлечения личности в определенные формы социальной активности. Помимо этого, им представлена эмпирически подтвержденная оригинальная модель социальной активности. В соответствии с моделью социальная активность может регулироваться различными инстанциями личности в зависимости от уровня психического отражения.

С.М. Васин (Пенза) представил результаты анализа закономерных проявлений последствий современной пандемии как предпосылок трансформации массового сознания, отнеся к краткосрочным последствиям увеличение числа случаев домашнего насилия и расторжения браков вследствие вынужденной изоляции, рост социального неравенства, изменение поведения, резкое ускорение цифровизации социальных процессов. В качестве системных последствий рассмотрены: вероятная смена приоритетной общественной модели, формирование цифрового разрыва в социальной сфере, когда представители старшего поколения рискуют не освоить стремительно развивающиеся информационные технологии.

В выступлении *Б.С. Алишева* (Казань) были представлены результаты анализа феномена интерпретации человеком реальности, который является предметом повышенного интереса в различных предметных областях, но чаще рассматривается в контексте изучения закономерностей социального познания. В социальных, межличностных

взаимодействиях интерпретация порождается прежде всего различием, несовпадением действия и намерения. Действие наблюдаемо, но причины, мотивы, намерения, вызвавшие его, остаются за пределами непосредственного восприятия. Однако информация о намерениях другого порой важнее самого совершенного им действия: без их понимания часто становится совершенно невозможным строить взаимодействие. Интерпретация является фундаментальным психологическим феноменом, а в ее основе лежит неопределенность, существующая в разной степени в конкретных ситуациях жизни и в целостном бытии человека, и необходимость постоянного ее преодоления.

Т.Ю. Садовникова (Москва) в своем докладе представила результаты исследования семейных факторов мировоззренческих установок в период вхождения во взрослость. Установлено, что дистантно-конфликтные взаимоотношения в семье, выражающиеся в отвержении со стороны матери и повышенной степени конфликтности между родителями, в восприятии молодого взрослого, выступает условием становления дисгармоничных мировоззренческих установок в период вхождения во взрослость. При выраженном восприятии “ответственности” за конфликты родителей респонденты склонны к повышенной замкнутости и заниженной самооценке, а также враждебному отношению к себе, ощущению бессилия перед трудностями, а также пониженному самопринятию.

В докладе *А.Г. Мясникова* (Пенза) были представлены результаты философско-антропологической рефлексии проблемы конструктивной адаптации в ситуации вынужденного молчания. Философско-антропологическая рефлексия предлагает рассматривать кризисные ситуации как необходимые жизненные и мировоззренческие испытания для конкретного человека и всего общества. В таких ситуациях человек сосредоточивает свои энергетические и нравственно-волевые ресурсы и разумно использует их для приближения лучшего будущего. Такие ситуации требуют от человека благоразумного молчания, которое тем не менее не является молчаливым согласием с происходящим, но способом мирного сопротивления злу, несправедливости, глупости и другим человеческим порокам, которые начинают господствовать в обществе в определенные исторические периоды. Созидательное приспособление современного человека в ситуации вынужденного молчания предполагает сохранение его внутреннего достоинства и готовности к сотрудничеству с другими людьми ради разумного совершенствования внешних условий, без которых невозможна гармоничная и счастливая жизнь.

В.В. Константинов, А.Е. Роганова (Пенза) представили результаты анализа показателей психологического благополучия лиц, находящихся в пунктах временного размещения. Выявлены различия в характеристиках ценностно-смысловой сферы у испытуемых беженцев. В иерархии ценностей украинских беженцев и вынужденных переселенцев в возрасте 30–50 лет наиболее значимыми являются семья и общество. В свою очередь, наименьшую ценность для них представляют образование, профессиональная сфера и увлечения. У беженцев и вынужденных переселенцев в возрасте 50–70 лет выделены как наиболее значимые ценности семья, увлечения и общество. Поскольку изменение ценностных установок у взрослого человека происходит лишь под действием внешнего стресс-фактора, то для беженцев становятся значимыми все аспекты человеческих взаимоотношений.

В докладе *В.М. Смирнова* (Электроизолатор) были представлены основные подходы к проблеме мировосприятия и миропонимания, сложившиеся в естественных и гуманитарных науках, а также непосредственно психологический взгляд на данную проблематику. Согласно полученным данным, антагонистическая модальность мировосприятия, основанная на идее противостояния “светлых” и “темных” сил, стала выходить на одно из ведущих мест в структуре мировоззрения молодых людей, это связано с психотравматичностью социального контекста, обусловленного трансформацией окружающей реальности.

Е.В. Кирдяшова (Саранск) акцентировала внимание аудитории на проблемах, связанных с деятельностью этнических объединений, рассматривая их в качестве акторов, детерминирующих процесс формирования национального самосознания, развивающих чувство сопричастности с тем или иным этносом, через осознание своего единства и отличия от представителей других этнических групп, трактуя национальное самосознание как систему отраженных в сознании элементов этнической реальности и объективно существующих способов жизнедеятельности этноса, репрезентуемых через призму индивидуального опыта.

В докладе *В.В. Гриценко и Н.В. Муращенковой* (Москва) были представлены результаты обзора современных зарубежных исследований этнической идентичности в юношеском возрасте, в которых подчеркивается важная роль этнической идентичности как медиатора или модератора связей между психологическими феноменами, а также связь этнической идентичности как с позитивными (например, самооценка, психологическое благополучие), так и негативными (например, агрессивность,

депрессия, социальная тревога) психологическими феноменами. Учет представленных в зарубежной психологии новых данных важен при организации исследований этнической идентичности в различных этно- и социокультурных средах, в том числе и при изучении ценностно-мотивационных основ этнической идентичности у современных российских старшеклассников.

В сообщении *А.Э. Даронда и О.Н. Тузовой* (Мурманск) были представлены результаты исследования механизмов влияния средств массовой информации на общественное сознание, актуализирующие проблему организации информационно-психологической безопасности. Один из источников угроз для информационно-психологической безопасности человека — это та часть информационного пространства, в которой распространяется информация, искаженно отражающая устройство мира и отдельных его частей, вводя человека в заблуждение, предоставляет неполную, искаженную или полностью ложную картину мира, мешая сформировать приближенную к реальности оценку себя самого и внешнего мира.

Г.Б. Романовский (Пенза) в своем выступлении, акцентировал внимание на феномене “fake news”, причины которого связаны с распространением социальных сетей, а также наличием огромного числа источников информации и возможностью производить информацию каждым гражданином. В связи с этими обстоятельствами актуализируются проблема о необходимости корректировки законодательства и проблема возможного существенного ущемления свободы слова.

В ходе выступления *Т.М. Краснянская и В.Г. Тылец* (Москва) представили структурную модель персональных концепций безопасности субъекта в экстремальных условиях жизнедеятельности, построение которой позволяет субъекту решать ряд значимых для него задач: оптимально с точки зрения безопасности реализовывать текущую жизнедеятельность; прицельно оценивать свои актуальные и потенциальные ресурсы обеспечения процессов безопасности (восстановления, сохранения, развития, нарушения) в различных условиях, средах и ситуациях; выстраивать прогноз приемлемости для себя разных видов активности с точки зрения интересов безопасности.

В докладе *Е.И. Скориковой* (Курск) были рассмотрены основные результаты исследования особенностей мироощущения старшеклассников, свидетельствующие о том, что большинство современных старшеклассников осознают сложность и неоднозначность явлений сегодняшней социальной действительности и самостоятельно вырабатывают

собственную позицию по отношению к ним. Обращает на себя внимание то, что современные старшеклассники видят свободу и независимость в личной материальной обеспеченности и стабильности. Вследствие сильного воздействия средств массовой коммуникации, расширения межрегиональных и международных контактов, расширения миграционных процессов молодое поколение по-новому воспринимает, понимает, открывает окружающий мир.

В докладе *А.Ю. Калугина, С.А. Шебетенко, А.М. Мишкевич, У.Е. Сиротиной, Ю.С. Витко* (Москва) были представлены результаты разработки полного списка дескрипторов черт личности в контексте современного русского языка. Наиболее популярной структурой черт личности на сегодняшний день является “Большая пятерка”. Она была получена на основе етіс-подхода на американской выборке и затем нашла подтверждение на других культурах в рамках етіс-подхода. Однако многочисленные культурно-специфические исследования показали, что помимо сходства есть и существенные различия как в количестве черт личности, так и в их содержании. Были получены “расширенный” список дескрипторов личности, включающий 2384 слова, и “сокращенный”, включающий 1253 слова.

А.А. Нестерова (Москва) охарактеризовала возможности использования механизмов культурной трансмиссии для поддержки этнокультурной адаптации детей-мигрантов. Важным условием этнокультурной адаптации ребенка-мигранта является поддержка в этом вопросе не только специальных служб, ведомств, но и включенность и компетентность в этом вопросе важного агента социализации ребенка — образовательной организации (детского сада, школы, техникума и т.п.). Именно образовательные организации в данном случае могут выступить необходимыми институтами социализации и проводниками процесса культурной трансмиссии. В качестве главного ресурса поддержки ребенка-мигранта выступает культурная компетентность психологов, педагогов и воспитателей, помогающих ребенку интегрироваться в процесс обучения в новой для ребенка среде и культуре, избегая чрезмерного выделения детей-мигрантов среди других детей, что может только усугубить их сегрегацию.

Доклад *Л.Е. Урдабаевой и Г.Ж. Саткангуловой* (Костанай, Казахстан) был посвящен исследованию специфики межличностных отношений в молодежной среде Казахстана. Студенты из Южно-Казахстанской области, обучающиеся в вузах Костаная, продемонстрировали меньшую степень удовлетворенности межличностными отношениями

в Костанайском регионе, в отличие от уроженцев Костанайской области. Основными причинами возникновения трудностей в межличностных отношениях, по мнению испытуемых, являются проблемы языковой коммуникации и наличие социальной несправедливости.

П.Н. Устин, Л.М. Попов, А.М. Шевцов, Р.А. Валеева (Казань) представили результаты исследования характеристик предикторов социальной успешности личности в виртуальной среде ($n = 1026$). Наиболее информативными психодиагностическими показателями, интегрирующими в себе социометрики, выступают Индекс дружелюбия и Индекс доминирования. Данные индексы отражают два аспекта социальной успешности. Первый аспект — способность пользователя создавать широкие контакты и обмениваться информацией (мнениями, лайками и др.). Второй аспект — способность субъекта общения вовлечь других пользователей в свои интересы, создать собственную группу сторонников, оказывать влияние на других. Применение перечисленных метрик и параметров графов будет психометрически валидным с точки зрения конструктивной валидности.

Р. Menaje (Манила, Филиппины) анализируя проблему суицида в студенческой среде, приходит к выводу о том, что наиболее эффективными методологическими подходами к профилактике суицида являются: 1) подход, основанный на межличностной психологической теории суицидального поведения, постулирующей тезис, что суицидальные мысли возникают вследствие высокого уровня воспринимаемой эмоциональной нагрузки и фрустрации, и 2) подход, в основе которого лежит интегративная мотивационно-волевая модель, которая концептуализирует доминирующую роль депрессии как важнейшего фактора суицидальных мыслей.

Т.Г. Какохо (Казань) в своем выступлении представил анализ проблемы феномена “общественной инициативы”, которая трактуется как элемент обратной связи, как рычаг воздействия на публичную власть, а также как способ повышения активности массового сознания для привлечения внимания к какому-то вопросу. Общественная инициатива рассматривается как предпосылка деконцентрации власти, как форма повышения ее эффективности и как способ повышения доверия населения органам власти, как элемент электронной демократии, когда право на управление делами государства может осуществляться, не выходя из дома, с помощью любого гаджета или стационарного компьютера.

В сообщении *A. Makbol* (Ходейда, Йемен), был сделан акцент на социально-психологической специфике конфессиональной толерантности йеменских студентов. В период обучения в университете у студентов интенсивно формируются поведенческие стереотипы и стереотипы межконфессионального восприятия. В процессе межличностного взаимодействия у студентов происходит их социальное

самоопределение, укореняются нравственные убеждения, усиливается роль нравственного сознания и способность опираться на позитивные социальные и духовные традиции.

Конференция получила широкий общественный резонанс и привлекла внимание к актуальным проблемам психологии массового сознания.

SEVENTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “CURRENT TRENDS IN RESEARCHES OF MASS CONSCIOUSNESS”

V. V. Konstantinov

*Penza State University; 440026, Penza, Krasnaya str., 40, Russia.
ScD, (Psychology), Professor, Head of the Department of General Psychology.
Email: konstantinov_vse@mail.ru*

Received 12.05.2023

Abstract. On March 24–25, 2023, the Seventh International Scientific and Practical Conference “Actual Problems of the Study of Mass Consciousness” was held. The organizers were Penza State University and Kostanay Regional University named after. Akhmet Baitursynov (Kazakhstan). The conference was held in a hybrid format — in person and online. The participants discussed key issues related to the problematic field of mass consciousness, focusing on the multi-level and inconsistency of this phenomenon. As a result of the conference, a collection of materials was published, revealing a wide range of research by modern psychologists in the field of psychology of mass consciousness.

Keywords: mass consciousness, personality, group, international conference.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЛЕОНИДУ МИХАЙЛОВИЧУ ПОПОВУ — 80 ЛЕТ

8 июня исполнилось 80 лет Леониду Михайловичу Попову, доктору психологических наук, Заслуженному профессору Казанского университета, Заслуженному деятелю науки Республики Татарстан, Лауреату премии Правительства РФ, Почетному работнику сферы образования Российской Федерации.

Л.М. Попов родился и окончил школу в рабочем поселке Свердловской области, где получил первый трудовой опыт слесарем-монтажником (1961), откуда был призван в ракетные войска. После демобилизации поступил в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет, где после получения диплома проходил стажировку на факультете психологии МГУ (1971), после которой с 1972 г. уже преподавал курс психологии для студентов гуманитарных специальностей Казанского государственного университета.

Научно-психологическую деятельность Л.М. Попов начал в аспирантуре Института психологии АН СССР (1974–1978) под руководством профессора Я.А. Пономарева, который ввел его в теоретико-методологическую и экспериментально-исследовательскую проблематику психологии творчества, в рамках которой по теме “Интеллектуальная инициатива в условиях общения” он защитил кандидатскую диссертацию в 1980 г. Сочетая научно-педагогическую деятельность с работой в должности председателя профкома (1989–1994), в 1992 г. Л.М. Попов защищает докторскую диссертацию по теме “Психология самодетельности”, развивая

идеи С.Л. Рубинштейна и Я.А. Пономарева о творческой самодетельности личности. В результате проведенного исследования были созданы модельные представления о психологических механизмах индивидуального и группового субъектов самодетельного творчества с их экспериментальным подтверждением. Данная тематика навсегда связала Леонида Михайловича с идеологией Института психологии РАН и научной школой Я.А. Пономарева.

В 1994 г. Л.М. Попов был участником инициативной группы психологов по учреждению Российского психологического общества, и в этом же году по его инициативе были впервые созданы кафедра психологии и отделение психологии на факультете журналистики, социологии и психологии. Забота о подготовке высококвалифицированных кадров побудила Л.М. Попова ходатайствовать о создании диссертационного совета по психологии, где он председательствовал до 2018 г. В 2003 г. Л.М. Попов избирается деканом факультета психологии в Казанском университете и совместно с чтением курсов личности ведет работу по организации учебно-образовательной деятельности студентов. Особую роль в расширении границ психологической науки и практики в университете стало играть расширение приема на психологическую специальность, а также инициированные научно-практические конференции: “Бехтерев и современная психология” (1995–2020). Л.М. Попов подготовил 47 кандидатов психологических наук, которые

работают в психологических центрах России и за рубежом, а также ведет активную подготовку психологов в городах республик Татарстан и Марий Эл (г. Йошкар-Ола). Определенное признание Л.М. Попова в области исследовательской деятельности по психологии творчества, саморазвитию личности и нравственно-этической психологии способствовало его привлечению экспертом фондов РГНФ, РФФИ, РНФ, поддержку грантов которых получал Л.М. Попов в области интеллектуального потенциала, нравственно-этической психологии, нейросетевого анализа когнитивно-поведенческих предикторов личности, а также в качестве члена редакционных коллегий ряда научных изданий, включая “Психологический журнал”.

Результатом научного поиска профессора стали несколько монографий, а также статьи, более 20 из которых за последние семь лет опубликованы в рейтинговых журналах.

В настоящее время профессор Л.М. Попов, пройдя более чем полувековой период работы в университете, трудится на кафедре клинической психологии и психологии личности Казанского федерального университета, работая с аспирантами, магистрантами и студентами.

Друзья, коллеги, редколлегия и редакция “Психологического журнала” поздравляют Леонида Михайловича Попова с юбилеем и желают ему новых открытий и свершений, радостей и тепла в науке и жизни!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

**ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ “ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА”
АНАТОЛИЮ ЛАКТИОНОВИЧУ ЖУРАВЛЕВУ — 75 ЛЕТ**

9 июня 2023 г. отмечается 75-летний юбилей академика РАН, научного руководителя Института психологии РАН, главного редактора “Психологического журнала” Анатолия Лактионовича Журавлева. На протяжении всей своей профессиональной карьеры он занимался научно-исследовательской деятельностью и внес значимый вклад в разработку различных отраслей психологии. Научная биография А.Л. Журавлева начинается с периода обучения в Ленинградском государственном университете (1967–1972) и неразрывно связана с Институтом психологии РАН, где он прошел путь от аспирантуры (1973–1976) до директора института (2002–2018), а затем и научного руководителя (2018 — наст. время). Кроме того, он был заведующим кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета (1994–2021), а сейчас занимает должности декана факультета психологии (2003 — наст. время) и заведующего кафедрой социальной психологии (1994 — наст. время) Государственного академического университета гуманитарных наук, а также заведующего лабораторией истории психологии и исторической психологии (2019 — наст. время).

В своих работах он развивал идеи выдающихся ученых — психоневролога и психиатра В.М. Бехтерева, философа и специалиста по управлению обществом В.Г. Афанасьева, философа и психолога С.Л. Рубинштейна. Научное мировоззрение А.Л. Журавлева формировалось под влиянием

таких советских психологов, как Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Л.М. Веккер, Е.А. Климов, Е.С. Кузьмин, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин, Ю.А. Самарин, Н.А. Тих, А.В. Ярмоленко и др., а затем в период обучения и работы в Институте психологии АН СССР — К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, А.В. Брушлинский, Ю.М. Забродин, Б.Ф. Ломов, А.А. Митькин, В.П. Морозов, К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, В.Ф. Рубахин, В.М. Русалов, Т.Н. Ушакова, Е.В. Шорохова и др.

За 50-летний период научно-исследовательской деятельности А.Л. Журавлев внес вклад в разработку нескольких направлений и концепций в психологии, прежде всего психологии управления и экономической психологии, а также психологии исполнительской деятельности и личности исполнителей, социально-психологической зрелости, психологии нравственности, психологии коллективного субъекта. А.Л. Журавлев изучал и разрабатывал проблемы стиля и эффективности руководства производственными коллективами, социально-психологического климата на промышленных предприятиях и в первичных трудовых коллективах, а также психологические особенности предпринимательской деятельности, экономические представления работников предприятий с разными формами собственности, экономическое сознание, самоопределение, мотивацию и социализацию личности, нравственно-психологические регуляторы

экономической активности, методологию экономической психологии в целом.

А.Л. Журавлев разработал психологическую концепцию совместной трудовой деятельности, а также сформулировал научные положения о зональном взаимодействии социально-психологических и социально-экономических феноменов, в центре которого находятся мотивационные характеристики участников совместной трудовой деятельности, ведущие ценностные ориентации, предпочтения работы в определенных социально-экономических условиях, симптомокомплексы социально-адаптивных свойств членов группы.

В области методологии и истории психологии А.Л. Журавлевым содержательно раскрыт принцип междисциплинарности, обоснованы пути его реализации, описаны основные формы и уровни междисциплинарных исследований в психологии, применен персонологический подход в исследовании биографии и творчества многих выдающихся отечественных психологов, а также сформировано наукометрическое направление и программа

наукометрического исследования, сформулированы его задачи, функции и принципы.

А.Л. Журавлев всегда придавал большое значение подготовке научных кадров высшей квалификации, кандидатов и докторов психологических наук, в связи с чем был организован экспертный семинар (по специальностям “Социальная психология” и “Психология труда, инженерная психология и эргономика”), который он возглавлял в течение 17 лет (2005–2022) и на котором прошли научную экспертизу и апробацию около 40 диссертаций, которые были успешно защищены. Многие из работ выполняли ученики А.Л. Журавлева, составляющие сегодня научную школу в области социальной и экономической психологии, психологии труда и управления.

Российское психологическое сообщество высоко оценивает научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность Анатолия Лактионовича и желает ему здоровья, благополучия, вдохновения и творческих успехов!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА МАТВЕЕВА

24 июня 2023 г. отмечает юбилей доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Лидия Владимировна Матвеева.

После окончания факультета психологии МГУ (1971) Л.В. Матвеева поступила на работу в лабораторию электрофизиологии НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского на должность младшего научного сотрудника, затем работала на кафедре общей психологии в должности старшего (с 1981 г.), ведущего (с 2001 г.) научного сотрудника, а с июня 2008 и по декабрь 2022 г. работала профессором кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Лидия Владимировна защитила кандидатскую диссертацию (1976) по теме “Электрофизиологические корреляты сенсорно-перцептивных процессов” под руководством К.В. Бардина и А.М. Иваницкого и докторскую диссертацию по теме “Общение в сфере телевидения” (2000). Ученое звание старшего научного сотрудника ей присвоено с 1990 г., а в 2011 г. она получила звание профессора по кафедре методологии психологии факультета психологии МГУ.

Лидия Владимировна является одним из лидеров в России в изучении психологических механизмов воздействия информационных коммуникаций на человека, информационной безопасности, медиапсихологии, межкультурной коммуникации и психологии переговоров — с 1983 г. руководит межкафедральной научно-исследовательской

группой “Психология массовых коммуникаций”, которая активно сотрудничает с факультетом журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Коллективом исследуются проблемы воздействия СМИ на психику человека и психологической безопасности человека в информационном глобальном пространстве, в связи с чем реализован междисциплинарный научный проект “Фактор информационной безопасности в телевизионной и рекламной коммуникации” (2001–2004).

Общий стаж научной работы Л.В. Матвеевой составляет 51 год (научно-педагогическая работа — 41 год), за которые она руководила научной работой на тему “Психологические аспекты эффективности ТВ как средства массовой информации и пропаганды” по заказу зампреда госкомитета по телевидению и радиовещанию Г.З. Юшквичюса (1986–1990), была консультантом информационной программы “Время” и молодежной редакции Центрального телевидения и радио СССР (1987–1991), занимала должность доцента в Институте повышения квалификации работников радио и телевидения (1989–1990, курсы по прикладной психологии) и главного психолога компании “Видео Интернешнл” (1993–1997), а также занимала должность профессора кафедры массовой коммуникации и связи с общественностью Дипломатической академии МИД России (2001–2006). С 2012 г. является членом общественного совета при Уполномоченном при Президенте Российской

Федерации по правам ребенка, а также членом экспертной комиссии при Роскомнадзоре.

Под руководством Л.М. Матвеевой защищено 6 кандидатских диссертаций, выполнено 75 дипломных работ, опубликовано более 186 печатных работ, из них 39 в высокорейтинговых журналах, 29 книг и монографий, ею сделаны 76 докладов на научных конференциях, а также подготовлена новая специализация “Медиапсихология” (“Психология служебной деятельности” 37.05.02 для специалитета). На протяжении ряда лет она являлась экспертом РГНФ, а с 2001 г. — председателем секции “Психология массовых коммуникаций” Российского психологического общества, членом диссертационного совета (№ Д 501.001.14) факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. По результатам научных исследований Л.М. Матвеевой подготовлены программы поточных лекций, межфакультетского и спецкурсов, среди которых “Психология коммуникаций” и “Медиапсихология”, “Методы проведения медийных исследований:

супервизия”, “Медиапсихология и информационная безопасность”.

Л.В. Матвеева осуществляет общественную и профессиональную деятельность в различных областях, а результаты ее работы отмечены наградами: медалью “В память 850-летия Москвы” за успехи в общественной деятельности и отличные показатели в работе, юбилейным нагрудным знаком “250 лет Московского университета”, благодарностями ректора МГУ, благодарностью Общественной палаты РФ. В марте 2008 г. ей присвоено звание академика Международной академии телевидения и радио, а в 2011 г. она стала лауреатом XIII Национального психологического конкурса “Золотая психея” в номинации “Проект года в психологической науке”.

Друзья, коллеги, редакция и редколлегия “Психологического журнала” сердечно поздравляют Лидию Владимировну Матвееву с юбилеем, желают крепкого здоровья, творческих успехов и мира в душе!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВАРВАРА ИЛЬИНИЧНА МОРОСАНОВА

Варвара Ильинична Моросанова — российский ученый, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования; возглавляет и развивает российскую научную школу психологии саморегуляции, специалист в области общей и дифференциальной психологии, психологии труда, психологии спорта; автор концепции индивидуального стиля саморегуляции, дифференциального и ресурсного подходов к исследованию осознанной саморегуляции человека. Более 20 лет является заведующей лаборатории психологии саморегуляции в Психологическом институте Российской академии образования, председателем научной секции психологии саморегуляции Российского психологического общества,

Варвара Ильинична родилась 22 июня 1948 г. в г. Темрюк Краснодарского края в семье военнослужащего. В 1966 г. поступила в МГУ им. М.В. Ломоносова на психологический факультет. Уже во время учебы у В.И. Моросановой под влиянием известного российского и европейского ученого профессора Д.А. Ошанина начал формироваться интерес к психологии саморегуляции. Под его научным руководством проводились ее первые теоретические и экспериментальные исследования.

После окончания Московского университета РАО с 1971 г. и поныне В.И. Моросанова работает в Психологическом институте РАО.

С 1972 г., обучаясь в аспирантуре Психологического института, под руководством Д.А. Ошанина подготовила кандидатскую диссертацию “Образ

динамического объекта и его оперативность”, которую успешно защищает в 1975 г.

В 1990-х годах В.И. Моросанова совместно с академиком О.А. Конопкиным разрабатывает теорию и практику осознанной саморегуляции, обосновывает представление о структурно-функциональном характере процессов осознанной саморегуляции, развитие которых является основой и критерием субъектного становления человека. В ее работах этого периода впервые традиционная проблема общей психологии — психическая саморегуляция — систематически исследуется в аспекте дифференциальной психологии как проблема индивидуально-типических особенностей саморегуляции произвольной активности человека.

Варвара Ильинична — автор оригинальной концепции индивидуального стиля саморегуляции человека (1995). Ею созданы экспериментальные и опросные многошкальные методики для диагностики индивидуальных профилей саморегуляции и с их помощью описаны регуляторные основы темперамента и типов акцентуации характера человека. В контексте созданного ею дифференциального подхода (2001) обосновано теоретически и верифицировано эмпирически положение о том, что развитие осознанной саморегуляции может компенсировать неблагоприятные для достижения целей личностные особенности человека. С 2011 г. В.И. Моросанова развивает ресурсный подход к осознанной саморегуляции человека, в котором обосновано, что осознанная саморегуляция является метасистемой

универсальных и специальных ресурсов, способствующих решению широкого круга задач образования и профессионального развития человека.

В 2016 г. Варвара Ильинична была избрана членом-корреспондентом Российской академии образования, что является фактом несомненного признания важности научных результатов развиваемого ею направления для психологии образования. Варвара Ильинична возглавляет (вслед за Д.А. Ошаниным и О.А. Конопкиным) и успешно развивает научную школу психологии саморегуляции, которая насчитывает в нашей стране пять поколений последователей.

В.И. Моросанова является главным редактором известного и авторитетного журнала “Теоретическая и экспериментальная психология” (К1ВАК).

Список ее научных трудов насчитывает свыше 370 публикаций. Базовая монография “Саморегу-

ляция и индивидуальность человека” издавалась дважды издательством “Наука”, отмечена дипломом РПО “Лучшая монография по психологии”. Коллективная монография “Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени” (2020, под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой) по итогам 2020 г. отмечена дипломом лауреата национального конкурса “Золотая психея”.

Варвару Ильиничну отличает неподдельный интерес к человеку во всем его многообразии. Она окружена многочисленными учениками и последователями. Творческий подход, сохранение традиций отечественной науки, а также постоянное стремление к приращению научного знания с учетом современных вызовов делают Варвару Ильиничну одним из самых ярких представителей российской психологической науки. От всей души поздравляем с днем рождения! Желаем здоровья, научного долголетия и благополучия!

КУРЕК НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

23 апреля 2023 г. на 74-м году жизни после тяжелой и длившейся более 15 лет болезни скончался Николай Сергеевич Курек, доктор психологических наук, один из широко известных отечественных исследователей в области клинической психологии, истории педологии и психотехники в СССР.

Почти вся его жизнь была посвящена психологической науке, которой он не переставал заниматься и в период тяжелой болезни, вынужденно перейдя в последние годы от экспериментов позитивистской науки (объяснительной психологии) и работы в архивах с историческими документами для своих исследований истории психологии в СССР к понимающей психологии, в рамках которой он по-своему осветил многие очень актуальные ныне проблемы религиозной, рациональной и бестиальной личности в своих монографиях, опубликованных издательствами “Алетейя” и “Ридеро”.

Оставаться до конца своих дней продуктивно мыслящим ученым Николаю Сергеевичу Куреку позволил его талант методолога, который он начал развивать еще в МГУ им. М.В. Ломоносова в своих студенческих работах, посвященных психоанализу З. Фрейда. Его свободомыслие всегда держало его в стороне от научной конъюнктуры и давало возможность выдвигать новые, вдохновляющие отнюдь не только его самого гипотезы и проверять их как экспериментальными, так и умозрительными методами — индуктивными и дедуктивными, — отдавая дань великому основоположнику эмпирической

науки — философу Френсису Бэкону. Философская эрудиция и обостренная интуиция всегда были сильными сторонами Н.С. Курека и помогали в любых исследованиях.

Исследования в рамках позитивистской науки Н.С. Курек проводил сначала в психологической лаборатории НИИ психиатрии (ВНЦПЗ) АМН СССР, где экспериментально изучал целеполагание, целедостижение и эмоциональную сферу взрослых пациентов с диагнозами “шизофрения” и “аффективное расстройство”. Описанные им виды адинамии уровня притязаний и дефицитарности в области чувств, эмоций и желаний у этих групп стали надежными дифференциально-диагностическими признаками и позволили развить культуру отечественной патопсихологической диагностики с помощью ввода четких количественных показателей, что базировалось тогда на принципах западных подходов. В ВНЦПЗ АМН СССР Н.С. Курек изучал также на модели “гомеостат” кооперацию и конкуренцию у больных шизофренией (взрослых), их аффективные реакции на такое взаимодействие. Результаты этой работы, проведенной в соавторстве, были представлены на XXV Международном психологическом конгрессе в 1992 г.

Большие исследования, в том числе проблем профилактики наркозависимости и нарушений общения в дисфункциональных семьях, были собственноручно проведены позднее Н.С. Куреком

в ГНЦ наркологии (НИИ наркологии) Минздрава России.

В фокусе внимания ученого всегда были проблемы субъекта и субъектности в разных видах исследованной им психической активности.

Николай Сергеевич много лет преподавал клиническую психологию, соединяя в лекциях достижения мировой науки с разработками отечественных ученых, читал другие авторские курсы по психологии в разных высших учебных заведениях: Южно-Сахалинском педагогическом институте (1987/88), Московском городском (ныне государственном) психолого-педагогическом университете, Московском городском педагогическом университете, откуда ушел на пенсию, когда начал болеть.

Н.С. Курек щедро делился с молодежью своими знаниями и новыми идеями, а его лекции отличались яркостью, глубиной и точностью подаваемого материала, вызвали неизменный интерес пытливых студентов и аспирантов, побуждали их к продолжению занятий наукой в аспирантуре, к собственным исследованиям на соискание степени кандидата психологических наук.

Н.С. Куреком были опубликованы 7 научных монографий, 28 научных и научно-популярных статей.

Ученики и коллеги Н.С. Курека выражают глубокое соболезнование его родным и близким, для которых он был надежным спутником жизни, заботливым отцом, любящим дедом, другом.